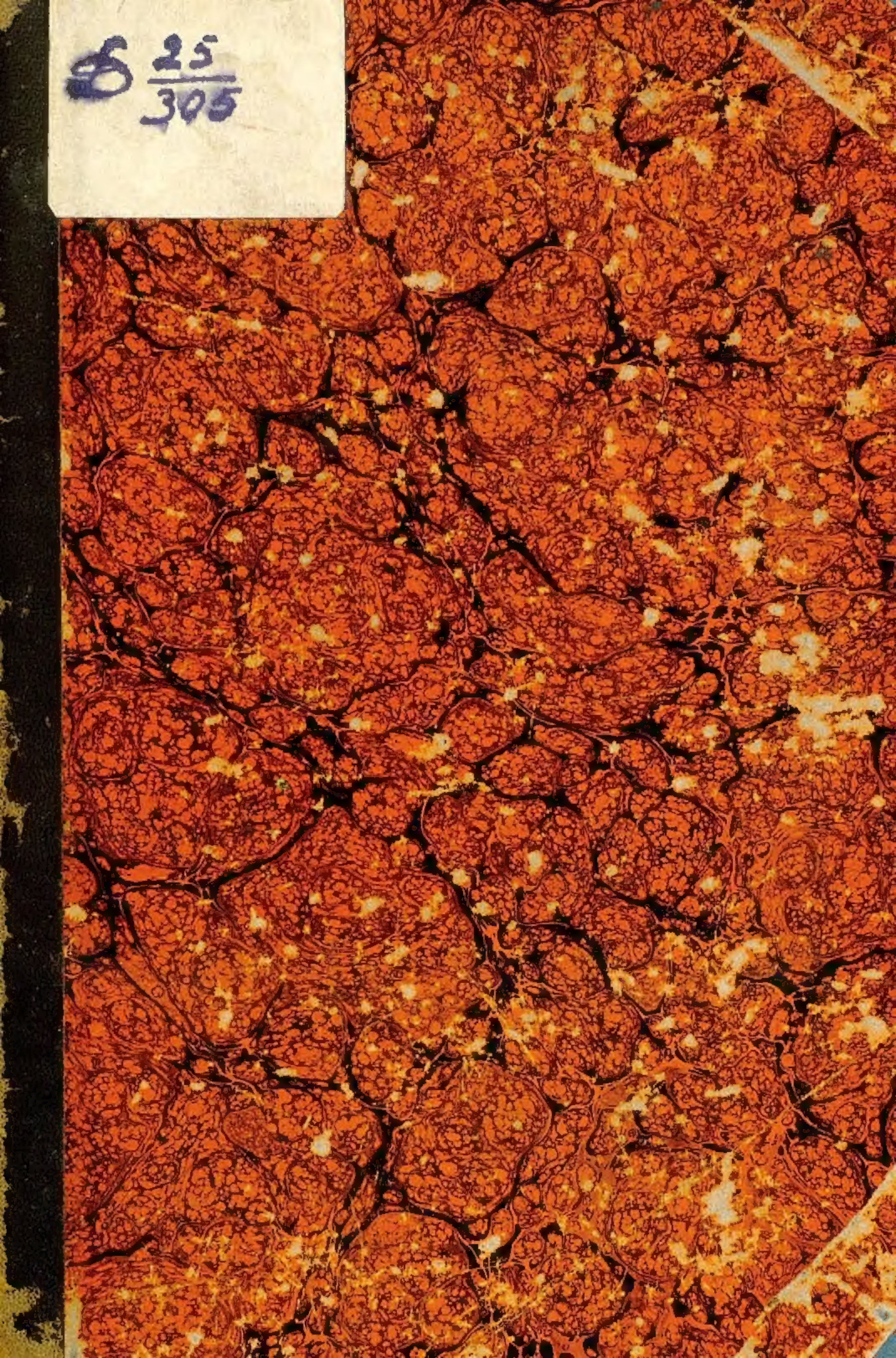
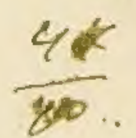

25
305

Къ столѣтнему юбилею православія въ Америкѣ

(1794—1894)

ОЧЕРКЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ

АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ

(Кадьякской миссіи 1794—1837 гг.)

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ:

1) портрета Американскаго миссіонера монаха Германа и его факсимиле; 2) вида на островѣ Кадьякѣ; 3) вида острова Еловаго; 4) рукописи іеромонаха Гедеона и переписки—матеріаловъ для исторіи Кадьякской миссіи,

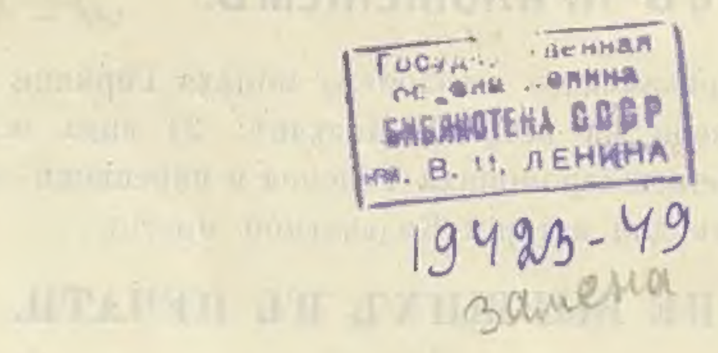
РАНѢЕ НЕ БЫВШИХЪ ВЪ ПЕЧАТИ.

Изданіе Валаамскаго монастыря.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, бывш. Н. Лебедева, Невскій просп., № 8.
1894.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 26 Іюля 1894 года.

Цензоръ Архимандритъ *Василій.*

„Людіе сѣдящіи во тмѣ видѣша свѣтъ велій, и сѣдящымъ въ странѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсія имъ“.

(Ев. Матѳ., IV, 16).

убогій Германъ

I.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

25 сентября текущаго 1894 года, въ день памяти преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія, Радонежскаго чудотворца, предстоитъ торжественное *празднованіе столѣтняго юбилея православія въ Сѣверной Америкѣ*, разрѣшенное Святѣйшимъ Сѵнодомъ, по представленію преосвященнаго Николая, епископа Алеутскаго,— о чемъ, *для всеобщаго извѣстія всѣхъ православныхъ сыновъ Христовой церкви*, и было напечатано въ № 3-мъ „*Церковныхъ Вѣдомостей*", отъ 15 января сего года.

Тамъ-же читаемъ нижеслѣдующее: „Въ сентябрѣ 1894 г. исполнится сто лѣтъ съ того времени, когда впервые возсіялъ свѣтъ православной вѣры въ предѣлахъ Сѣверной Америки, среди малоизвѣстнаго тогда племени алеутовъ. Для проповѣдыванія слова Божія посланы были Святѣйшимъ Сѵнодомъ *изъ Валаамской обители нѣсколько иноковъ*, во главѣ которыхъ стоялъ архимандритъ Іоасафъ, впослѣдствіи епископъ Кадьякскій".

Православная вѣра принесена въ Сѣверную Америку первыми прибывшими туда русскими промышленниками, въ половинѣ прошлаго вѣка. Но еще весьма долгое время не было тамъ *проповѣдниковъ-священнослужителей*, пріявшихъ чрезъ рукоположеніе дары Духа Святаго и

облеченныхъ властію совершать таинства,—не было такихъ учителей вѣры, такихъ благовѣстниковъ слова Божія, къ которымъ во всей полнотѣ относятся слова Спасителя: *„Якоже посла мя Отецъ, и азъ посылаю вы. Имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имже держите, держатся“* (Ев. Іоанн., XX, 21, 23); — *„шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ“* (Ев. Матѳ., XXVIII, 19—20);— *„шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари“* (Ев. Марка, XVI, 15). Православная миссія съ проповѣдниками-священнослужителями прибыла въ русскія владѣнія Сѣверной Америки въ 1794 году—*ровно сто лѣтъ тому назадъ.*

Какъ увидимъ далѣе, миссія эта состояла *почти исключительно изъ иноковъ Валаамскаго монастыря*. Одинъ изъ нихъ (іеромонахъ Ювеналій) сподобился мученическою смертію окончить свое равноапостольное служеніе, убитый дикарями, которымъ проповѣдывалъ слово Божіе; другой (монахъ Германъ) долгіе годы оставался одинокимъ свѣтильникомъ вѣры православной, яркимъ примѣромъ христіанской жизни и высокой нравственности для Кадьякскихъ американцевъ. Такимъ образомъ, дѣло миссіи—родное дѣло для Валаамскаго монастыря, судьбы ея близки нашему сердцу. Поэтому, къ предстоящему, 25 сентября сего года, всеобщему торжественному празднованію столѣтняго юбилея православія въ Сѣверной Америкѣ, Валаамскій монастырь долженъ принести свое посильное приношеніе и сказать свое слово.

Прибывшая въ Сѣверную Америку въ 1794 году православная миссія окончила свое существованіе въ 1837 г., со смертію монаха Германа. Объ этой миссіи и будетъ

наша рѣчь. Такъ какъ миссіонеры прибыли прямо на о. Кадьякъ, гдѣ былъ сооруженъ первый православный храмъ, гдѣ было коренное, такъ сказать, мѣстопребываніе миссіи, откуда они отправлялись въ разныя стороны для проповѣди слова Божія, то, по имени острова, и самую миссію принято называть *Кадьякскою*.

Для всякаго истиннаго христіанина несомнѣнно пріятно слышать и знать о распространеніи христіанства между людьми, еще не озаренными свѣтомъ Евангелія. Къ предстоящему празднеству долженъ съ искреннимъ сердечнымъ сочувствіемъ отнестись *каждый христіанинъ*, тѣмъ болѣе — *каждый православный русскій человѣкъ*, такъ какъ слово истины Евангельской было принесено на далекіе берега Сѣверной Америки и проповѣдано тамъ *православными русскими благовѣстниками*.

Предложить читателямъ *полную исторію* Американской православной миссіи 1794 г. (иначе сказать—Кадьякской миссіи) мы не можемъ: не имѣемъ для этого ни достаточнаго времени, ни всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ. Отвѣтить, въ общихъ чертахъ, на вопросы: *чѣмъ, какими новыми обстоятельствами въ русской жизни была вызвана Кадьякская миссія; какова была почва, на которую предстояло сѣять сѣмя слова Божія, т. е. каковы были, въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, тѣ народы, къ которымъ миссіонеры наши шли съ проповѣдью Евангелія; какой былъ составъ миссіи; каковы были результаты миссіонерскихъ трудовъ; въ чемъ и въ комъ заключались обстоятельства благопріятныя и неблагопріятныя для дѣятельности миссіи; почему, при назначеніи миссіонеровъ, выборъ палъ на Валаамскій монастырь?*—отвѣтить, по возможности, на всѣ эти вопросы—вотъ скромная цѣль нашего *краткаго очерка*.

Вполнѣ своевременнымъ считаемъ мы воспользоваться и *принадлежащимъ собственно Валаамскому монастырю* матеріаломъ для исторіи Кадьякской миссіи. *Самый матеріалъ* помѣщаемъ при этой же книжкѣ, *въ приложеніи*. Вѣроятно, не безъинтересны будутъ и приложенные къ нашему изданію виды, изображающіе мѣста, гдѣ подвизались наши миссіонеры, и портретъ со снимкомъ почерка (факсимиле) старца Германа, Валаамскаго монаха, съ жизнеописаніемъ котораго, изданнымъ Валаамскимъ монастыремъ много лѣтъ тому назадъ (1868 г.), нѣкоторые изъ читателей, быть можетъ, знакомы.

Затѣмъ, читатели, не интересующіеся подробностями, могутъ, минуя продолженіе предисловія, перейти прямо къ очерку, составляющему, вмѣстѣ съ приложеніями, наше посильное приношеніе къ предстоящему торжеству столѣтняго юбилея православія въ Америкѣ.

Такъ какъ православная духовная миссія, отправленная въ Америку сто лѣтъ тому назадъ, состояла *почти исключительно изъ иноковъ Валаамскаго монастыря*, то послѣдній, естественно, принималъ мѣры къ розысканію и собиранію матеріаловъ для исторіи этой миссіи. Старанія его не остались безъ результатовъ,—и въ настоящее время въ распоряженіи Валаамскаго монастыря находится собственно ему принадлежащій, *ранѣе полностію нигдѣ не напечатанный*, нижеслѣдующій матеріалъ:

1. Довольно обширная переписка, касающаяся исторіи миссіи и преимущественно смиреннаго Валаамскаго монаха Германа, личности во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной, рѣдкой (по силѣ, глубинѣ и продолжительности духовно-нравственнаго вліянія) и одного изъ глав-

нѣйшихъ дѣятелей миссіи. Переписка эта заключаетъ въ себѣ: нѣсколько писемъ (къ Валаамскому игумену Дамаскину) Семена Ивановича Яновскаго, бывшаго послѣ Баранова главнымъ правителемъ Россійско-Американскихъ колоній, *непосредственно* знакомаго съ мѣстными обстоятельствами и весьма близко стоявшаго къ упомянутому монаху Герману; письма преосв. Петра, епископа Новоархангельскаго, а потомъ — Якутскаго, и присланныя имъ свѣдѣнія объ о. Германѣ, собранныя по его (преосв. Петра) порученію и написанныя Кадьякскимъ жителемъ Константиномъ Ларіоновымъ,—въ подлинникѣ въ цѣлой особой тетрадкѣ, состоящей изъ 13 листовъ; письмо стоявшаго во главѣ миссіи архимандрита Іоасафа (изъ Валаамскихъ иноковъ), писанное на имя о. Германа, отъ 8 іюня 1798 г.; письмо высокопр. Иннокентія, архіепископа Камчатскаго и Алеутскаго (а впослѣдствіи—митрополита Московскаго и Коломенскаго), писанное къ иг. Дамаскину и касающееся миссіонера о. Германа; записка объ о. Германѣ Кадьякскаго священника о. Петра Кашеварова, отъ 7 сентября 1867 года; разсказъ богомольца Григорія Михайлова Лазарева *о житіи монаха Германа*; наконецъ, два подлинныхъ письма самого о. Германа къ С. И. Яновскому: одно—отъ 20 іюня 1820, другое—отъ 10 августа 1821 года; копія его-же письма, отъ 28 декабря 1818 года, къ тому-же С. И. Яновскому, и копія письма о. Германа къ Валаамскому игумену Іонаѳану, отъ 19 декабря 1819 года. Письма о. Германа къ С. И. Яновскому прекрасно обрисовываютъ передъ нами свѣтлую личность *святого старца*,—какъ многократно называетъ его г. Яновскій въ своихъ письмахъ къ иг. Дамаскину. Копія-же письма о. Германа къ иг. Іонаѳану *особенно драгоцѣнна* въ томъ отношеніи, что въ письмѣ этомъ

обстоятельства, касающіяся миссіи (хотя конечно — немногія), передаются правдивѣйшимъ повѣствователемъ,— очевидцемъ и участникомъ. Что копія дѣйствительно списана съ подлиннаго письма о. Германа, а не есть что-либо впослѣдствіи выдуманное или сочиненное, — за это, помимо прочихъ соображеній, ручательствомъ могутъ служить: во-первыхъ, лицо, отъ котораго получена копія (она, какъ и подлинныя письма о. Германа, получена отъ С. И. Яновскаго); во-вторыхъ, совершенное сходство склада рѣчи и тона этого письма съ прочими письмами о. Германа, какъ къ г. Яновскому, такъ и (въ особенности) къ Валаамскому игумену Назарію (послѣднія—въ V-ой книгѣ *Очерковъ Россіи*, Пассека, Москва, 1842 г.). Вся эта переписка, относящаяся до исторіи миссіи 1794 года (Кадьякской миссіи), поступила въ Валаамскій монастырь въ 60-хъ годахъ; значеніе ея очевидно само собою; а всѣ подлинные документы, ее составляющіе, хранятся въ канцелярскомъ архивѣ, въ дѣлѣ № 15, содержащемъ матеріалы для исторіи Валаамскаго монастыря.

2. Рукопись соборнаго іеромонаха Александро-Невской лавры о. Гедеона, обнимающая время отъ 1803 до 1807 года. Распадаясь по содержанію на двѣ части, рукопись представляетъ въ первой части живое и интересное описаніе путешествія автора отъ Петербурга до Кадьяка, а во второй—пребываніе его на Кадьякѣ, свѣдѣнія о просвѣтительныхъ трудахъ и положеніи Кадьякской миссіи и о собственной его (іеромонаха Гедеона) миссіонерской дѣятельности, изображеніе жителей Кадьяка, ихъ занятій, нравовъ, обычаевъ, религіозныхъ вѣрованій до принятія христіанства, понятій ихъ о Богѣ и мірѣ, словомъ, этнографическихъ, бытовыхъ и нравствен-

ныхъ особенностей ихъ, а также — отношеній къ нимъ Россійско-Американской Компаніи въ лицѣ ея мѣстныхъ главныхъ правителей, второстепенныхъ и низшихъ служащихъ. Въ рукописи іеромонаха Гедеона мы находимъ относительно кадьякцевъ нѣчто подобное тому, что высокопр. Иннокентій оставилъ въ наслѣдіе наукѣ относительно алеутовъ въ своихъ *Запискахъ объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла.* Мы сказали: *нѣчто подобное;* но обязаны добавить и то, что высокопр. Иннокентій (тогда еще священникъ Іоаннъ Веніаминовъ), ранѣе обнародованія своихъ *Записокъ*, пробылъ на Алеутскихъ островахъ (Уналашкинскаго отдѣла) не менѣе 15 лѣтъ, а іеромонахъ Гедеонъ жилъ на Кадьякѣ не болѣе 3 лѣтъ. Собственно къ нашему предмету относится, конечно, лишь вторая часть рукописи, но за-то весь матеріалъ этотъ чрезвычайно цѣненъ. Что касается внѣшней стороны,—вся рукопись занимаетъ, по канцелярскому счету, 81 листъ обыкновеннаго формата писчей бумаги, при ней еще находится письмо, на 2 листахъ, А. А. Баранова къ іером. Гедеону по интересному вопросу—о крушеніи корабля *Фениксъ*, на которомъ, при погибели его въ 1799 году, утонулъ преосв. Іоасафъ, епископъ Кадьякскій, со всею свитою и богатою ризницею. Сама рукопись никакого заглавія не носитъ, а на темнокрасномъ кожаномъ переплетѣ, въ который она переплетена, имѣется тисненіе золотыми буквами: *Путешествіе кругъ свѣта.* Слѣдуетъ замѣтить, что корабль *Нева*, на которомъ ѣхалъ іером. Гедеонъ, и корабль *Надежда* (съ капитаномъ Крузенштерномъ) совершили, отправившись въ 1803 году, первое изъ русскихъ кругосвѣтныхъ путешествій. *По формѣ* рукопись представляетъ копіи весьма пространныхъ писемъ—отчетовъ іером. Гедеона къ митроп.

Амвросію и менѣе обширныхъ писемъ его къ другимъ лицамъ. Еслибы даже и были найдены и напечатаны всѣ подлинныя письма, то и тогда,—мы думаемъ,—рукопись не утратила-бы своего значенія — какъ сборникъ *вѣрныхъ* копій, писанныхъ авторомъ собственноручно и связанныхъ единствомъ содержанія. Подлинная рукопись іеромонаха Гедеона хранится въ библіотекѣ Валаамскаго монастыря.

3. Тамъ-же находятся рисованные Семеномъ Ивановичемъ Яновскимъ виды, изображающіе мѣстности въ Россійской Америкѣ, *гдѣ жили и въ то время, когда тамъ подвизались наши миссіонеры*, и портретъ одного изъ миссіонеровъ—о. Германа. И виды, и портретъ мы помѣщаемъ въ нашемъ изданіи; но объ этомъ уже было сказано выше.

Въ *приложеніяхъ* къ этой книжкѣ изъ переписки помѣщается лишь то, что относится до миссіи и миссіонера Германа, изъ остальнаго-же — только необходимое для логической связи; а изъ рукописи — почти вся вторая часть цѣликомъ.

Какъ въ *перепискѣ*, такъ и въ *рукописи* мы сохранили все въ полной неприкосновенности, не измѣняя и не переставляя ни одного слова, такъ-что прилагаемыя нами копіи суть безусловно-точныя, буквальныя копіи со всего того, что мы помѣщаемъ въ видѣ матеріаловъ; въ выдержкахъ же изъ нихъ, помѣщенныхъ въ нашемъ *очеркѣ*, мы, для удобства, держались нынѣ принятаго правописанія.

Излишнимъ полагаемъ помѣщать въ *приложеніяхъ* къ нашей книжкѣ то, что желающіе могутъ найти помимо нашего изданія, напримѣръ: письма миссіонеровъ, которыя были напечатаны ранѣе, географическія карты и т. п.

При составленіи *очерка* мы пользовались, кромѣ упомянутыхъ *переписки* и *рукописи*, богатымъ матеріаломъ, заключающимся въ *Запискахъ объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла* (Санктпетербургъ, 1840 г.), преимущественно во второй части, статьею автора *Записокъ*, напечатанною въ изданіи А. Стурдзы *Памятникъ трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ*, подъ заглавіемъ *Состояніе православной церкви въ Россійской Америкѣ*, и нѣкоторыми, впрочемъ—весьма немногими, другими изданіями.

Валаамъ,
13 іюля 1894 года.

ОЧЕРКЪ

изъ исторіи Американской православной духовной миссіи.

(Кадьякской миссіи 1794—1837 гг.).

—

I.

Россійско-Американскія владѣнія.

Изъ среды русскаго народа, щедро надѣленнаго отъ Бога богатствомъ разума и силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, время отъ времени, выдѣляются личности, обладающія способностями, далеко превосходящими размѣры обыкновенныхъ. Такимъ людямъ всегда бываетъ тѣсно среди обыденной жизненной обстановки; она не удовлетворяетъ ихъ; обыкновеннаго, зауряднаго дѣла для нихъ мало; ихъ выдающимся силамъ нуженъ просторъ.

Не въ *количествѣ* силъ заключается *достоинство* и отдѣльнаго человѣка, и цѣлаго народа, а въ *направленіи* этихъ силъ. Направленіе зависитъ отъ *свободной воли*,— и въ этомъ *нравственное равенство* людей и народовъ, безъ котораго *количественное различіе* силъ было-бы не-

справедливостью. Благо человѣку, благо и народу, который употребитъ на добро данныя ему отъ Бога силы и способности, т. е. будетъ согласовать свою волю съ волею Божественной, съ Евангельскими заповѣдями любви къ Богу и любви къ ближнему.

Выдающіеся люди, ища простора для широкаго проявленія и примѣненія своихъ силъ и способностей, идутъ многоразличными путями. Одни изъ людей такого рода уходятъ въ святое подвижничество; другіе всецѣло отдаются наукѣ; третьи — государственной дѣятельности; четвертые безстрашно идутъ въ новыя, невѣдомыя дотолѣ, страны и овладѣваютъ ими, — для общей пользы соотечественниковъ, и т. д. Совершенно чисты отъ всякаго самомалѣйшаго упрека въ своекорыстіи люди, посвятившіе себя высокому подвигу христіанскаго самоотреченія. Близко подходятъ къ нимъ и безкорыстные искатели истины путемъ науки. Дѣйствіями-же остальныхъ весьма нерѣдко руководитъ исключительная жажда личнаго обогащенія, личная корысть или себялюбіе. Но не надо забывать, что всемогущій Богъ силенъ, все—и даже самое зло—обратить во благо и на пользу. Самыя ошибки и заблужденія крупныхъ людей поучительны для насъ: въ крупныхъ размѣрахъ все виднѣе и яснѣе.

Какіе изъ русскихъ людей могли *первоначально* рѣшиться направить путь свой въ отдаленную и еще *невѣдомую намъ* Америку? Очевидно, —не тѣ *средніе* люди, которымъ и дома хорошо и привольно, которымъ довольно дѣла и въ узкомъ кругѣ обыденной жизни. Потомъ, по чужимъ слѣдамъ, идутъ и такіе люди, но тогда, когда невѣдомое успѣло уже стать извѣстнымъ. А впереди— всегда люди съ смѣлымъ сердцемъ и богатыми душевными силами. Вотъ что разсказываетъ о *первыхъ* рус-

скихъ поселенцахъ въ Америкѣ миссіонеръ монахъ Германъ въ письмѣ къ Валаамскому игумену Назарію: «Здѣсь слухи объ нихъ (русскихъ) носятся такіе: что они Новгородцы и во время Царя Ивана Васильевича ушли въ Сибирь и по Ленѣ спустившись пришли на Колыму, сдѣлали 7 судовъ, называемыхъ кочами, и съ Колымы перешли на Анадырь. — Тутъ одно судно разбило, изъ коего люди вышли на берегъ; начали жить, сдѣлали церковь, которой поль и понынѣ цѣлъ, и сдѣланъ тутъ нынѣ городъ Анадырскъ; прочія же суда пошли въ море и пристали 5 въ Ижигѣ, въ Якумъ, въ Танску, а шестой дѣвался безъ вѣсти, то и думаютъ, что непремѣнно то судно принесло въ Америку, и живутъ тутъ, гдѣ нынѣ слышимъ, а при отправленіи сего моего письмеца услышалъ отъ пріѣхавшихъ съ матераго (берега) отъ Лебедевской компаніи, что тѣ русскіе люди отъ нихъ близко, и хотя они съ ними не видались; но очень слышно и получили чрезъ другихъ ножи большіе съ надписью точно тѣхъ Русскихъ; живутъ-же они, какъ слышно, на большой рѣкѣ, и рыба въ ней Сибирскихъ рѣкъ, которой у насъ на Кадьякѣ нѣтъ. Есть-же у нихъ и русская рыба, щука и налимъ". (*Очерки Россіи*, Пассека. Москва, 1842. кн. V, стр. 230—231). Нѣтъ ничего невозможнаго, что извѣстные въ нашей исторіи своею смѣлою предпріимчивостью и обширною колонизаторскою дѣятельностію Новгородцы достигли и отдаленныхъ береговъ Америки. Но во всякомъ случаѣ, это—скорѣе предположеніе, хотя и вполнѣ вѣроятное. *Рыба-же сибирскихъ рѣкъ и русская рыба — щука и налимъ* — могла быть привезена и въ позднѣйшія времена, ранѣе только прибытія въ Америку нашей миссіи.

Извѣстно и вполнѣ достовѣрно, что, начиная съ по-

ловины прошлаго вѣка, русскіе безпрерывно предпринимали путешествія въ сѣверозападную часть Америки, съ промышленными и торговыми цѣлями, и завладѣли постепенно сначала островами, лежащими между Камчаткой и Аляской, а потомъ и землями на материкѣ. Главную роль въ этомъ дѣлѣ играли представители нашего купеческаго сословія,—какъ капиталами своими, такъ и личнымъ трудомъ и предпріимчивостью. Много требовалось ума, находчивости, смѣлости, готовности выносить всевозможныя лишенія и опасности; много положено было тяжелаго труда и терпѣнія. Дѣло было новое, крупное,—и люди нужны были крупные, выдающіеся; средній человѣкъ шелъ за ними, отчасти—вмѣстѣ съ ними.

Открывшій Алеутскій островъ капитанъ Берингъ первый показалъ русскимъ путь въ Америку. Собственно открытія Беринга,—кромѣ материка Америки и пролива, отдѣляющаго эту часть свѣта отъ Азіи,—ограничиваются немногими островами, къ числу коихъ принадлежатъ, напримѣръ, *Шумагинскіе*, замѣченные еще при первомъ путешествіи, въ 1728 году, открытые во второе путешествіе, въ 1741 году, лежащіе неподалеку отъ южнаго берега Аляски и названные по имени одного матроса съ Берингова судна, который тамъ похороненъ, а также открытые въ 1728 году острова *Мѣдный* и *св. Лаврентія*.

Послѣ путешествія Беринга и его товарищей торговая предпріимчивость увидѣла новые источники богатства въ новооткрытыхъ земляхъ и островахъ американскихъ, или—точнѣе сказать—предположила, предугадала эти новые источники богатства въ земляхъ еще невѣдомыхъ, но путь къ открытію которыхъ былъ отчасти уже указанъ,—и не ошиблась въ своемъ предположеніи. Частные люди рѣшились немедленно приняться за дѣло. За-

ѣзжіе въ Сибирь и сибирскіе купцы начали составлять небольшія компаніи, складчины, строить суда, нанимать вольныхъ работниковъ и, благословясь, пускаться въ далекій и опасный путь по неизвѣданному морю, безъ картъ и—случалось—даже безъ компасовъ, на малонадежныхъ судахъ, имѣя на защиту нѣсколько ружей и топоровъ, предводимые бывалымъ мореходомъ, который правилъ по звѣздамъ небеснымъ. Иногда, носимые бурею, сбитые съ пути, они плыли на-авось, куда вѣтеръ занесетъ, гибли, или находили новые острова и земли, получали на нихъ богатую добычу, сражались съ дикарями, подчиняли ихъ подъ царскую власть. Не менѣе трудно было самое возвращеніе, и гибель ждала нерѣдко отважныхъ путешественниковъ даже вблизи тихой пристани, у знакомаго берега родной земли. Но за все вознаграждала вывозимая промышленниками добыча, иногда дѣйствительно громадная и богатая, составлявшая,—случалось,—цѣнность въ 300,000 рублей.

Смѣлый и предпріимчивый сержантъ Нижнекамчатской команды *Емельянъ Басовъ*, узнавъ, какую богатую добычу вывезли спутники Беринга, рѣшился самъ испытать счастье. Въ товариществѣ съ московскимъ купцомъ *Андреемъ Серебренниковымъ*, онъ, первый изъ русскихъ, пустился въ 1743 году на промыселъ за бобрами, на своемъ собственномъ суднѣ. Неизвѣстно, кто былъ у него штурманомъ, или, какъ тогда называли, *мореходомъ*; но въ это путешествіе Басовъ не пошелъ дальше *Берингова* острова, гдѣ провелъ зиму, и на слѣдующій годъ возвратился въ Камчатку. Потомъ онъ совершилъ еще три путешествія, въ компаніи съ иркутскимъ купцомъ *Никифоромъ Трапезниковымъ*. Басовъ умеръ богачемъ и показалъ соотечественникамъ новую дорогу къ обширной и

богатой промышленности. Именемъ *Басова* и судна его *Петръ*, бывшаго съ нимъ въ третье путешествіе (1747 г.), до сихъ поръ называются двѣ губы *Мѣднаго* острова: *Басовская* и *Петровская*. Промышленныя удачи Басова вызвали соревнованіе. Купцы *Чупровъ*, *Чебаевскій* и тотъ же *Трапезниковъ* послали въ сентябрѣ 1745 г. судно *Евдокію*, поручивъ его тобольскому крестьянину *Михаилу Неводчикову*. Изъ перваго путешествія онъ вывезъ товару на 20.000 рублей, а второе путешествіе его было неудачно, и Неводчиковъ погибъ. Но съ тѣхъ поръ суда отъ разныхъ частныхъ торговыхъ компаній начали отправляться ежегодно.

Около 1743 года селенгинскій купецъ *Андреянъ Толстыхъ* открылъ острова, извѣстные подъ именемъ *Андреяновскихъ*.

Въ 1759 году промышленникъ *Глотовъ*, плававшій на суднѣ купца Никифорова, открылъ *Лисьи* острова, получившіе свое названіе отъ множества лисицъ, на нихъ находившихся.

Штурманъ *Гавріилъ Прибыловъ* открылъ въ 1786 г. острова, названные въ честь его островами *Прибылова*. Лежатъ они на Сѣверъ отъ Алеутскихъ острововъ и противъ Лисьихъ, между 57° и 56° сѣв. широты. Ихъ два: островъ св. *Павла*, имѣющій въ окружности около 90 верстъ, и лежащій къ югу отъ него островъ св. *Георгія*, значительно меньшій перваго.

Новые промышленники, да и прежніе, отправлявшіеся на промыселъ во второй или въ третій разъ, не только посѣщали ранѣе извѣстные острова, но и открывали новые. Такимъ образомъ, пройдя всю гряду Алеутскихъ острововъ, достигли они полуострова Аляски и материка Америки. Существенно важно то, что они не только

заботились о полученіи добычи, о пріобрѣтеніи собственныхъ выгодъ, но вмѣстѣ (хотя отчасти и это вытекало изъ тѣхъ-же личныхъ разсчетовъ) заводили поселенія на новыхъ земляхъ, собирали *ясакъ* (дань) съ тамошнихъ народовъ въ пользу русскаго правительства и такимъ образомъ постепенно подчиняли эти народы русской государственной власти. Кромѣ *ясака*, правительство получало отъ промышленниковъ и *часть прибылей* и за все это щедро награждало предпріимчивыхъ торговцевъ и отважныхъ мореплавателей медалями, подарками, почетнымъ званіемъ *именитыхъ граждан*.

Было-бы утомительно, да и безполезно для нашей цѣли перечислять *всѣ* путешествія и *всѣхъ* путешественниковъ. Но нельзя не сказать о самомъ замѣчательномъ и выдающемся изъ всѣхъ торговыхъ предпринимателей, путешествовавшихъ въ Америку съ цѣлію открытія новыхъ мѣстъ и источниковъ для промышленности. Таковымъ, по обширности замысловъ и по удачному выполненію умно обдуманныхъ плановъ, былъ, безспорно, *Григорій Ивановичъ Шелеховъ*. Бѣдный мѣщанинъ города Рыльска, онъ ушелъ въ богатую Сибирь искать счастья, началъ торговать, пріобрѣлъ небольшія средства и въ 1776 году отправилъ отъ себя на промыселъ первое судно. Потомъ, въ компаніи съ богатымъ сибирскимъ откупщикомъ, курскимъ купцомъ *Голиковымъ*, ему удалось значительно расширить свои предпріятія. Но такой обыкновенный, хотя и удачный, ходъ дѣлъ не удовлетворялъ Шелехова. Планы его были шире, цѣли—возвышеннѣе. Онъ сознательно поставилъ главнѣйшею задачею—*упрочить за Россіею новооткрытые земли и острова, привести ихъ обитателей въ ея подданство, завести осѣдлость и привить гражданственность вездѣ, гдѣ*

только представлялась къ тому возможность. Положимъ, и другіе, какъ мы уже сказали, дѣйствовали отчасти въ томъ-же духѣ, но преимущественно въ той мѣрѣ, въ какой это было нужно для ихъ личныхъ цѣлей. Шелеховымъ управляло сознательное чувство русскаго гражданина. При этомъ, онъ отлично понималъ, что личные интересы его, при такомъ образѣ дѣйствій, не пострадаютъ,—и не ошибся.—„Не ранѣе 1783 г. Шелеховъ могъ привести въ исполненіе свои обширные планы; 16 августа онъ самъ, сопровождаемый женою, выступилъ въ море на трехъ карабляхъ, построенныхъ на своей собственной верфи, близъ Охотскаго порта, и первый доставилъ основательныя свѣдѣнія о вновь открытыхъ островахъ. 21 іюня 1784 года, Шелеховъ прибылъ къ острову Кадьяку, наибольшему изъ прилежащихъ къ материку Америки и населенному воинственнымъ народомъ, который еще въ 1761 и 1776 годахъ *отражалъ* русскихъ промышленниковъ. То же *сопротивленіе* встрѣтилъ и Шелеховъ, который, имѣя съ собою не болѣе 200 человѣкъ экипажа, *подвергался большой опасности*, но, дѣйствуя отлично отъ прежнихъ промышленниковъ, онъ ласками и подарками вскорѣ успѣлъ привлечь къ себѣ нѣкоторыхъ островитянъ, а слухи о дѣйствіи пороха и силѣ русскихъ мало-по-малу склонили къ союзу и другихъ. Дикари приводили къ Шелехову аманатами своихъ дѣтей и просили учить ихъ говорить и читать по-русски, и онъ устроилъ школу для 25 мальчиковъ. Исполнивъ *великое дѣло пріобрѣтенія для Россіи многочисленнаго народа*, Шелеховъ открылъ путь къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ по сѣверному берегу Америки. Въ 1785 г. онъ отправилъ въ 4-хъ байдарахъ 52 чел. русскихъ и 120 алеутовъ къ востоку до Кенайскаго залива, чтобы

ознакомиться съ мѣстностью и народами, населяющими на пути лежащіе острова и берега Америки. Посланные возвратились въ августѣ, имѣвъ сношенія съ островитянами, кенайцами и чугачами, и привезли съ собою 20 человѣкъ заложниковъ отъ разныхъ племенъ. Подобная поѣздка совершена и въ 1786 г. къ мысу Иліи, причемъ были выстроены укрѣпленія на Афагнакѣ и при Кенайской губѣ. По возвращеніи въ Иркутскъ, Шелеховъ ѣздилъ въ Петербургъ и за свои услуги пожалованъ золотою медалью, осыпанною алмазами, шпагою и похвальною грамотою. Въ 1793 г., по ходатайству Шелехова, на островъ Кадьякъ была отправлена духовная миссія. Для основанія ремеслъ и земледѣлія посланы туда, по его представленію, 20 человѣкъ изъ ссыльныхъ мастеровыхъ, кузнецовъ, слесарей и пр. и 10 семействъ хлѣбопашцевъ. Шелеховъ умеръ въ Иркутскѣ 20 іюля 1795 г., на 48 году отъ роду. По смерти его Императрица Екатерина II даровала его женѣ и потомству право наслѣдственнаго дворянства, не лишая ихъ притомъ права производить торговлю".

Первоначально наша американская промышленность производилась отдѣльными частными лицами или небольшими частными торговыми компаніями. Такой порядокъ привелъ, съ теченіемъ времени, къ излишнему развитію конкурренціи, въ ущербъ дѣлу и интересамъ общей пользы. Послѣднее частное промысловое судно *Зосима и Савватій* было отправлено въ 1792 году и принадлежало иркутскому купцу Киселеву. Затѣмъ, до 1797 г. работала *одна* крупная компанія *Шелехова и Голиковыхъ*, изъ которой въ слѣдующемъ 1798 году образовалась *Россійско-Американская Компанія*, подъ покровительствомъ Государя, съ главнымъ правленіемъ въ Петербургѣ. Ей

отданы были въ распоряженіе всѣ американскіе острова и берега. Актъ Высочайше дарованнымъ Россійско-Американской Компаніи привиллегіямъ положилъ конецъ всѣмъ малымъ компаніямъ, кои не пожелали присоединить свои капиталы къ капиталамъ Шелехова и Голикова; такимъ образомъ прекратились *всякія* частныя предпріятія, съ предоставленіемъ, впрочемъ, всѣмъ и каждому брать свободныя компанейскія акціи и такимъ путемъ участвовать въ прибыляхъ Компаніи. И такъ, Компаніи была предоставлена торгово-промышленная монополія въ Россійско-Американскихъ владѣніяхъ. Кромѣ того, правительство предоставило ей права и возложило на нее обязанности по администраціи края и по всѣмъ предметамъ, касающимся гражданскаго благоустройства и народнаго просвѣщенія, не выключая и просвѣщенія религіознаго. такъ какъ на Компанію возложено было строить церкви и содержать духовенство.

„Вся Россійская Америка,—сказано въ предисловіи къ *Запискамъ объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла*,—находится въ вѣдѣніи Россійско-Американской Компаніи и состоитъ подъ главнымъ управленіемъ *начальника колоній*, избираемаго Компаніею изъ флотскихъ офицеровъ и утверждаемаго правительствомъ. Въ каждомъ отдѣлѣ Компанія имѣетъ свои конторы, состоящія подъ управленіемъ *правителя конторы*, изъ коихъ каждый есть вмѣстѣ и начальникъ своего отдѣла. Всѣ меньшіе отдѣлы и мѣстечки. состоящіе подъ начальствомъ *управляющаго* или *байдарщика*, причисляются къ которому-нибудь изъ *главныхъ отдѣловъ*".

Упомянутыя *Записки* напечатаны въ 1840 году. Такой порядокъ продолжался до 1867 года, когда Россійско-Американскія владѣнія правительствомъ нашимъ были

уступлены Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ.

Укажемъ, въ общихъ чертахъ, границы и составъ россійско-американскихъ владѣній. Сѣверный Ледовитый океанъ, Берингов проливъ; наши владѣнія въ Азіи съ Бобровымъ моремъ до южной части Камчатки; Великій океанъ до 54°41′ сѣв. шир., — вотъ границы съ трехъ сторонъ; а отсюда восточныя границы материковой части владѣній шли по сѣверо-западному направленію, почти параллельно морскому берегу, до горы св. Иліи; потомъ—по меридіану горы св. Иліи вплоть до Сѣвернаго Ледовитаго океана.

Въ составъ владѣній входили: острова, лежащіе въ *Бобровомъ* морѣ, какъ о. *св. Лаврентія*, *Мѣдный*, острова *Прибылова*; длинная гряда *Алеутскихъ* островов, идущихъ въ видѣ группъ разныхъ наименованій (*Крысьи*, *Андреяновскіе*, *Лисьи*) отъ Камчатки до полуострова Аляски; полуостровъ *Аляска* и земли на материкѣ, граничившія на востокѣ съ Великобританскими владѣніями, а на югѣ доходившія до 54°41′ сѣв. широты; острова, примыкающіе къ этой части владѣній и лежащіе въ Великомъ океанѣ, какъ *Ситха*, *Кадьякъ*, *Афогнакъ* и др.

„Американская часть Россіи (говоритъ Вадимъ Пассекъ въ *Очеркахъ Россіи*, ч. I, статья *Горы Россіи*) гориста по всему ея протяженію. Эти горы, образуя мысъ Аляску, далеко вдаются въ океанъ и направляются островами до восточнаго берега Камчатки. Наши американскія горы, поднявшись островерхими оконечностями, круто спускаются къ океану и отъ самыхъ вершинъ до поверхности воды одѣты лѣсами, которыхъ не успѣлъ еще человѣкъ истребить, украсить и обезобразить".

Такова значительная часть бывшихъ нашихъ владѣ-

ній въ Америкѣ, извѣстная подъ названіемъ *Алеутскихъ* острововъ. Относительно владѣній на материкѣ и прилежащихъ къ нимъ острововъ слѣдуетъ сказать, что внутренняя часть ихъ также покрыта высокими горами, склоняющимися, съ примѣтнымъ пониженіемъ, къ сѣверу; высочайшая изъ нихъ гора св. Иліи. На востокѣ тянутся обширные лѣса, особенно сосновые. Берега утесисты; также и острова, прилежащіе къ нимъ, омываемые Великимъ океаномъ, покрыты горами и скалами, большею частію волканическаго образованія. Вершины многихъ горъ,—какъ на Алеутскихъ островахъ, такъ и на островахъ. лежащихъ въ Великомъ океанѣ, напр., на о. Кадьякѣ, и на материкѣ Америки, — покрыты снѣгомъ. Высота снѣжной линіи въ разныхъ мѣстахъ различна, какъ и самая высота горъ. Климатъ вообще умѣренный. Но въ болѣе сѣверной части владѣній зимы довольно продолжительны и суровы, съ мятелями и вьюгами. Море подвержено частымъ и долгимъ волненіямъ. Туманы и сырость обыкновенны. Послѣднее объясняютъ отчасти снѣжными вершинами горъ, отчасти положеніемъ владѣній на границѣ двухъ океановъ, Сѣвернаго и Великаго— холоднаго и теплаго. Снѣгъ выпадаетъ обыкновенно въ октябрѣ и лежитъ до мая. При климатѣ вообще умѣренномъ, хлѣбные злаки, какъ рожь, овесъ и тому подобные, тамъ, т. е. въ большей части владѣній, лежащихъ на сѣверѣ, не вызрѣваютъ, — и это вслѣдствіе частыхъ тумановъ и частыхъ перемѣнъ погоды. По крайней мѣрѣ, такъ было въ то время, о которомъ мы говоримъ. Наоборотъ, огородныя овощи, какъ рѣпа, картофель, морковь, брюква, росли отлично; капуста—гораздо хуже; а огурцы, растеніе болѣе нѣжное, и вовсе не привились. Но тамошніе жители, до прибытія русскихъ, и не знали

никакихъ культурныхъ растеній. Они довольствовались разными ягодами, которыя произрастали тамъ въ изобиліи: малина, черника, княженика, клюква, морошка, шикша (empetrum nigrum). *Шикша* имѣетъ порядочный вкусъ, и эту ягоду какъ алеуты, такъ и кадьякцы запасали на зиму, употребляя ее съ китовымъ жиромъ. Въ большомъ употребленіи былъ также корень *сараны*. Но не въ растительномъ царствѣ находили тамошніе жители средства къ пропитанію. На островахъ не мало озеръ и рѣкъ, хотя и небольшихъ; кругомъ море. Рыба рѣчная и морская ловилась въ изобиліи и заготовлялась на зиму въ вяленомъ видѣ, подъ названіемъ *юколы*. Разныя птицы, звѣри, животныя (киты, нерпы, сивучи, коты морскіе, бобры, лисицы) доставляли имъ мясо для пищи, жиръ, матеріалъ для байдаръ и байдарокъ, въ которыхъ они ѣздили по морю охотиться за этими животными.

При всемъ томъ, безпечные дикари нерѣдко терпѣли крайній недостатокъ, даже голодъ и питались *морскою капустой* (fucus esculentus), годной скорѣе для удобренія почвы, чѣмъ для питанія человѣка.

II.

Алеуты и кадьякцы въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Мы видѣли въ предъидущей главѣ, *какимъ путемъ* и *какія земли* въ Америкѣ были пріобрѣтены подъ власть Россіи къ концу прошлаго вѣка.

Земли эти были населены языческими народами. Намъ предстояло обратить ихъ къ православной вѣрѣ Христовой, просвѣтить ихъ свѣтомъ истины.

Каковы-же были, *въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ*, тѣ народы, къ которымъ мы, русскіе, шли съ проповѣдью Евангелія, другими словами — *какова была почва для сѣянія слова Божія?* Можетъ быть, нѣкоторые найдутъ излишнимъ для нашей цѣли разсмотрѣніе этого вопроса. Таковымъ, вмѣсто всякихъ возраженій, мы укажемъ на Евангельскую притчу о сѣятелѣ: „*Се изыде сѣяй, да сѣетъ. И сѣющу ему, ова падоша при пути: и пріидоша птицы, и позобаша я. Другая же падоша на каменныхъ, идѣ же не имѣяху земли многи: и абіе прозябоша, зане не имѣяху глубины земли. Солнцу же возсіявшу, присвянуша: и зане не имѣяху коренія, изсхоша. Другая же падоша въ терніи, и взыде терніе, и*

подави ихъ. Другая же падоша на земли добрѣй, и даяху плодъ, ово убо сто, ово же шестьдесятъ, ово же тридесятъ". (Ев. Матѳ. XIII, 3—8). Итакъ одинъ сѣятель, одно сѣмя; но различная почва, различныя условія—и различные результаты.

Физико-географическія и всѣ прочія условія, среди которыхъ живетъ народъ, имѣютъ рѣшительное и неотразимое вліяніе на образованіе его умственнаго склада и характера, его религіозныхъ и нравственныхъ понятій, когда народъ находится въ *естественномъ* состояніи, т. е. внѣ полнаго и прямого дѣйствія и вліянія Божественнаго откровенія. Разсмотрѣніемъ всѣхъ вышеозначенныхъ условій объясняется, *почему у извѣстнаго народа, находящагося въ естественномъ состояніи, сложились такія или иныя религіозныя, нравственныя и прочія понятія*. Но разрѣшеніе такихъ вопросовъ—дѣло *подробнаго изслѣдованія;* а намъ, въ нашемъ *краткомъ очеркѣ*, достаточно представить, *какія* были религіозныя и нравственныя понятія у народовъ, обитавшихъ въ Россійско-Американскихъ владѣніяхъ, до принятія ими христіанства, оставляя въ сторонѣ вопросъ, *почему* у нихъ были именно такія понятія. Нельзя, конечно, не коснуться (хотя слегка) и племенныхъ ихъ особенностей, ихъ умственнаго развитія и характера ихъ, такъ какъ все это находится въ тѣснѣйшей взаимной связи.

Но и въ этихъ границахъ мы будемъ говорить только о тѣхъ народахъ, которымъ православная вѣра христіанская была проповѣдана членами *Кадьякской миссіи*, а не о всѣхъ народахъ бывшихъ нашихъ владѣній въ Америкѣ. *Алеуты* разныхъ наименованій, *кадьякцы* (жители острова Кадьяка), *чугачи* (жившіе на материкѣ Америки)—вотъ тѣ народы, среди которыхъ подвизалась

Кадьякская миссія. Всесторонніе, научно обработанныя свѣдѣнія объ *алеутахъ* мы находимъ въ *Запискахъ объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла*, къ которымъ и отсылаемъ читателей, интересующихся подробностями; о *кадьякцахъ* много сообщаетъ іеромонахъ Гедеонъ въ своей рукописи (см. въ *Приложеніяхъ*); *чугачи*—тѣ же кадьякцы.

Выше мы сказали, что вся гряда острововъ отъ Камчатки до Аляски носитъ общее названіе *Алеутскихъ* острововъ; а жители всѣхъ этихъ острововъ извѣстны подъ именемъ *алеутовъ*. Сами себя народы эти называли разными наименованіями, но отнюдь не алеутами; названіе же *алеутовъ* дано имъ русскими промышленниками. Авторъ *Записокъ объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла* даетъ слѣдующее остроумное объясненіе этого названія: „Зная языкъ алеутскій и ихъ обычаи, можно думать, что алеуты, при первоначальномъ свиданіи съ русскими — первыми посѣтителями и первыми людьми, которыхъ они увидѣли, кромѣ себя и своихъ сосѣдей—вѣроятно отъ удивленія говорили между собою: *áликъ уáя*, или сокращенно *алиуáя*, т. е. *чтó это*, или *чтó это такое?* И также на всѣ вопросы русскихъ, безъ сомнѣнія не знавшихъ алеутскаго языка, не понимая ихъ, отвѣчали тѣми же словами *áликъ*, *алиуáя*, которыя очень часто употребляются и въ обыкновенныхъ разговорахъ, а иногда какъ присловіе. Русскіе же, очень часто слыша такіе звуки, могли подумать, что жители такъ называютъ сами себя; или, не имѣя возможности узнать настоящаго имени, начали называть ихъ *алиутами*, а потомъ—*алеутами*. Эту же самую догадку касательно названія алеутовъ предполагаетъ и г. Шамиссо (бывшій на Уналашкѣ въ 1817 году)“. Скуловатое лицо, узкіе гла-

за, кривыя ноги, черные и грубые волосы, сутуловатая фигура — вотъ наружные признаки, по которымъ *алеутовъ* можно причислить къ народамъ *монгольскаго* племени, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что они пришли на обитаемые ими острова изъ Азіи. Совершенное несходство *алеутскаго* языка съ *кадьякскимъ* и никогда не прекращавшаяся, непримиримая вражда между *алеутами* и *кадьякцами* могутъ служить указаніями на племенное различіе этихъ двухъ народовъ,—хотя не только въ образѣ жизни (что объясняется мѣстными физико-географическими условіями), но и въ самой наружности, обычаяхъ, нравственныхъ и религіозныхъ понятіяхъ ихъ слишкомъ много поразительно сходственнаго, или—точнѣе сказать — общаго, одинаковаго. Не потому ли всѣ жители нашихъ бывшихъ владѣній въ Америкѣ болѣе извѣстны подъ однимъ общимъ именемъ *алеутовъ?* И, напр., іеромонахъ Гедеонъ, въ рукописи своей, называетъ жителей острова Кадьяка то *алеутами*, то *кадьякскими американцами*.

Кадьякцы,—надо полагать,—американскаго племени, хотя американскій типъ и далеко не сохранился у нихъ во всей чистотѣ. По преданію *кадьякцевъ*,—предки ихъ жили прежде на сѣверной сторонѣ *Аляски*, близъ большой рѣки *Квигнакъ*. У нихъ *анаюгакъ* (хозяинъ, начальникъ) былъ именемъ *Атлювату:* онъ имѣлъ одну только дочь, которую очень любилъ. Она пропала безъ вѣсти. Взявъ своихъ людей и пригласивъ съ собою другого *анаюгака*, по имени *Якунака*, онъ отправился искать дочь. Ходили они долгое время по разнымъ мѣстамъ. Приблизившись же къ южной сторонѣ Аляски, увидѣли землю и назвали ее *Кигихтакъ*, что собственно на ихъ языкѣ значитъ *островъ*. (Этимъ именемъ назывался *Кадь-*

якъ до самаго прибытія русскихъ). *Атлювату* и *Якунакъ* захотѣли полюбопытствовать и, увидѣвъ тамъ свои выгоды, согласили прочихъ со всѣми семействами переселиться на *Кигихтакъ (Кадьякъ)*. Сходство языковъ *аляскинскаго* съ *кадьякскимъ* подтверждаютъ справедливость такого событія.

Алеуты, при среднемъ и выше средняго ростѣ, далеко не отличаются красивою наружностью. Они, напротивъ, неуклюжи, неповоротливы, мѣшковаты. Мужчины обыкновенно худощавы, или, какъ говорится по-русски, поджаристы; женщины же и дѣти, при обильномъ питаніи, напримѣръ — китовиной, бываютъ часто довольно полны, а иногда — безобразно толсты. Черепъ не малъ. Глаза хотя и небольшіе, но быстрые и зоркіе. Когда русскій едва замѣчаетъ что-либо на морѣ, алеутъ можетъ различить, однолючная то, или двухлючная байдарка; а когда русскій разсмотритъ байдарку, алеутъ узнаетъ въ лицо и самыхъ гребцовъ. Объясняется это, между прочимъ, и наслѣдственной привычкой цѣлаго ряда поколѣній. Движенія алеутовъ вообще медленны, невѣрны. Но въ случаѣ нужды у алеута является быстрота, поворотливость, ловкость, живость, расторопность,—какъ будто онъ перерождается, дѣлается другимъ человѣкомъ. На морѣ, въ своей однолючной байдаркѣ, алеутъ показывается съ самой лучшей стороны. Тутъ никакой русскій не сравнится съ алеутомъ,—и въ этомъ опять надо видѣть результатъ наслѣдственной привычки, воспитанной длиннымъ рядомъ поколѣній.

Кадьякскіе американцы, — по описанію очевидца, іеромонаха Гедеона, — роста средняго, собою рѣдкіе статны и стройны, а по большей части сутоловаты, лицо имѣютъ немного широкое, смуглое, иные румянобѣлое,

носъ средней величины, глаза и волосы черные, брови густыя, уши широкія, губы нѣсколько толстыя, зубы бѣлые. При условіяхъ жизни почти одинаковыхъ съ алеутами, *кадьякцы* не менѣе алеутовъ привычны къ морю и байдаркѣ: и тѣ, и другіе чувствуютъ здѣсь себя вполнѣ на своемъ мѣстѣ.

Алеуты очень переимчивы. Они быстро научились отъ русскихъ всѣмъ ремесламъ, какія видѣли. Скоро явились между ними хорошіе столяры, плотники, кузнецы, слесаря, сапожники. Живость воображенія алеутовъ видна изъ ихъ умѣнья подмѣчать смѣшныя стороны въ человѣкѣ. Они несомнѣнно любознательны, такъ какъ и взрослые алеуты нерѣдко выказывали охоту учиться грамотѣ. Вообще, они обладаютъ порядочными умственными способностями и при этомъ хорошею памятью. Все дѣло—въ развитіи, котораго они были лишены слишкомъ долгое время. То же можно сказать и объ умственныхъ способностяхъ *кадьякцевъ*: онѣ неопровержимо засвидѣтельствованы чрезвычайно успѣшнымъ ходомъ школьнаго образованія на Кадьякѣ. Около 1805 года въ тамошней школѣ производились формальные публичные экзамены, въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ; число учениковъ простиралось до восьмидесяти. А двадцать лѣтъ назадъ, кадьякцы, по описанію Шелехова, были такими дикарями, что, напримѣръ, зеркало или порохъ не только приводили ихъ въ удивленіе выше всякой мѣры, но поселяли въ душѣ ихъ суевѣрный ужасъ передъ русскими, въ которыхъ они видѣли людей съ сверхъестественною, чудодѣйственною силою. Тогда кадьякцы не умѣли даже выстроить для себя порядочное жилище, при обиліи лѣса, потому что у нихъ не было самыхъ обыкновенныхъ. самыхъ простыхъ орудій, вродѣ топора. Кадьякцы.

какъ и алеуты, по большей части молчаливы: таково, вѣрно, вліяніе окружающей природы и всей жизненной обстановки. Но нѣкоторые отвѣты ихъ, быстрые и находчивые, ясно указываютъ на природное остроуміе. Іеромонахъ Гедеонъ, увидѣвъ на утесѣ множество чаекъ, спросилъ у одного кадьякца, можетъ-ли онъ пересчитать ихъ. Тотъ отвѣчалъ: „я пересчиталъ-бы ихъ, еслибы онѣ каждогодно не клали яицъ".

По замѣчанію автора *Записокъ объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла*, въ алеутахъ поражаетъ полное отсутствіе разнообразія, оригинальности характеровъ; всѣ какъ одинъ и одинъ какъ всѣ. Но что было въ чистыхъ алеутахъ, того уже не было въ потомствѣ смѣшанномъ, напр. въ *креолахъ*, рожденныхъ отъ матерей-алеутокъ и отцовъ русскихъ: креолы и тогда уже обнаруживали больше даровитости.

Терпѣливость — самая рѣзкая, сильная, выдающаяся черта въ характерѣ какъ *алеутовъ*, такъ и *кадьякцевъ*,— не простая терпѣливость, свойственная до нѣкоторой степени и другимъ племенамъ и народамъ, а терпѣливость безграничная, доходящая до какой-то безчувственности. —„Кажется, невозможно придумать такой трудности и такого невыносимаго обстоятельства, которыя-бы поколебали алеута и заставили его роптать. Въ случаѣ голода, для него ничего не значитъ пробыть три, четыре дня совершенно безъ всякой пищи; и онъ никакими знаками не дастъ вамъ знать, что уже нѣсколько дней не ѣлъ ничего. Въ болѣзненномъ состояніи не услышите отъ него ни стону, ни крику, даже при самой жестокой боли". То же надо сказать и о кадьякцахъ. Въ рукописи іеромонаха Гедеона описаны способы леченія нѣкоторыхъ болѣзней, употреблявшіеся кадьякцами. Самые способы эти слиш-

комъ ясно свидѣтельствуютъ о *поразительной терпѣливости* паціентовъ. Если у человѣка показывалась опухоль и желваки на тѣлѣ, то ему *прорѣзывали пяты до кости*; когда-же пятки заживали, то, въ довершеніе леченія, *прорѣзывали и снимали на верхней части головы кожу въ полтора вершка длины и болѣе полувершка ширины.* При застарѣлой глазной болѣзни, палочкою, выточенною изъ медвѣжьей кости, прокалывали съ обѣихъ сторонъ, начиная немного повыше оконечности бровей, такъ, чтобы палочка, минуя глазное яблоко, прошла до самой переносицы. Когда производили эту, по-истинѣ ужасную, операцію, въ ротъ страдальцу клали еловый сукъ, чтобы онъ, отъ нестерпимой боли, не откусилъ себѣ языкъ. Отъ головной болѣзни—прорѣзывали кожу до костей пониже темени и т. д. Подобные-же способы леченія употребляли кадьякцы и въ другихъ болѣзняхъ. При всѣхъ вообще болѣзняхъ соблюдали строжайшую діету, причемъ даже дѣти терпѣливо и безъ принужденія воздерживались отъ ѣды. Замѣчательная выносливость во всѣхъ и всякихъ трудахъ на сушѣ и на морѣ была въ равной мѣрѣ присуща и алеутамъ, и кадьякцамъ,—какъ-бы ни были труды эти продолжительны и нестерпимы для всякаго другого, напр.—для русскаго. Гдѣ-же причина такой терпѣливости и выносливости? Въ суровой обстановкѣ жизни людей, которые родились въ холодной юртѣ и *съ дѣтства* привыкли ко всевозможнымъ лишеніямъ.

Терпѣливые до послѣдней степени и воспитанные въ привычной имъ суровой жизненной обстановкѣ *алеуты* и *кадьякцы* не прихотливы и равнодушны къ стяжаніямъ, чужды злой зависти, вредной для другихъ и мучительной для того, кто ею зараженъ. При такихъ условіяхъ имъ не было нужды воровать,—и преступленіе это было

между ними крайнею рѣдкостью. Но то же равнодушіе къ земнымъ благамъ порождало беззаботность, безпечность, непривычку къ *добровольному* постоянному труду. Нерѣдко имъ приходилось терпѣть голодъ *и по своей винѣ*, именно благодаря *безпечности*. При изобиліи съѣстныхъ припасовъ,—что случалось обыкновенно осенью и въ началѣ зимы, — начинались пирушки, или *игрушки*; съѣзжались гости. Потомъ запасы истощались, и наступало полное оскудѣніе: питались морской капустой или сидѣли по нѣскольку дней вовсе безъ пищи. Выручало привычное терпѣніе. Но это, во всякомъ случаѣ,—оборотная сторона медали.

Ни у *алеутовъ*, ни у *кадьякцевъ*, до принятія ими христіанства, не было никакой строго выработанной и опредѣленной религіозной системы: такой степени развитія они не достигли. Ихъ нравственныя понятія, хотя и не были въ противорѣчіи съ ихъ религіозными вѣрованіями, но и не вытекали логически изъ послѣднихъ, Да и самыя нравственныя понятія, конечно, не были приведены въ систему, а либо выражались въ небольшомъ числѣ изреченій и правилъ, либо проявлялись практически, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, семейныхъ и общественныхъ. Тутъ, — какъ у *алеутовъ*, такъ и у *кадьякцевъ*,—мы видимъ болѣе хорошихъ чертъ и задатковъ, чѣмъ дурныхъ.

Если болѣе исправный алеутъ и пользовался большимъ уваженіемъ и почетомъ, то отнюдь не за богатство собственно, а за трудолюбіе, бойкость, ловкость и подобныя качества, зависящія отъ доброй воли каждаго или развиваемыя при ея содѣйствіи. Богатство-же само по себѣ, при отсутствіи этихъ качествъ, ничего не значило въ ихъ глазахъ и скорѣе заслуживало насмѣшку,

какъ случайно и даже неправильно пріобрѣтенное. Не всѣ и просвѣщенныя люди могутъ похвалиться такимъ взглядомъ на *личное нравственное достоинство* человѣка.

Расположеніе, привязанность, любовь къ человѣку и *алеуты* и *кадьякцы* обнаруживали не на словахъ, а на дѣлѣ; они даже стѣснялись, стыдились внѣшняго выраженія этихъ чувствъ. Житель Кадьяка, уѣзжая на промыселъ, въ далекій путь и на продолжительное время, безъ твердой надежды на возвратъ домой, или отправляясь на войну, едва удостоивалъ свою жену однимъ, — и то произнесеннымъ сквозь зубы, — короткимъ словомъ: *фай* — прощай! А оставшаяся дома жена, изъ любви и почтенія къ мужу, не употребляла пищи, иногда все время, пока мужъ былъ въ отсутствіи. Даже дѣтей ласкали безъ стѣсненія однѣ только старухи.

Гостепріимство процвѣтало и у *алеутовъ*, и у *кадьякцевъ*. У послѣднихъ мы прямо видимъ нравственнаго характера заботливость о человѣкѣ, находящемся въ пути и, слѣдовательно, могущемъ встрѣтить нужду въ пищѣ: уходя изъ дому, кадьякцы непремѣнно оставляли въ незапертомъ жилищѣ какое-нибудь кушанье. Отъѣзжающихъ гостей хозяева обязательно снабжали съѣстными припасами на дорогу.

Но что особенно привлекательно было и въ *алеутахъ*, и въ *кадьякцахъ* — это полная готовность подѣлиться съ нуждающимся послѣднимъ кускомъ. Если, напр., случалось, что промыселъ для многихъ былъ неудаченъ, а одинъ доставалъ что-либо, то болѣе счастливый, зная нужду сосѣдей, не дожидаясь никакихъ просьбъ съ ихъ стороны, раздѣлялъ добытое между всѣми поровну, отдѣливъ и себѣ равную съ прочими часть; если-же при дележѣ кто-либо случайно былъ забытъ, то владѣлецъ

добычи удѣлялъ и этому — уже изъ своей части. Такой способъ дѣйствій, — столь достойный подражанія и со стороны людей цивилизованныхъ, —едвали можно объяснить однимъ разсчетомъ, одними соображеніями выгоды. Для насъ, по крайней мѣрѣ, тутъ очевидно проявленіе внутренняго нравственнаго закона, написаннаго въ сердцѣ человѣка Творцомъ вселенной. И дикость, и ложная цивилизація покрываютъ толстою корою грѣха написанное на скрижаляхъ сердца. Снимите кору,—и будетъ видна искра Божія.

Скрытные по самому свойству своей натуры, или скорѣе—сосредоточенные, молчаливые и угрюмые, *алеуты* и *кадьякцы* не обладаютъ искусствомъ внѣшней привѣтливости (которая такъ часто не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ душевнымъ расположеніемъ), но умѣютъ на дѣлѣ доказать благодарность за оказанное имъ добро. Вообще не склонные ко лжи и обману, они очень довѣрчивы и часто даже легковѣрны. Сами не оскорбляя другихъ, крайне чувствительны къ незаслуженнымъ оскорбленіямъ,—что несомнѣнно указываетъ на высокую степень нравственной деликатности. Вотъ, что разсказываетъ іеромонахъ Гедеонъ о кадьякцахъ: „Кто несправедливо назоветъ другого бѣднымъ, непроворнымъ, лѣнивымъ и непромышленникомъ, того обиженный вызываетъ вонъ, при свидѣтеляхъ разсказываетъ свою обиду другимъ и наконецъ удовольствуется тѣмъ отмщеніемъ, что при постороннихъ выругаетъ и наплюетъ въ глаза. У нихъ никакихъ нѣтъ особенныхъ для ругательства словъ“. Часто единственнымъ мщеніемъ служило просто молчаніе: обиженный на долгое время переставалъ говорить съ обидчикомъ.

Хорошія семейныя отношенія,—между мужемъ и же-

ной, а также между родителями и дѣтьми,—господствовали и среди *алеутовъ,* и среди *кадьякцевъ.* Мужья съ женами обходились вообще весьма миролюбиво и ласково. Ни выговоровъ другъ другу, ни даже суроваго, недовольнаго вида въ присутствіи постороннихъ: это было-бы принято за величайшую, несносную обиду. Опять—черта нравственной деликатности. Но если жена замѣчала, что мужъ не отвѣчаетъ ея любви, то, подъ вліяніемъ чувства гнѣва и ревности, бросалась на него и царапала ему лицо ногтями. Это бываетъ и не у дикарей. Тогда,—какъ повѣствуетъ іер. Гедеонъ о кадьякцахъ,—„виновный мужъ сидитъ, повѣся голову на лѣвую сторону, не отваживаясь даже поднять руки на сію правосудную мстительницу". Только впослѣдствіи мужья стали наказывать женъ за безпорядочную жизнь; а раньше воздерживались отъ наказанія по той причинѣ, что жены угрожали побѣгомъ или лишеніемъ себя жизни, что нѣкоторыя и дѣйствительно исполняли. Мужъ, изобличившій жену въ невѣрности и не видѣвшій ни малѣйшаго исправленія съ ея стороны, прогонялъ отъ себя невѣрную жену; а въ знакъ того, что она прогнана именно за невѣрность, отрѣзывалъ ей носъ, а сердитой откусывалъ зубами. Жена, уличившая въ невѣрности своего мужа, имѣла право свободно его оставить и уйти къ другому. Въ общемъ, мы видимъ съ одной стороны деликатность чувствъ и отношеній, которой нерѣдко не достаетъ и людямъ цивилизованнымъ, а съ другой стороны (напр. въ откусываніи носовъ, царапаньи лица)—дикость и грубость, которой послѣдніе не всегда чужды. Въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ—любовь самая искренняя, самая чистая, самая нѣжная и гуманность, доходившая даже иногда до вреднаго излишества. При воспи-

танін дѣтей строго наблюдалось, чтобы не допускать до плача не только младенца, но и подростающаго ребенка, напр.—семилѣтняго. Тѣлесныхъ наказаній не употреблялось никакихъ; только увѣщанія и совѣты. Если примѣчали неисправленіе, то выговаривали и стыдили при собраніи стариковъ. Это, конечно, хорошо. Но дурно вотъ что. Если не дѣйствовали и выговоры при старикахъ, то. презирая не поддающагося исправленію (ребенка или юношу), всѣ почитали его дуракомъ или дикимъ, отшатывались отъ него. Вотъ это мы и называемъ *излишней, ложной гуманностью*,—будь она у алеутовъ, у кадьякцевъ или у насъ, подъ другими формами. Дѣтей пріучали къ труду съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Если лѣнь и бездѣлье — зло, то такой обычай — прекрасная черта нравственнаго характера. Мальчики съ семи лѣтъ занимались, вмѣсто забавы, дѣланіемъ стрѣлокъ, веселочекъ, байдарочекъ, бросали стрѣлки на берегу и этимъ путемъ пріучались къ будущимъ промысламъ; также помогали въ заготовленіи кормовыхъ припасовъ; съ четырнадцати лѣтъ ихъ пріучали ѣздить въ байдаркахъ въ тихую погоду—удить рыбу по бухтамъ и гонять стрѣлками птицъ; съ шестнадцати лѣтъ отцы или родственники брали ихъ въ партію, для промысла бобровъ. Нельзя не признать, что такая постепенность весьма разумна. Дѣвочки тоже не проводили время въ праздности: съ шестилѣтняго возраста начинали онѣ сучить нитки, вязать плетенки и такъ постепенно пріучались ко всѣмъ женскимъ рукодѣліямъ и домашнему хозяйству. Сказанное относится къ *кадьякцамъ*. Таково-же приблизительно было воспитаніе дѣтей и у *алеутовъ*. Любовь родителей къ дѣтямъ проявлялась вездѣ и во всемъ. Когда, послѣ продолжительнаго невольнаго поста, вслѣдствіе отсутствія съѣстныхъ

припасовъ, удавалось, наконецъ, достать какой-нибудь пищи, то отецъ или мать никогда не начинали ѣсть сами первые, а прежде всего спѣшили накормить дѣтей. Если любимый ребенокъ утонулъ въ морѣ, то, случалось, отецъ или мать добровольно бросались въ море, съ горя и тоски по умершемъ.

У *алеутовъ* допускалось безнравственное съ нашей, христіанской, точки зрѣнія многоженство; объясненіе его надо искать въ одномъ несимпатичномъ ихъ свойствѣ— сластолюбіи. Какъ у *алеутовъ*, такъ и у *кадьякцевъ*, дозволялось женщинѣ имѣть двухъ мужей, которые назывались *половинщиками* и обыкновенно жили мирно. Такими преимуществами изъ алеутскихъ и кадьякскихъ женщинъ пользовались только наиболѣе работящія и рукодѣльныя. Вѣроятно, женщины же нерѣдко бывали и причинами войнъ и междоусобій, отъ которыхъ не мало страдали и алеуты, и кадьякцы. Не безъ того, конечно, чтобы тутъ не играли роли и мелкое честолюбіе и славолюбіе, свойственныя, какъ извѣстно, и не однимъ дикимъ народамъ. Довольно и того, что въ частной и общественной жизни они были далеко не только отъ убійствъ или покушеній на убійства, но даже отъ простыхъ дракъ и ссоръ. Дѣти—и тѣ не дрались между собою. Пустая гордость, тщеславіе, пронырство, хитрость, коварство и тому подобное не имѣли мѣста въ характерѣ алеутовъ.

Приведемъ нѣкоторыя нравственныя правила *алеутовъ*, достойныя полнаго уваженія со стороны каждаго и подражанія со стороны тѣхъ людей, которые, будучи христіанами по имени, стоятъ, къ несчастію для себя, ниже этихъ правилъ, не прониклись ими. Родителей,— учили алеуты,—мы должны почитать за то, что они родили насъ въ болѣзняхъ и воспитывали съ великими

трудами и заботами, съ любовію къ намъ и лишеніями для себя, не щадя своего здоровья и притомъ не зная, *каковы мы будемъ къ нимъ.* Истинную любовь къ родителямъ должно доказывать на самомъ дѣлѣ, т. е. питать ихъ своими трудами и покоить до смерти. Бросать родителей считалось самымъ безчестнымъ, постыднымъ поступкомъ. По смерти отца, мѣсто его занималъ старшій братъ. Вмѣнялось въ обязанность уважать и всѣхъ вообще стариковъ, слушать ихъ наставленія и, въ случаѣ нужды, удѣлять имъ кусокъ изъ своего промысла, помогать имъ своими трудами. *Кто будетъ исполнять это, тотъ будетъ долговѣченъ, счастливъ въ промыслѣ и на войнѣ и, когда будетъ старъ, не будетъ оставленъ, не потерпитъ нужды даже и на чужой сторонѣ.* Бѣдныхъ—не только не презирать, но, по возможности, помогать имъ и защищать отъ обидъ, ибо судьба перемѣнчива: сегодня ты богатъ, а завтра можешь сдѣлаться бѣднякомъ. Поэтому, въ богатствѣ не слѣдуетъ забываться, зазнаваться и превозноситься, но напротивъ — быть милостивымъ, снисходительнымъ и дѣлиться съ бѣдными избыткомъ своихъ средствъ; а бѣдный долженъ скромно и терпѣливо переносить свое состояніе. Слѣдуетъ быть гостепріимнымъ; всякаго пріѣзжаго или захожаго человѣка принять, угостить и успокоить, чтобы, воротясь домой, онъ сказалъ доброе слово. Принимать странниковъ,—по убѣжденію алеутовъ,—первая добродѣтель, такъ какъ и предки ихъ когда-то странствовали; кромѣ того, *всѣ мы произошли отъ одного отца и одной матери, и потому всѣ между собою—братья.* Не быть болтливымъ, больше слушать, меньше говорить, ибо много зла и несчастія происходитъ отъ языка. Не смотря на то, что *алеуты*, какъ мы сказали, были сластолюбивы по натурѣ, по своимъ

естественнымъ склонностямъ, а быть можетъ — именно вслѣдствіе этого, *соблюденіе цѣломудрія и чистоты тѣлесной* считалось у нихъ однимъ изъ главнѣйшихъ правилъ нравственнаго поведенія. *Воздерживаться отъ женъ* предписывали и *кадьякцы*—ради сохраненія здоровья и долголѣтія. Но у кадьякцевъ это выражено между прочими правилами и не такъ настоятельно, какъ у алеутовъ. Да и вообще мы не имѣемъ о кадьякцахъ такихъ полныхъ и подробныхъ свѣдѣній, какія даетъ намъ объ алеутахъ авторъ *Записокъ объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла*.

Ни *алеутовъ*, ни *кадьякцевъ* нельзя назвать идолопоклонниками въ настоящемъ, полномъ значеніи этого понятія: у нихъ не было ни идоловъ, ни капищъ, ни жрецовъ. Ни у тѣхъ, ни у другихъ не было ни развитой миѳологіи, ни даже какой-нибудь стройной религіозной системы. Во всякомъ случаѣ они были язычниками, чуждыми истинной религіи.

„*Алеуты* вѣрили и признавали, что есть и долженъ быть *Творецъ* всего видимаго и невидимаго, котораго они называли *Агугукъ* (т. е. Творецъ). Но, не умѣя составить понятій о его неограниченныхъ свойствахъ, они слишкомъ отдѣляли его отъ міроправленія, до того, что они не дѣлали ему никакого поклоненія. Но, не покланяясь одному, они покланялись всѣмъ, кого только считали могущественнѣе себя. Властелителями и управителями всего окружающаго они признавали двухъ духовъ или два рода духовъ, которые также дѣйствовали и на самаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ. Одни изъ нихъ дѣйствовали болѣе въ пользу человѣка, а другіе ко вреду. Но какъ далеко простиралось ихъ дѣйствіе. и гдѣ ограничивалась власть ихъ, этого вѣроятно и самые лучшіе

ихъ богословы не могли-бы сказать. Въ прежнихъ алеутахъ можно подозрѣвать нѣкоторое поклоненіе свѣту и почитаніе небесныхъ свѣтилъ и даже стихій".

Мы уже сказали, что у нихъ не было ни храмовъ, ни идоловъ. Но они совершали жертвоприношенія невидимымъ духамъ. Для этого при каждомъ селеніи было священное, заповѣдное мѣсто: какой-нибудь бугоръ, утесъ. Въ заповѣдныхъ мѣстахъ приносили не какія-нибудь опредѣленныя, извѣстныя жертвы, а кто что вздумаетъ: разныя вещи, звѣриныя шкуры и т. п. Были при этомъ мелочные обряды, съ прошеніемъ помощи для отмщенія врагамъ или для удачнаго промысла, —смотря по надобности. Была, кромѣ того, опредѣленная жертва, состоявшая изъ перьевъ урильяго хвоста и пестрыхъ перьевъ сыча. Такую жертву могъ приносить каждый мужчина и гдѣ угодно; но приносили больше въ пути.

„Алеуты хотя и неопредѣленно, но вѣрили безсмертію души человѣческой и будущей жизни. Это видно изъ того, что почетные, умирая, завѣщавали убивать *калговъ* (рабовъ) и класть съ собою, въ томъ мнѣніи, что они тамъ ему будутъ прислуживать такъ-же, какъ и здѣсь. И хотя они не могли сказать, въ какомъ состояніи на будущемъ свѣтѣ были души умершихъ, но, судя по тому, что не всякій калга удостоивался чести быть вмѣстѣ съ господиномъ, но только заслуженный и любимый, можно заключить, что если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые надѣялись жить хорошо и въ той жизни. Но вообще всѣ думали и вѣрили, что души умершихъ, или, какъ они называли, тѣни невидимо обитали между своими родными, сопутствуя имъ и на землѣ, и на морѣ, и особенно съ тѣми, кого они любили; и что они въ состояніи были сдѣлать всякое добро и зло; а потому

живые призывали ихъ на помощь въ опасности и особенно въ войнахъ, предпринимаемыхъ въ отмщеніе за безчестіе, нанесенное всему ихъ роду".

О происхожденіи перваго человѣка или первыхъ людей у алеутовъ существовало нѣсколько мнѣній. Приведемъ одно изъ нихъ. Сначала земля была пуста и никѣмъ не обитаема; потомъ съ неба на землю упали два существа, по виду похожія на людей, но съ длинною шерстью на тѣлѣ. Отъ нихъ родилась пара такихъ-же существъ, только безъ шерсти; а отъ этой пары произошли всѣ люди и распространились на востокъ, западъ и сѣверъ (на югѣ они не предполагали людей). Достойно вниманія мнѣніе алеутовъ о первоначальной и дальнѣйшей жизни рода человѣческаго: „*Мѣсто, гдѣ произошли первые люди, было теплое; тамъ не было ни зимы, ни буръ, но всегдашнее благорастворепіе воздуха. Первые люди были долговѣчные, крѣпкіе и сильные. Сначала люди жили мирно и дружно, не зная никакой ни зависти, ни ненависти, ни вражды, и также не знали никакой нужды. Но съ умноженіемъ людей начали появляться недостатки и нужды, а нужды научили дѣлать орудія для промысла животныхъ. Потомъ появились несогласія, вражды и оружіе обратилось на людей. Недостатки и притѣсненія отъ сильнѣйшихъ заставили удаляться отъ перваго мѣста далѣе и далѣе, и отъ того произошли всѣ народы*".

О религіозныхъ вѣрованіяхъ и понятіяхъ *кадьякцевъ* мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія. Они, какъ и алеуты, вѣрили въ безсмертіе души человѣческой, въ жизнь послѣ смерти. На такое ихъ вѣрованіе указываютъ два стиха изъ пѣсни, записанной іеромонахомъ Гедеономъ:

„Полно плакать! Свѣтъ этотъ не безсмертенъ:
Акнакъ (имя умершаго) какъ человѣкъ умеръ,—
оживетъ".

Итакъ, по мнѣнію кадьякцевъ, этотъ свѣтъ не безсмертенъ; умершій человѣкъ оживетъ. Но гдѣ и какъ, по понятіямъ кадьякцевъ, долженъ жить человѣкъ, когда онъ оживетъ,—о томъ мы ничего не знаемъ.

Вѣровали кадьякцы и въ Творца вселенной; но и это вѣрованіе ихъ было крайне неопредѣленно, неясно и отчасти наивно. О сотвореніи міра они имѣли слѣдующее понятіе, или — правильнѣе сказать — мнѣніе. Былъ нѣкто *Кашшахилюкъ* (мудрецъ, или хитрецъ). Въ то время не было ни дня, ни ночи. Онъ началъ дуть въ соломину. Отъ этого *постепенно выходила изъ воды земля* и непримѣтно расширялась. Потомъ,—*когда онъ еще не переставалъ такъ же дуть*, — открылось небо, явилось солнце, а послѣ вечера показались звѣзды, и взошелъ мѣсяцъ. Наконецъ, увидѣли звѣрей и людей. Вотъ и все, что мы знаемъ о религіи *алеутовъ* и *кадьякцевъ*. Добавимъ, что и у тѣхъ, и у другихъ было не мало всевозможныхъ суевѣрій; но между послѣдними не было ни упорныхъ, ни особенно вредныхъ, за исключеніемъ вышеупомянутаго дикаго обычая—убивать камговъ (рабовъ) на могилахъ ихъ господъ. *Шаманы* какъ у алеутовъ, такъ и у кадьякцевъ, отнюдь не имѣли значенія могущественной касты жрецовъ и сильнаго религіознаго или нравственнаго вліянія; скорѣе они играли роль знахарей, или колдуновъ, находящихся въ сношеніяхъ съ духами.

Позволимъ себѣ остановить *особенное* вниманіе читателей на нѣкоторыхъ религіозныхъ понятіяхъ и нрав-

ственныхъ правилахъ алеутовъ и кадьякцевъ. Эти понятія и правила имѣютъ то отдаленное, то весьма близкое сходство съ сказаніями и заповѣдями Священнаго Писанія. — а) *„Мѣсто, гдѣ произошли первые люди, было теплое; тамъ не было ни зимы, ни бурь, но всегдашнее благорастворенiе воздуха. Сначала люди жили мирно, не знали никакой нужды. Первые люди были долговѣчные"*, и такъ далѣе (понятіе алеутовъ о первоначальной и дальнѣйшей жизни рода человѣческаго выше приведены нами полностію). Что-же находимъ мы въ этихъ понятіяхъ? Въ далекомъ прошломъ—мирная жизнь людей въ прекрасныхъ мѣстахъ, гдѣ царствовала вѣчная весна,—жизнь безъ вражды и безъ нужды. Это—библейскій рай, невинное и блаженное состояніе первыхъ человѣковъ, конечно—не въ буквальной точности, а въ нѣкоторомъ, однако весьма сходственномъ, отраженіи. Долговѣчность первыхъ людей—долговѣчность библейскихъ патріарховъ. Дальше, по понятіямъ алеутовъ, наступаетъ нужда и вражда,—исторія человѣчества, въ его *естественномъ* состояніи и развитіи, послѣ паденія, не противорѣчащая и сказаніямъ *Библіи*. Существенное различіе—въ томъ, что у алеутовъ и причины указаны только *естественныя*, а не помраченіе природы человѣка чрезъ преступленіе заповѣди Божіей, чрезъ *грѣхопаденіе*, — какъ это было въ дѣйствительности.—б) По сказанію кадьякцевъ о сотвореніи міра, былъ нѣкто *Каштахилюкъ* (мудрецъ), т. е. (переведемъ на болѣе ясныя понятія) было нѣкоторое премудрое и притомъ личное начало—Творецъ міра. Не говорится, чтобы уже и тогда существовалъ еще кто-либо, или существовало еще что-либо; значитъ, кромѣ премудраго Творца, тогда еще никого и ничего не было. Не есть-ли это затемненное, искаженное долгими вѣками

естественнаго состоянія понятіе о *вѣчномъ, безначальномъ Богѣ?* Тогда, по сказанію кадьякцевъ, не было ни дня, ни ночи; и *Библія* то же говоритъ. Онъ (Кашпахилюкъ, мудрецъ) началъ дуть въ соломинку; отъ этого *постепенно выходила изъ воды земля и непримѣтно расширялась.* И *Библія* повѣствуетъ о подобномъ постепенномъ возникновеніи, или происхожденіи *земли* изъ бездпъ первосозданнаго хаоса. Итакъ, Мудрецъ. Творецъ премудрый, создалъ землю единымъ дуновеніемъ устъ своихъ. Въ псалмѣ 32-мъ царь и пророкъ Давидъ говоритъ: *„Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и духомъ устъ Его вся сила ихъ“*, то-есть: *„Словомъ Господа сотворены небеса, и духомъ устъ Его—все воинство ихъ“*. Небеса не выше-ли земли? И, однако, *все воинство небесное сотворено духомъ устъ Господнихъ:* такова безпредѣльная сила. безграничное могущество Безначальнаго и Безконечнаго. И наивная *соломинка* не указываетъ-ли на величіе Творца и ничтожество земли по сравненію съ Нимъ? Онъ, Творецъ міра. такъ неизмѣримо великъ и могущественъ сравнительно съ Своимъ созданіемъ, что для Него и *дуновенія* достаточно было, чтобы создать землю, ибо *ея не было ранѣе.—Потомъ, когда онъ (мудрецъ) еще не переставалъ дуть (т. е. міротвореніе продолжалось),—открылось небо, явилось солнце, а послѣ вечера показались звѣзды и взошелъ мѣсяцъ.* Это, по сказанію *Библіи*,—четвертый день творенія.— *Наконецъ увидѣли звѣрей и людей.* Если подъ *звѣрями* разумѣть всѣхъ животныхъ безъ исключенія, то вотъ— пятый и шестой дни міротворенія, по библейскому сказанію. Есть пропуски, есть искаженія сравнительно съ *Библіей*, но и дѣйствительная послѣдовательность въ твореніи міра не изгладилась вовсе. Мудрецъ не пере-

ставалъ дуть во все продолженіе міросозданія. Это дуновеніе, это вѣяніе духа жизни, — какъ ни наивно выражено оно въ вѣрованіяхъ дикихъ кадьякцевъ, — становится для насъ понятнымъ (хотя и несомнѣнно искаженнымъ) отраженіемъ священной истины,—въ сопоставленіи съ вдохновеннымъ словомъ псалмопѣвца; и въ *Библіи*— читаемъ: „*и созда Богъ человѣка, персть (веземъ) отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни*" (кн. Бытія, гл. 2, стр. 7). Опять — *дыханіе жизни, дуновеніе*. Въ полудикихъ алеутахъ или кадьякцахъ намъ слишкомъ понятна темная неопредѣленность понятій о Богѣ: и для насъ, христіанъ, просвѣщенныхъ чрезъ Сына Божія всею полнотою нужнаго для человѣка Божественнаго Откровенія (ибо Господь открываетъ намъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой мы въ силахъ вмѣстить). Богъ — существо непостижимое. — „Богъ не есть имя, но мысль, всажденная въ природу человѣческую, *о чемъ-то неизъяснимомъ*", — сказалъ святый мученикъ Іустинъ философъ. (Апологія 2, гл. 6). — в) Подробныя нравственныя правила о почтеніи къ родителямъ и вообще къ старшимъ, съ обѣщаніемъ за это долголѣтія и прочихъ жизненныхъ благъ (см. выше, а также въ *Запискахъ объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла, часть 2-ая, стр. 136—137)*, не представляютъ-ли того-же самаго нравственнаго предписанія, которое кратко выражено въ пятой заповѣди закона Моѵсеева: „*Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли*" *(Исходъ, гл. 20, стр. 12)*.—г) „*Всѣ мы родились отъ одного отца и одной матери, между собою братья*". *(Записки, ч. 2, стр. 142)*. Здѣсь выражены и нравственное понятіе о *братствѣ всѣхъ людей между собою*, и убѣжденіе о происхожденіи *всѣхъ лю*—

дей отъ одной пары,—что говоритъ намъ и Священное Писаніе.

Вообще чистыя и возвышенныя нравственныя понятія *алеутовъ* и *кадьякцевъ* и религіозныя воззрѣнія ихъ, *въ существѣ* сходственныя съ библейскими сказаніями, хотя и крайне отрывочныя, затемненныя продолжительнымъ *естественнымъ* состояніемъ этихъ народовъ, приводятъ насъ къ нижеслѣдующему поучительному выводу. Сказанія этихъ народовъ подтверждаютъ *происхожденіе всѣхъ людей, всего рода человѣческаго отъ одной пары прародителей*. Иначе — какимъ образомъ у *алеутовъ* и *кадьякцевъ*, жившихъ въ громадной отдаленности отъ мѣста и народа, въ которомъ и у котораго создалась *Библія*, чрезъ нѣсколько тысячелѣтій, мы могли-бы встрѣтить представленія о міротвореніи и первоначальной жизни человѣчества, сходственныя съ библейскими сказаніями? Неполнота-же, отрывочность религіозныхъ взглядовъ *алеутовъ* и *кадьякцевъ* вполнѣ объясняется тѣмъ, что они слишкомъ долгое время находились, какъ и многіе другіе народы, *внѣ прямого вліянія Божественнаго Откровенія*, которое одно сообщаетъ людямъ всю полноту *необходимыхъ для нихъ* знаній о Богѣ и мірѣ. Первоначально-же *Божественное Откровеніе* сохранялось во всей чистотѣ лишь у одного народа еврейскаго. Нельзя не видѣть, что, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, *алеуты* и *кадьякцы* не были совсѣмъ оставлены благодатію Божественною, силою которой въ нихъ сохранялась нравственность, оберегавшая ихъ отъ окончательнаго паденія.

Единство человѣческой природы для насъ — не вопросъ, а твердое убѣжденіе. Но замѣтимъ, что и *антропологія*,—съ тѣхъ поръ, какъ болѣе было обращено вни-

манія на изученіе различныхъ народовъ со стороны психологической,—не можетъ уже не признать. что „*основныя черты человѣческой психологіи представляются сходными у людей самаго различнаго цвѣта кожи*". Истинная наука только подтверждаетъ Священное Писаніе. И хотя ошибки неизбѣжны въ каждомъ человѣческомъ дѣлѣ, однако слѣдуетъ быть осторожнымъ и не принимать легкомысленно за *науку* всего того, что *только само* называетъ себя этимъ великимъ именемъ.

Нравственныя правила могутъ быть прочны, дѣйствительны. могутъ имѣть обязательную силу только тогда, когда они основываются на религіи, вытекаютъ изъ религіи, которая не на словахъ, а *на самомъ дѣлѣ священна* для народа, или—когда самыя правила нравственности *священны какъ религія.* Послѣднее мы видимъ у *алеутовъ* и *кадьякцевъ.* У нихъ не было стройной системы понятій объ истинномъ Богѣ,—Творцѣ и Промыслителѣ міра. Нравственныя правила, чтимыя ими какъ религія, замѣняли для нихъ послѣднюю,—до тѣхъ поръ, пока милосердому Богу угодно было послать имъ свѣтъ истиннаго просвѣщенія.

III.

Кадьякская миссія 1794—1837 г.

Соображая все сказанное о религіи и нравственности *алеутовъ* и *кадьякцевъ*, слѣдуетъ придти къ заключенію, что народы эти представляли вообще *благопріятную* почву для проповѣди имъ слова Божія, для просвѣщенія ихъ свѣтомъ Евангельской истины.

Всякая ложная религія, т. е. всякая религія, созданная людьми, выработанная въ стройную систему, съ опредѣленнымъ ученіемъ о богахъ и духахъ (или хотя бы и о единомъ Богѣ—напр. магометанская), съ своеобразными, вытекающими изъ нея нравственными понятіями и правилами, съ своимъ богослуженіемъ и своими священными обрядами, съ своими храмами, жрецами, идолами (или хотя бы и безъ идоловъ), — всякая ложная религія, ясно и твердо установившаяся у извѣстнаго народа, неизбѣжно служитъ сильнымъ препятствіемъ къ просвѣщенію исповѣдующаго такую религію народа свѣтомъ единой истинной, т. е. христіанской, религіи. Тутъ невозможно обойтись безъ долгой, трудной и упорной борьбы. Доказательствомъ можетъ служить исторія распространенія христіанства и его борьбы съ языческими

религіями древняго, классическаго міра. Сверхчеловѣческая, Божественная высота христіанской религіи и нравственности была невыносима для религіозно-нравственнаго строя греко-римской цивилизаціи, съ его потворствомъ не только людскимъ слабостямъ, но и прямо порокамъ. Сюда же присоединился односторонній іудаизмъ,—и путь, которымъ христіанство шло въ первые вѣка своей исторіи, обозначенъ кровью св. мучениковъ и исповѣдниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и проповѣдь христіанства, напр., магометанамъ или китайцамъ (народамъ съ развитыми, опредѣлившимися религіозно-нравственными понятіями и культомъ) тоже не можетъ обойтись безъ взаимной борьбы и безъ пролитія христіанской крови, хотя истинное христіанство всегда и всюду шло съ словомъ мира и любви.

Народъ хотя бы и съ неразвитыми, но грубыми вѣрованіями и обрядами вродѣ человѣческихъ жертвъ, народъ съ развращенною нравственностію также представляетъ малоудобную почву для проповѣди христіанства.

У *алеутовъ* и *кадьякцевъ* не было опредѣленной религіозной системы. Но они вѣровали въ Бога — Творца міра; а нравственныя правила, замѣнявшія имъ религію, были чисты и возвышенны. Вотъ почему эти народы представляли *добрую землю* для сѣянія сѣмени вѣры Христовой. Это—общій выводъ изъ разсужденія, основаннаго на опытѣ исторіи. Въ частности, исторія Кадьякской миссіи подтвердитъ его.

Православная вѣра христіанская внесена первоначально въ Россійско-Американскія владѣнія нашими промышленниками. Мѣщанинъ *Иванъ Глотовъ*, открывшій *Лисьи* острова, въ 1759 году, въ первое пребываніе свое на о. Умнакѣ, такъ подружился съ тамошними жителями,

что ихъ тоэнъ (начальникъ) позволилъ ему окрестить своего малолѣтняго сына и даже вывезти въ Камчатку. Этотъ первокрещенный изъ нашихъ алеутовъ былъ названъ Иваномъ, въ честь своего крестнаго отца, и отъ него же заимствовалъ фамилію Глотова. Проживъ на Камчаткѣ нѣсколько лѣтъ, новокрещенный выучился русскому языку и грамотѣ и возвратился на родину съ властію главнаго тоэна (надъ всѣми островами), данною ему отъ управляющаго Камчаткою. Крестилъ ли нашъ промышленникъ Глотовъ еще кого-нибудь изъ алеутовъ — неизвѣстно. Но весьма вѣроятно, что крестникъ его, новый Иванъ Глотовъ, способствовалъ распространенію христіанства среди своихъ соплеменниковъ.

„Подробности дальнѣйшаго распространенія христіанства (среди алеутовъ) совсѣмъ неизвѣстны, кромѣ того, что умноженіе числа приходившихъ на алеутскіе острова судовъ, уменьшая и раздѣляя взаимныя выгоды, съ тѣмъ вмѣстѣ раздѣляло и самыхъ алеутовъ, уменьшенныхъ болѣе чѣмъ на половину *усмиреніемъ*, и слѣдовательно уменьшило число промышленниковъ (т. е. промышленниковъ-работниковъ). Это заставило нѣкоторыхъ изъ русскихъ принять другія мѣры къ умноженію числа промышленниковъ и работниковъ для себя, а именно— убѣждать алеутовъ къ принятію св. крещенія и тѣмъ пріобрѣтать себѣ болѣе приверженцевъ: ибо окрещенные алеуты, уважая воспріемниковъ своихъ, какъ отцевъ, служили имъ исключительно и усердно, и никто другой изъ русскихъ не могъ приманить къ себѣ чужихъ крестниковъ. Итакъ, желаніе русскихъ пріобрѣсти себѣ большія выгоды послужило средствомъ къ распространенію начала христіанства между алеутами и облегчило дѣло для послѣдующихъ миссіонеровъ“.

Среди *кадьякцевъ* христіанство явилось не ранѣе прибытія на Кадьякъ Григорія Ивановича Шелехова, основавшаго первое русское поселеніе на этомъ островѣ (1783 г.). Выше мы сказали, что Шелеховъ смотрѣлъ на дѣло гораздо шире другихъ промышленниковъ, не ставилъ свои личные интересы и выгоды единственною цѣлію своихъ дѣйствій. Онъ преимущественно имѣлъ въ виду распространеніе христіанства среди покоренныхъ нами американцевъ и устроеніе православныхъ церквей.

Для этой послѣдней цѣли, т. е. для распространенія православной вѣры Христовой, Шелеховъ, по прибытіи въ Россію, въ 1787 году, ходатайствовалъ предъ правительствомъ и высшимъ духовнымъ начальствомъ о назначеніи въ Америку духовной миссіи, которую онъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Голиковымъ, взялся доставить на мѣсто и содержать на свой счетъ. Компанія *Шелехова и Голиковыхъ* была самая крупная частная торгово-промышленная компанія въ Российско-Американскихъ владѣніяхъ. Изъ нея вскорѣ затѣмъ образовалась Россійско-Американская Компанія, на обязанность коей и было возложено правительствомъ какъ содержаніе миссіи, такъ и матеріальное устроеніе церквей въ нашихъ владѣніяхъ въ Америкѣ.

Вслѣдствіе ходатайства Шелехова, по Высочайшему повелѣнію, составлена была въ 1793 году миссія изъ восьми духовныхъ монашествующихъ особъ, съ архимандритомъ Іоасафомъ во главѣ. При миссіонерахъ были отправлены еще два церковно служителя; слѣдовательно, всего—десять человѣкъ. Кто были эти церковно-служители—намъ совсѣмъ неизвѣстно. Да и о самыхъ миссіонерахъ свѣдѣнія наши крайне скудны. Изъ восьми миссіонеровъ шестеро были иноки Валаамскаго монастыря

(считая въ томъ числѣ и архим. Іоасафа), а остальные двое—изъ иноковъ Коневскаго монастыря. Начнемъ съ Валаамскихъ.

1) Архимандритъ *Іоасафъ* (Болотовъ) родился въ Кашинскомъ уѣздѣ 22 января 1761 года, окончилъ курсъ наукъ въ Ярославской духовной семинаріи и въ 1786 году поступилъ въ монастырь. Въ 1797 году онъ выѣхалъ съ Кадьяка въ Иркутскъ, былъ тамъ посвященъ въ санъ епископа Кадьякскаго и, возвращаясь оттуда въ 1799 году на кораблѣ *Фениксъ* къ мѣсту своего архипастырскаго и миссіонерскаго служенія, утонулъ вмѣстѣ со всею свитою и богатою ризницею, судя по выброшеннымъ послѣ крушенія корабля нѣкоторымъ вещамъ—недалеко отъ о. Кадьяка. По своему времени, Іоасафъ Болотовъ былъ человѣкъ довольно просвѣщенный и притомъ даровитый по натурѣ. Онъ первый занялся изученіемъ кадьякскихъ американцевъ, и результаты разнообразныхъ наблюденій его были напечатаны въ журналѣ „*Другъ просвѣщенія*" 1805 года подъ заглавіемъ „*Топографическое, статистическое и нравственное описаніе острова Кадьяка*". Какъ человѣкъ образованный, онъ, конечно, легко могъ бы поступить въ любой изъ столичныхъ монастырей, стать сразу въ болѣе видное положеніе; и то обстоятельство, что онъ избралъ *строгую во всѣхъ отношеніяхъ* Валаамскую обитель, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что Іоасафъ Болотовъ искалъ суровой подвижнической жизни, полной труда и лишеній. Это тѣмъ болѣе характерно, что въ монастырь онъ поступилъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ—двадцати пяти лѣтъ. Въ немногихъ, дошедшихъ до насъ, письмахъ его мы видимъ человѣка энергичнаго, чуждаго лишнихъ словъ, всецѣло преданнаго дѣлу. Такого человѣка безошибочно

можно было поставить во главѣ миссіи. По-человѣчески, позволительно пожалѣть лишь о томъ, что слишкомъ скоро прервалась его архипастырская и миссіонерская дѣятельность; но судьбы Божіи неисповѣдимы.

2) Іеромонахъ *Ювеналій*, изъ горныхъ офицеровъ, въ 1796 году убитъ дикарями, которымъ онъ проповѣдывалъ Евангеліе, на материкѣ сѣверо-западной Америки, близъ озера *Илямны*, или *Шелехова;* но объ этомъ — рѣчь впереди.

3) Іеромонахъ *Аѳанасій* до 1825 года исправлялъ должность священника при Кадьякской церкви, а въ 1825 году выбылъ въ Россію.

4) Іеродіаконъ *Нектарій* въ 1806 году выбылъ въ Иркутскъ и въ 1814 году, будучи іеромонахомъ, скончался въ Киренскомъ монастырѣ.

5) Монахъ *Іоасафъ*, умеръ на Кадьякѣ въ 1823 году.

6) Монахъ *Германъ*, портретъ котораго приложенъ къ этой книжкѣ, умеръ на островѣ Елевомъ, близъ Кадьяка, въ 1837 году. Съ его смертію окончилось и самое существованіе *Кадьякской* миссіи. Но объ этомъ *рѣдкомъ* человѣкѣ придется говорить еще много.

Изъ иноковъ Коневскаго монастыря въ миссіи находились двое:

7) Іеромонахъ *Макарій*, креститель и просвѣтитель алеутовъ. Въ 1796 году онъ выбылъ въ Иркутскъ, а на возвратномъ пути оттуда на Кадьякъ, въ 1799 году утонулъ, вмѣстѣ съ прочими, на кораблѣ *Фениксъ*.

8) Іеродіаконъ *Стефанъ*, изъ офицеровъ, также погибъ на кораблѣ *Фениксъ*.

Къ дѣятелямъ *Кадьякской* миссіи мы должны причислить и соборнаго іеромонаха Александро-Невской

лавры *Гедеона*, жившаго на Кадьякѣ въ періодъ времени 1805—1807 г.

Ни о происхожденіи большинства названныхъ миссіонеровъ, ни о прежнихъ ихъ занятіяхъ, ни о томъ даже, какими именами и фамиліями назывались они до поступленія въ монашество, — никакихъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Не зная ихъ прежней жизни, не знаемъ и побужденій, приведшихъ ихъ къ монашеству, не знаемъ и характеровъ ихъ ранѣе того времени, когда каждый проявилъ себя такъ или иначе на поприщѣ миссіонерскаго служенія.

Восемнадцатый вѣкъ былъ вѣкъ во многихъ отношеніяхъ оригинальный. Своеобразный духъ времени коснулся и русскаго образованнаго общества: и оно не избѣжало *наноснаго* зла — невѣрія. Но не въ конецъ испорченная русская натура умѣла и имѣла нравственную силу отъ полнаго невѣрія и разврата переходить къ веригамъ и подвижничеству. Извѣстный впослѣдствіи *Ѳеодоръ Ушаковъ* нимало не усомнился свой блестящій гвардейскій мундиръ промѣнять на нищенское рубище (это—буквально) и отъ кощунствующей роскоши и богатства прелестнаго міра бѣжать въ дикіе сѣверные лѣса на предвидѣнную нужду и лишенія. Вѣроятно, изъ среды образованнаго общества были и другіе, подобные ему. Неизрѣченное милосердіе Божіе нечаемыми посѣщеніями и скорбями многихъ обращало и обращаетъ съ пути заблужденія и погибели на путь истины и спасенія: „щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ“.

Болѣе, чѣмъ о другихъ, знаемъ мы о миссіонерѣ *Германѣ*, какъ изъ писемъ Семена Ивановича Яновскаго, которому о. Германъ многое самъ разсказывалъ, между

прочимъ,—и о первыхъ годахъ своей монашеской жизни, такъ и изъ другихъ источниковъ.

Монахъ Германъ происходилъ изъ купеческаго сословія города Серпухова, Московской губерніи. Какъ онъ назывался до постриженія въ монашество, и какая была его фамилія, — неизвѣстно. Отъ юности возъимѣлъ онъ великую ревность къ благочестію и шестнадцати лѣтъ пошелъ въ монахи. Въ то время, къ которому относятся годы дѣтства, годы первоначальнаго воспитанія и юности будущаго подвижника, строго-благочестивый складъ жизни былъ обычнымъ въ средѣ нашего купечества; а книжное просвѣщеніе было уже не чуждо этому сословію. Въ каждой мало-мальски зажиточной купеческой семьѣ можно было встрѣтить такія книги, какъ *Библія*, *Четіи—минеи*, *Прологъ*, нѣкоторыя *Творенія* св. отцовъ и учителей церкви; и книги эти не лежали мертвымъ капиталомъ: ихъ усердно читали, ими назидались, изъ этого чистаго источника почерпали жизненные уроки. Рѣшившись идти въ монахи, сначала поступилъ онъ въ Троицко-Сергіеву пустынь, лежащую близъ Финскаго залива, на Петерговской дорогѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ Петербурга. Въ то время Сергіева пустынь была приписана къ Троице-Сергіевой лаврѣ, и управлялась присылаемыми изъ лавры строителями. Свято-Троицкая Сергіева лавра находится въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы. Рѣдкіе изъ москвичей и подмосковныхъ жителей не совершали благочестиваго путешествія пѣшкомъ, для поклоненія чтимому во всѣхъ концахъ земли русской преподобному Сергію, Радонежскому чудотворцу. Вѣроятно, бывалъ тамъ и о. Германъ и имѣлъ случай узнать о святой отрасли св. лавры, Троицко-Сергіевой пустынѣ подъ Петербургомъ,—и это, быть можетъ, и послужило поводомъ

къ поступленію его въ пустынь. Лавра слишкомъ многолюдна; а ревностный молодой подвижникъ, естественно, стремился къ полному, пустынному уединенію.

Въ Сергіевой пустынѣ съ о. Германомъ былъ, между прочимъ, слѣдующій случай, обнаружившій въ юномъ монахѣ глубокую вѣру въ Бога, совершенное упованіе на Его милосердіе и безграничную преданность Его всесвятой волѣ. На горлѣ у о. Германа, съ правой стороны подъ бородой, образовался нарывъ: боль была ужасная, опухоль быстро возрастала и обезобразила все лицо; весьма трудно было глотать; запахъ былъ нестерпимый. Въ такомъ опасномъ положеніи, ожидая смерти, о. Германъ не обратился къ земному врачу; но, затворивъ келью, съ теплою молитвою и слезами припалъ онъ предъ образомъ Царицы небесной, прося у Нея исцѣленія; молился всю ночь, потомъ мокрымъ полотенцемъ обтеръ образъ Божіей Матери и этимъ полотенцемъ обвязалъ свою опухоль; продолжая молиться со слезами, въ изнеможеніи заснулъ на полу и видѣлъ во снѣ, что его исцѣлила Пресвятая Дѣва. Проснулся, всталъ и, къ великому удивленію, видитъ, что онъ совершенно здоровъ: не прорвавши нарыва, опухоль разошлась, оставивъ по себѣ только маленькій значекъ,— какъ бы въ воспоминаніе совершившагося чуда. Врачи, которымъ разсказывали послѣ объ этомъ дивномъ исцѣленіи, не вѣрили, доказывая, что необходимо было нарыву или самому прорваться, или быть прорѣзаннымъ. Но мнѣніе врачей—результатъ опыта немощи человѣческой; а гдѣ дѣйствуетъ благодать Божія, тамъ чинъ естества побѣждается.—„*У человѣкъ сіе невозможно есть, у Бога же вся возможна*“ (Ев. Матѳ., XIX. 26).—Такія явленія, какъ происшедшее съ о. Германомъ чудесное

исцѣленіе отъ тяжкой и мучительной болѣзни, смиряютъ умъ человѣка подъ крѣпкую руку милосердія Божія. Все—въ силѣ вѣры. Непреложны обѣтованія Спасителя: *„Аще имате вѣру яко зерно горушно, речете горѣ сей: прейди отсюду тамо, и прейдетъ: и ничтоже невозможно будетъ вамъ“* (Ев. Матѳ., XVII, 20). Если, какъ мы видѣли, о. Германъ и ранѣе уже имѣлъ твердую вѣру въ Бога, то совершившееся надъ нимъ чудо дивнаго исцѣленія, безъ сомнѣнія, еще болѣе укрѣпило въ его душѣ эту святую вѣру.

Пять или шесть лѣтъ прожилъ о. Германъ въ Сергіевской пустынѣ, а потомъ перешелъ въ Валаамскій монастырь, широко раскинувшійся въ архипелагѣ величественныхъ острововъ среди необозримыхъ водъ Ладожскаго озера. Почему онъ совершилъ этотъ переходъ изъ одной обители въ другую? — въ точности мы не знаемъ. Но весьма вѣроятнымъ кажется намъ слѣдующее предположительное объясненіе. Сергіева пустынь постепенно расросталась и, находясь весьма близко отъ многолюдной столицы, стала привлекать къ себѣ массу богомольцевъ. Валаамскій же монастырь, особенно въ то время, представлялъ пустыню по преимуществу, пустыню въ полномъ, идеальномъ значеніи этого слова: и теперь иноки его восемь мѣсяцевъ въ году живутъ внѣ всякаго сообщенія съ многомятежнымъ міромъ: таковы благодатныя для иноческой жизни условія мѣстности, избранной, по внушенію Божію, святыми основателями обители. Настоятелемъ Валаамскаго монастыря былъ, съ 1782 года, опытный въ духовной жизни старецъ о. Назарій, который ввелъ *строгій* общежительный уставъ, сохраняемый и донынѣ. А юный подвижникъ, какъ увидимъ и далѣе, ревностно искалъ уединенія и строгой отшельнической

жизни. Всею душою полюбилъ онъ Валаамскую обитель, полюбилъ незабвеннаго настоятеля ея, великаго старца Назарія, и всю братію.—„Вашихъ отеческихъ мнѣ убогому благодѣяній", — писалъ онъ впослѣдствіи о. Назарію изъ Америки,—„не изгладятъ изъ моего сердца ни страшныя непроходимыя сибирскія мѣста, ни лѣса темные, ни быстрины великихъ рѣкъ не смоютъ, ниже грозный океанъ не угаситъ чувствъ оныхъ. Я въ умѣ воображаю любимый мною Валаамъ, на него всегда смотрю чрезъ великій океанъ".

Насъ нисколько и ни съ какой стороны не удивляетъ то, что въ живой и чуткой душѣ о. Германа столь глубоко запечатлѣлась и сохранилась навсегда неизмѣнно такая сильная любовь къ Валааму. Не говоря уже о томъ, что святая обитель была мѣстомъ его духовныхъ подвиговъ, братія—сподвижниками, а мудрый старецъ о. Назарій—отцомъ, наставникомъ и руководителемъ въ великомъ дѣланіи Бога ради, — Валаамъ и самъ по себѣ, для каждаго изъ насъ, имѣетъ неизъяснимую привлекательность своей чистой, дѣвственной природой, грозно-дикой и спокойно-величественной, не украшенной и, слѣдовательно, не обезображенной искусствомъ человѣка. Искусство всегда ниже природы, — какъ и все вообще, даже совершеннѣйшія, дѣла рукъ человѣческихъ и нашего разума неизмѣримо малы и ничтожны сравнительно съ малѣйшимъ и ничтожнѣйшимъ изъ созданій Творца вселенной. Необходимы могучій талантъ поэта и кисть вдохновеннаго художника, чтобы, хотя въ нѣкоторой степени приблизительнаго подобія, изобразить въ словѣ или передать на полотнѣ дивныя красоты Валаама. Скажемъ только, что эти чудныя красоты Валаамской природы съ неотразимой силой вліяютъ на душу человѣка, за-

ставляя его сосредоточиваться въ себѣ и молитвенно преклонять „колѣни своего сердца“ предъ безконечнымъ величіемъ Неизъяснимаго и Непостижнаго. Возвратимся къ о. Герману. Старца Назарія въ своихъ письмахъ величалъ онъ „преподобнѣйшимъ любезнымъ своимъ батюшкой“, а всю валаамскую братію—„любезною и дражайшею“. Пустынный *Еловый* островъ, мѣсто своего жительства въ Америкѣ, назвалъ онъ „новымъ Валаамомъ“ и, какъ видно, всегда находился въ духовномъ общеніи со своею духовною родиной: почти черезъ тридцать лѣтъ пребыванія своего въ предѣлахъ американскихъ онъ писалъ письма къ преемнику о. Назарія, игумену Иннокентію (копія одного изъ такихъ писемъ помѣщена въ этой книжкѣ, приложеніе I, № 20). На Валаамѣ о. Германъ проходилъ различныя послушанія, пребывая въ непрестанныхъ трудахъ и молитвѣ, пользуясь полнымъ расположеніемъ братіи за свой кроткій, миролюбивый характеръ. Любя уединеніе, стремясь къ нему всей душой, о. Германъ, съ двумя или тремя товарищами, уходилъ въ лѣсъ и жилъ тамъ, пребывая въ молитвѣ, пока ихъ нашли и препроводили въ монастырь. Объ этомъ онъ самъ разсказывалъ впослѣдствіи Семену Ивановичу Яновскому. Испытавъ ревность молодого подвижника, мудрый старецъ о. Назарій благословилъ его на жительство въ пустыню. Пустыня эта находилась въ глухомъ лѣсу, версты полторы разстояніемъ отъ обители; донынѣ мѣстность эта сохранила названіе „*Германово*“. Теперь тамъ обширное покосное поле; а на томъ мѣстѣ, гдѣ, по сказаніямъ старцевъ, спасался молодой отшельникъ, виднѣется, среди кустарника, на лѣвой сторонѣ отъ дороги, считая отъ монастыря, небольшой бѣлый крестъ. Для насъ священна память этого человѣка, и дорого все

что до него относится. Ознакомившись короче съ этою чистою, свѣтлой, возвышенной личностью, каждый невольно полюбитъ ее отъ всего сердца. По праздникамъ приходилъ о. Германъ изъ пустыни въ монастырь. Здѣсь, на малой вечернѣ, стоя на клиросѣ, пріятнымъ теноромъ пѣвалъ онъ съ братіею припѣвы канона: „Іисусе сладчайшій, спаси насъ грѣшныхъ“, „Пресвятая Богородице, спаси насъ“—а слезы градомъ лились изъ его очей.

Отчасти мы видѣли уже, какая дѣтски-чистая и глубокая вѣра въ Бога, преданность волѣ Божіей и любовь къ Богу жили въ душѣ о. Германа. Эти прекрасныя свойства сохранились въ немъ навсегда. Въ Америкѣ, спустя нѣкоторое время, онъ сталъ жить отдѣльно отъ прочихъ миссіонеровъ, уединенно, на небольшомъ островѣ *Еловомъ*. „Однажды“, — разсказываетъ С. И. Яновскій,—„я спросилъ его: какъ вы, о. Германъ, живете на острову, одинъ въ лѣсу? Какъ не соскучитесь.—Онъ отвѣчалъ: нѣтъ, я не одинъ; тамъ есть Богъ, какъ и вездѣ есть Богъ; тамъ есть святые ангелы. И можно-ли соскучиться? Съ кѣмъ лучше и пріятнѣе бесѣда—съ людьми или съ ангелами? Конечно, съ ангелами“.—Какъ просто и какъ истинно! Извѣстно, что ничто такъ не развиваетъ духовной опытности и глубокаго знанія сердца человѣческаго, всѣхъ изворотовъ и изгибовъ человѣческой души, какъ постоянное самоуглубленіе и самонаблюденіе. Великіе пророки сосредоточивали и питали свой духъ въ уединеніи пустыни.—„Познай самого себя“—училъ величайшій и благороднѣйшій философъ языческой древности, высокому уму котораго доступна была идея о Единомъ Богѣ. Для насъ, просвѣщенныхъ свѣтомъ Божественнаго Откровенія, Священное Писаніе, творенія отцовъ и учителей Церкви и аскетическія писанія свя-

тыхъ подвижниковъ служатъ неисчерпаемымъ источникомъ для истиннаго самопознанія и пріобрѣтенія духовной опытности, при непремѣнномъ условіи сосредоточеннаго и уединеннаго самоуглубленія. И всякій, кто знакомъ съ дѣломъ (будь онъ даже невѣрующій), долженъ согласиться, что святые подвижники—аскеты суть самые опытные, самые проницательные психологи, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ оставленныя ими писанія. Христіанское самоуглубленіе пріучаетъ къ осторожному обращенію съ словомъ, какъ съ высшимъ даромъ Божіимъ. Поэтому, въ твореніяхъ христіанскихъ писателей—аскетовъ мы не встрѣчаемъ голыхъ словъ безъ содержанія; напротивъ, тамъ—обиліе мыслей, обдуманныхъ и вѣрныхъ; и напрасно нѣкоторые пренебрегаютъ ими. Вѣрнымъ путемъ уединеннаго самоуглубленія, въ связи съ изученіемъ святыхъ писаній, шелъ о. Германъ и достигъ высокой духовной опытности, соединенной съ могучей силой убѣжденія, при поразительной простотѣ рѣчи. Безъ сомнѣнія тутъ играли роль и личныя его качества: даръ слова, находчивость, обширный природный умъ. Вотъ разсказъ С. И. Яновскаго, относящійся къ 1819 году: „Въ то время,—говоритъ онъ о себѣ,—мнѣ было 30-ть лѣтъ. Воспитывался я въ Морскомъ Корпусѣ. Зналъ многія науки и много читалъ; но, къ сожалѣнію, науку изъ наукъ, т. е. Законъ Божій, едва понималъ поверхностно, и то—теоретически, не примѣняя къ жизни, и былъ только по названію христіанинъ, а въ душѣ и на дѣлѣ—вольнодумъ, деистъ, какъ почти всѣ, воспитывающіеся въ корпусахъ и въ казенныхъ заведеніяхъ. Тѣмъ болѣе, я не признавалъ Божественности и святости нашей религіи, что перечиталъ много безбожныхъ сочиненій Вольтера и другихъ философовъ XVIII вѣка. Отецъ

Германъ тотчасъ замѣтилъ это и пожелалъ обратить меня. Но это не легко было! Меня нужно было убѣдить, доказать святость нашей религіи; а потому много требовалось времени, знанія и умѣнья хорошо и убѣдительно говорить. Къ великому моему удивленію, простой, необразованный монахъ о. Германъ, вдохновляемый благодатію, такъ умно, сильно и убѣдительно говорилъ и доказывалъ, что никакая ученость и земная мудрость не могла устоять! Дѣйствительно, о. Германъ имѣлъ великій природный умъ, здравый смыслъ, много начитанъ духовныхъ отеческихъ книгъ; а главное — имѣлъ благодать Божію. Но какъ въ короткій зимній день я не имѣлъ совершенно времени съ нимъ заниматься, то онъ каждый день приходилъ ко мнѣ къ вечернему чаю, и мы до полночи, а иногда — и за полночь, съ нимъ бесѣдовали. Ночевать онъ никогда не оставался. Ни дождь, ни мятель, ни буря не удерживали ревностнаго старца посѣщать меня и въ полночь одному возвращаться домой за полъ-версты. Онъ въ ветхой ряскѣ, безъ шубы, являлся ко мнѣ каждый день, постоянно; я согрѣвалъ его чаемъ, и мы бесѣдовали съ нимъ безъ умолку: о любви Божіей, о вѣчности, о спасеніи души, о христіанской жизни и проч. Сладкая рѣчь неумолкаемымъ, увлекательнымъ потокомъ лилась изъ устъ его. Потомъ въ полночь или за-полночь старецъ одинъ съ палочкой шелъ домой — во всякую бурю и холодъ; никто его не провожалъ по скользкому, каменистому пути; но его провожали ангелы и поддерживали: „яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ сохранити тя во всѣхъ путѣхъ твоихъ". А согрѣвала его христіанская любовь, которою онъ былъ проникнутъ для спасенія ближняго. Такими постоянными бесѣдами и молитвами святого старца Господь совершенно обратилъ меня на

путь истинный, и я сдѣлался настоящимъ христіаниномъ. Всѣмъ этимъ я обязанъ отцу Герману, онъ—мой истинный благодѣтель!“ Такова, волею Божіею, была въ о. Германѣ великая сила святого слова и во истину христіанской любви къ заблуждающемуся брату. — *Что вамъ мнится; аще будетъ нѣкоему человѣку сто овецъ, и заблудитъ едина отъ нихъ: не оставитъ ли девятьдесятъ и девять въ горахъ, и шедъ ищетъ заблуждшія; и аще будетъ обрѣсти ю, аминь глаголю вамъ, яко радуется о ней паче, неже о девятидесятихъ и девяти не заблуждшихъ. Тако нѣсть воля предъ Отцемъ вашимъ небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ*“. (Ев. Мато., XVIII. 12—14). Это — слова Спасителя. О. Германъ умѣлъ на дѣлѣ обнаруживать разумѣніе Божественныхъ глаголовъ. Но примѣрами христіанской любви къ людямъ преисполнена вся жизнь *святого старца*. Приведемъ еще фактъ, разсказанный тѣмъ-же С. И. Яновскимъ, свидѣтельствующій о высокой духовной мудрости о. Германа: „Одинъ разъ пригласили его обѣдать на фрегатъ, пришедшій изъ С.-Петербурга, съ капитаномъ Г., посланнымъ, по Высочайшему повелѣнію, для обревизованія всѣхъ колоній. Капитанъ Г.—весьма умный, образованный, и съ нимъ до 25 офицеровъ, лучшіе, выбранные изъ всего флота, всѣ хорошо образованные и ученые. И въ такомъ обществѣ образованныхъ людей, съ ними за столомъ, сидѣлъ небольшого роста, въ ветхой одеждѣ, неученый, простой монахъ, который всѣхъ ихъ закидалъ вопросами, поставилъ ихъ втупикъ: они не знали, что отвѣчать. Мнѣ самъ капитанъ Г. это разсказывалъ: „мы были безотвѣтны—дураки предъ нимъ“.—Онъ задалъ имъ вопросъ: „что вы лучше и болѣе всего любите, что бы вы желали для вашего счастія?“—На этотъ вопросъ пошли

разные отвѣты и желанія: кто желалъ богатства, кто славы, кто красавицу жену, кто прекрасный корабль, на которомъ-бы онъ плавалъ, и многіе другіе. Отецъ Германъ сказалъ: „не правда-ли, что изъ всѣхъ вашихъ отвѣтовъ и желаній можно вывести одинъ: всякій изъ васъ, господа, желаетъ того, что онъ почитаетъ лучшимъ и болѣе всего любимымъ? — Всѣ отвѣчали: „такъ“. — Тогда онъ сказалъ имъ: „что-жъ можетъ быть лучше, выше всего, достойнѣе любви и превосходнѣе всего, какъ самого Бога Іисуса Христа, который небеса сотворилъ и все украсилъ, всему далъ жизнь, все содержитъ, все питаетъ, все любитъ; который есть Самъ любовь—прекраснѣе всѣхъ человѣковъ! Не должно-ли превыше всего любить Бога, болѣе всего желать Его и искать Его?“ — Всѣ отвѣчали: „да, это разумѣется, это само по себѣ“ и проч. — Послѣ сего онъ спросилъ: „а любите-ли вы Бога?“—Всѣ отвѣчали: „конечно, мы любимъ Бога; какъ-же не любить Бога!“—Тогда онъ, вздохнувъ и уронивъ слезу, сказалъ: „а я, грѣшный, болѣе сорока лѣтъ учусь, какъ любить Бога, и не могу сказать, что совершенно люблю Его!“ — И доказалъ имъ, какъ должно любить Бога: „что если мы кого-любимъ, то всегда помнимъ его, стараемся угодить ему день и ночь; наше сердце и умъ заняты тѣмъ предметомъ, кого мы любимъ. Такъ-ли, вы, господа, любите Бога? Часто-ли обращаетесь къ Нему? Всегда-ли помните Его; всегда-ли молитесь и исполняете волю Его,—святыя заповѣди?“—Должны были признаться, что—нѣтъ.—„Для нашего блага, для нашего счастія“,—сказалъ онъ,—„по крайней мѣрѣ дадимъ себѣ обѣтъ: что отъ сего дня, отъ сего часа, отъ сей минуты мы будемъ стараться любить Бога превыше всего и исполнять Его заповѣди“.—Вотъ какой умный, прекрас-

ный разговоръ въ обществѣ, который долженъ запечатлѣться въ сердцахъ слушающихъ на всю жизнь!“—Позволимъ себѣ привести еще примѣръ духовнаго назиданія старца Германа. Въ письмѣ его отъ 20 іюня 1820 года къ С. И. Яновскому читаемъ, между прочимъ, слѣдующія поучительныя строки: „Не санъ я учителя восхищая, но для пользы ближняго долгъ мой и обязанность раболѣпно исполняя, мои мнѣнія, основанныя на повелѣніяхъ Священнаго Писанія, жаждущему и ищущему вѣчнаго небеснаго своего отечества скажу. Истиннаго христіанина дѣлаютъ вѣра и любовь ко Христу. Грѣхи наши нимало христіанству не препятствуютъ, по слову самого Спасителя. Онъ изволилъ сказать: не праведныя пріидохъ призвати, но грѣшныя спасти; радость бываетъ на небеси о единомъ кающемся болѣе, нежели о девятидесяти праведникахъ. Также и о блудницѣ, прикасающейся къ ногамъ Его, къ фарисею Симону изволилъ говорить: имѣющему любовь многій долгъ прощается, а съ неимѣющаго любви и малый взыскивается. Сими разсужденіями христіанинъ долженъ приводить себя въ надежду и радость и отнюдь не внимать наносимому отчаянію,—тутъ нуженъ щитъ вѣры. Грѣхъ любящему Бога ничто иное, какъ стрѣла отъ непріятеля на сраженіи. Истинный христіанинъ есть воинъ, продирающійся сквозь полки невидимаго врага къ небесному своему отечеству. По апостольскому слову, отечество наше на небесахъ; а о воинѣ говоритъ: нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ началомъ и ко властѣмъ. Пустыя вѣка сего желанія удаляютъ отъ отечества; любовь къ тѣлѣ и привычка одѣваютъ душу нашу какъ-будто въ гнусное платье; оно названо отъ апостоловъ *внѣшній человѣкъ*. Мы, странствуя въ путешествіи сей жизни, призывая Бога въ помощь,

должны гнусности той совлекаться, а одѣваться въ новыя желанія, въ новую любовь будущаго вѣка и чрезъ то узнавать наше къ небесному отечеству или приближеніе, или удаленіе. Но скоро сего сдѣлать невозможно; а должно слѣдовать примѣру больныхъ, кои, желая любезнаго здоровья, не оставляютъ изыскивать средствъ для излеченія себя. Я говорю неясно; весьма тороплюсь; время не позволяетъ. Но надѣюсь, что вы сами, остротою вашего разума и пламенѣющимъ желаніемъ къ любезному небесному отечеству, не только себѣ, но и другимъ можете открыть путь ко святой истинѣ". Высоко-назидательная рѣчь, исполненная любви христіанской и подкрѣпленная непреложными доводами Священнаго Писанія, точнѣе сказать—основанная на нихъ. Возразятъ, пожалуй, что въ приведенныхъ бесѣдахъ о. Германа нѣтъ ничего новаго, — чего нельзя было бы найти въ томъ же Священномъ Писаніи или въ твореніяхъ св. отцовъ и учителей Церкви. Это несомнѣнно такъ. Но, во-первыхъ, не одной новостью и оригинальностью слѣдуетъ измѣрять достоинство мысли и слова. Во-вторыхъ, совершенно новыя и дѣйствительно оригинальныя (абсолютно оригинальныя) мысли появляются крайне рѣдко, вѣками, какъ говорится, и, по нашему глубокому убѣжденію, *всякая новая истина* приходитъ въ міръ по Божественному наитію, она какъ *„всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходяй отъ Отца свѣтовъ* (Іак., I, 17); мысли же, обычно называемыя и признаваемыя новыми и оригинальными, — по вѣрному сужденію величайшаго изъ свѣтскихъ русскихъ писателей,—не представляются таковыми въ смыслѣ абсолютномъ, а суть лишь новыя и оригинальныя комбинаціи, соединенія и сопоставленія мыслей, уже бывшихъ въ

обращеніи человѣчества; но и тутъ для истинности мыслей необходимо присутствіе и вліяніе благодати Божіей: отвращеніе отъ Бога всегда, вездѣ и во всемъ есть отвращеніе отъ истины и правды. Въ-третьихъ, хотя и дѣйствительно *многое* можно найти въ Св. Писаніи и въ твореніяхъ св. отцовъ,—*можно* найти все, что нужно человѣку для спасенія души и для жизни духовной; но *многіе-ли* ищутъ; *многіе-ли*, кромѣ того, будучи постоянно и преимущественно заняты дѣлами суеты житейской, обладаютъ достаточною духовною опытностію (которая стяжается лишь долгими годами непрестаннаго, сосредоточеннаго самоуглубленія), чтобы правильно понять читаемое и извлечь вѣрное руководство для жизни? Откуда-же всѣ ложныя толкованія, секты, расколы, ереси, какъ не изъ мутнаго источника дерзкой самонадѣянности? Въ-четвертыхъ, живое слово живого человѣка, естественно, дѣйствуетъ сильнѣе,—разъ оно исходитъ отъ убѣжденнаго разума и любящаго сердца и притомъ умѣло примѣнено къ личности и обстоятельствамъ слушающаго; послѣднее чрезвычайно важно: нужна широта взгляда и пониманія; всякая односторонность, теоретичность—если можно такъ выразиться—вредитъ дѣлу. Богъ знаетъ, обратился-ли-бы г. Яновскій отъ невѣрія и заблужденія, еслибы Господь, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, не поставилъ на его жизненномъ пути свѣтлую личность о. Германа. Духовно-нравственное вліяніе простого, неученаго монаха на свѣтски-образованнаго, знакомаго съ иностранными литературами г. Яновскаго было весьма велико. Благотворно отразилось оно на строѣ и направленіи не только личной жизни г. Яновскаго, но и всего его семейства. Самъ Семенъ Ивановичъ Яновскій на закатѣ дней постригся въ мо-

нашество и окончилъ жизнь въ Тихоновой пустынѣ (Калужской губ.); сынъ его, котораго *святой старецъ* носилъ на своихъ рукахъ, когда тотъ былъ еще младенцемъ, сдѣлался іеромонахомъ; три дочери также пошли въ монастырь. Было-ли-бы все это такъ, еслибы глава семейства застылъ на деизмѣ Вольтера, съ отрицаніемъ христіанства, или (что еще хуже, но русскій иногда склоненъ къ крайностямъ) примкнулъ-бы къ матеріализму энциклопедистовъ XVIII вѣка? А вѣдь г. Яновскій, по собственному его признанію, *теоретически* Законъ Божій зналъ. Недаромъ онъ впослѣдствіи такъ энергично возставалъ противъ *исключительно-теоретическаго* изученія этого, по самому существу своему, практическаго, жизненнаго предмета, долженствующаго служить основой нравственнаго поведенія, нормой всѣхъ отношеній между людьми: личныхъ, семейныхъ, общественныхъ, государственныхъ и международныхъ,—хотя всѣ эти многочисленныя и разнообразныя нормы вытекаютъ послѣдовательно изъ двухъ главныхъ заповѣдей Христа Спасителя—любви къ Богу и любви къ ближнему. И недаромъ г. Яновскій до конца дней своихъ сохранилъ благородное чувство искреннѣйшей сердечной благодарности къ своему незабвенному духовному наставнику—о. Герману. Онъ умѣлъ высоко цѣнить и понимать этого достойнѣйшаго мужа, всегда живо помнилъ его и сохранилъ дорогія черты *и для насъ дорогого* человѣка и въ словѣ, и въ художественномъ изображеніи, на портретѣ, копія котораго приложена при этой книжкѣ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ писемъ С. И. Яновскаго къ иг. Дамаскину, обрисовывающія личное отношеніе г. Яновскаго къ о. Герману, а вмѣстѣ и характеризующія послѣдняго: „Чего онъ ожидалъ отъ меня,

чего искалъ (когда ежедневно посѣщалъ ради обращенія на путь истинный)? Только желалъ спасти душу заблуждшую! Да помянетъ его Господь во царствіи Своемъ, и да внидетъ онъ въ радость Господа Своего!"—„Можетъ быть, Господь и жизнь мою долго терпѣлъ, чтобы передать свѣдѣнія о жизни *святого старца*". — „Я лично зналъ этого почтеннаго, *святого мужа*, *великаго подвижника*, и у меня сохранились его два письма. Я сохраняю эти письма, *какъ драгоцѣнность* отъ *святого старца*, бывшаго моего наставника, котораго память для меня *священна*".—Подлинно неизмѣримая бездна милосердія и любви Божіей къ человѣку и въ особенности ко мнѣ, недостойнѣйшему грѣшнику! Чтобъ спасти меня, Онъ, по безпредѣльному милосердію, взыскалъ меня на концѣ свѣта, въ отдаленномъ краю Россіи, послалъ мнѣ *святого старца*, отшельника о. Германа, который, по многихъ трудахъ и молитвѣ, привелъ меня отъ заблужденія и вольнодумства къ познанію истиннаго Бога". — Вотъ какую разительную перемѣну всего строя духовной жизни произвелъ, при помощи Божіей, въ бывшемъ поклонникѣ Вольтера и энциклопедистовъ простой Валаамскій монахъ. Какія были для того средства, — мы отчасти уже видѣли. При рѣдкой духовной мудрости и опытности, о. Германъ прекрасно зналъ Св. Писаніе. Удостоившійся слушать его назидательную бесѣду житель о. Кадьяка Константинъ Ларіоновъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Это было въ 1835 году; мнѣ было тогда не болѣе 12 лѣтъ; онъ мнѣ велѣлъ достать съ полки книгу и заставилъ находить статьи, о которыхъ былъ предметъ его разсказа; а какъ я тогда не бѣгло читалъ, то онъ мнѣ *сказывалъ или указывалъ страницы*, объяснялъ церковныя цифры; самъ-же, ка-

жется, былъ слѣпъ, а *въ книгахъ, повидимому, помнилъ слова всѣ наизусть, потому что онъ поотдаль сидѣлъ отъ насъ*". Что онъ *былъ слѣпъ*,—весьма вѣроятно, такъ какъ описанное происходило лишь за два года до его смерти; не менѣе вѣроятно, что онъ *въ книгахъ помнилъ слова всѣ наизусть.* Даже отсутствіе буквальной точности въ текстахъ Св. Писанія, приведенныхъ въ письмѣ къ г. Яновскому (см. выше, а также въ приложеніи 1, № 5), ясно указываетъ на то, что тексты взяты на память, а не выписаны изъ книги. Излишне доказывать, насколько важно для *миссіонера* отчетливое знаніе Св. Писанія и твореній отеческихъ. У о. Германа было таковое.

По великому смиренію своему, о. Германъ до конца жизни остался *простымъ монахомъ:* его хотѣли сдѣлать іеромонахомъ и даже архимандритомъ, но онъ отклонилъ то и другое. Но смиреніе этого человѣка не было ни въ какомъ отношеніи напускнымъ смиреніемъ ханжи и лицемѣра. Чуждый всякой лжи и фальши, онъ не стѣснялся свободно высказывать то, что голосъ просвѣщеннаго благодатію Божіей разума и сердца повелѣвалъ ему признавать за истину. Правда была для него дорога не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ; онъ выражалъ ее прямо, а гдѣ нужно было—и рѣзко, передъ кѣмъ бы то ни было, нисколько не опасаясь послѣдствій, какія могли произойти отъ того для него лично, и всегда являлся усерднымъ защитникомъ слабыхъ и угнетенныхъ противъ произвола сильныхъ. Въ письмѣ къ С. И. Яновскому отъ 10 августа 1821 года (прилож., I, № 13) онъ, между прочимъ, писалъ: „1820 года, весной, вы прислали мнѣ двѣ книжки, съ тѣмъ, чтобъ я сказалъ вамъ свое мнѣніе о сочинителѣ. Но я тогда не успѣлъ въ нихъ

заглянуть; а послѣ, читавши, увидалъ, что онъ — западнаго мнѣнія: гордостію залетѣвши выше облакъ, включаетъ себя въ число пророковъ, думаетъ, что можно ему чрезъ высокія его познанія и вычисленія такъ же писать, какъ пророки писали о состояніи государствъ. Дивно и предивно, какъ гордость ослѣпляетъ: говоритъ, что не всѣмъ сочиненія его понравятся, что могутъ и осмѣивать, а не видитъ, что онъ самъ себя прежде осмѣялъ; думаетъ, что утверждаетъ истину, но споритъ самъ съ собою и со Священнымъ Писаніемъ. Много говорить о немъ скучно, а можете изъ сихъ малыхъ словъ видѣть мое о немъ мнѣніе. Таковыхъ книжекъ, кто если не можетъ твердо знать истину, весьма нужно удаляться". Какія именно были эти *двѣ книжки* — мы достовѣрно не знаемъ; но несомнѣнно, что онѣ относились къ сочиненіямъ общественно-политическимъ. Христіански-смиренный о. Германъ не усомнился прямо и рѣзко высказать о нихъ *свое* мнѣніе; и это нимало не удивляетъ насъ: для правильнаго сужденія у него было твердое, незыблемое основаніе въ наукѣ всѣхъ наукъ—въ Св. Писаніи. Замѣтимъ кстати, что сжатость, краткость, съ какой изложено сужденіе, сдѣлала бы честь любому критику. Однажды г. Яновскій прочиталъ ему знаменитую оду Державина „*Богъ*". Удивленный и восхищенный. о. Германъ просилъ повторить. Просьба была, конечно, исполнена. Онъ спросилъ: „неужели это простой ученый писалъ?"—„Да, ученый поэтъ"—отвѣчалъ г. Яновскій.— „Это *по вдохновенію Божію* писано" — высказалъ свое мнѣніе о. Германъ. — „Я разсказалъ ему, — говоритъ г. Яновскій, — какъ испанцы въ Калифорніи захватили въ плѣнъ нашихъ 14 человѣкъ алеутовъ, и іезуиты замучили одного алеута, принуждая ихъ всѣхъ принять

католическую вѣру, на что алеуты никакъ не соглашались, отвѣчая: мы христіане, мы крещены, и показывали имъ кресты на шеяхъ. Но іезуиты возражали: „нѣтъ, вы еретики, схизматики; если не согласитесь принять католическую вѣру, то мы васъ замучимъ". И оставили ихъ по двое въ темницѣ до вечера, на размышленіе. Вечеромъ пришли съ фонаремъ и зажженными свѣчами и начали опять убѣждать ихъ къ принятію католической вѣры. Но алеуты, проникнутые благодатію, твердо и рѣшительно отвѣчали, что они—христіане и не перемѣнятъ своей вѣры. Тогда эти фанатики приступили ихъ мучить: сперва—одного; а другой былъ свидѣтелемъ. Они сперва отрѣзали по одному суставу у пальцевъ на ногахъ, потомъ по другому,—тотъ все терпѣлъ; только и говорилъ: „я—христіанинъ и не измѣню своей вѣры". Потомъ на рукахъ отрѣзали по одному суставу у каждаго пальца; потомъ—по другому; потомъ отрубили ступни ногъ; потомъ—кисти рукъ. Кровь лилась, но мученикъ до конца терпѣлъ, и неизмѣнно одно твердилъ; и съ такою вѣрою, отъ истеченія крови, скончался. Они на другой день хотѣли было мучить и другихъ. Но въ эту-же ночь было получено изъ Монтерея повелѣніе, чтобъ всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ русскихъ алеутовъ немедленно прислать за конвоемъ въ Монтерей. Когда я окончилъ свой разсказъ, то о. Германъ спросилъ: „а какъ звали этого замученнаго алеута?" Я отвѣчалъ, — Петръ. Тогда онъ всталъ передъ образомъ, благоговѣйно перекрестился и произнесъ эти слова: „святый новомученикъ Петръ, моли Бога о насъ!"—Служащіе въ Павловской гавани солдаты и прочіе прибѣгали къ отцу Герману и просили у него помощи и защиты. Нерѣдко онъ писалъ къ мѣстному начальству, а то и самъ ходилъ къ начальству и избавлялъ отъ наказанія. Случи-

лось одному служащему впасть въ погрѣшность противъ своего начальника, коммерціи совѣтника Кашеварова. Когда-же Кашеваровъ назначилъ ему *жестокое* наказаніе, то служащій скрытно убѣжалъ отъ своего начальника, пришелъ къ отцу Герману и просилъ его защиты. *Отецъ Германъ отложилъ свою старость, пошелъ къ Кашеварову и просилъ о помилованіи преступника; но онъ не хотѣлъ его простить. Старецъ сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ*, обѣщалъ отъ Бога въ будущей жизни прощеніе тому, кто милуетъ своихъ подчиненныхъ и говоря много Евангельскихъ притчъ; но начальникъ, будучи ожесточенъ, не хотѣлъ и смотрѣть. *Тогда старецъ не могъ удержаться отъ слезъ — заплакалъ и сказалъ: „горе тому, кто не милуетъ своихъ подчиненныхъ и не дѣлаетъ милости! Вы тогда только узнаете нужду бѣдныхъ, когда сами будете во служеніи житъ"*. Сколько здѣсь любви христіанской, сначала смиренно, со слезами и земными поклоненіями умоляющей о прощеніи и убѣждающей словомъ Евангельской истины, а потомъ уже, при видѣ неисправимаго ожесточенія, грозящей карающимъ немилостивыхъ гнѣвомъ всевидящаго Бога! Надо вспомнить, каковы были тогда времена, и каковы были *жестокія* наказанія; надо вспомнить и то, что о. Германъ говорилъ въ защиту слабаго передъ сильнымъ и власть имѣвшимъ, который и самому защитнику могъ сдѣлать много зла.— Яснымъ умомъ онъ вѣрно понималъ во многихъ отношеніяхъ—тяжелое положеніе нашихъ американскихъ подданныхъ и не могъ не сочувствовать имъ: „Любезному нашему отечеству,—писалъ онъ С. И. Яновскому отъ 28 декабря 1818 года,—Творецъ какъ будто новорожденнаго младенца дать изволилъ край сей, который еще не имѣетъ ни силъ къ какимъ-нибудь познаніямъ, ни смысла, тре-

буетъ не только покровительства, но, по безсилію своему и слабаго ради младенческаго возраста, самаго поддерживанія. Но и о томъ самомъ не имѣетъ онъ еще способности къ кому-либо сдѣлать свою просьбу. А какъ зависимость сего народнаго блага небеснымъ Провидѣніемъ, неизвѣстно до какого-то времени, отдана въ руки находящемуся здѣсь россійскому начальству, которое теперь вручилось вашей власти,—сего ради я, нижайшій слуга здѣшнихъ народовъ и нянька, отъ лица тѣхъ предъ вами ставши, кровавыми слезами пишу вамъ мою просьбу: будьте намъ отецъ и покровитель! Мы, всеконечно, краснорѣчія не знаемъ, но съ нѣмотою, младенческимъ языкомъ, говоримъ: отрите слезы беззащитныхъ сиротъ; прохладите жаромъ печали тающія сердца; дайте разумѣть, что значитъ отрада! Милостивѣйшій Государь, въ семъ маломъ изображеніи вы, тонкостію вашего разума и проницательнымъ вниманіемъ, сами можете пространство и обширность народныхъ горестей сыскать. Мы остаемся въ ожиданіи, какое Творецъ изліетъ благоволеніе вашему сердцу на участь бѣдныхъ, однако — болѣе въ надеждѣ отъ новаго нашего господина новыхъ милостей, новыхъ радостей, вообще всему здѣшнему краю новаго оживотворенія; взаимно благодарные молчаливые вздохи, восхитительныя радостныя восклицанія, проникши облака, возлетятъ къ престолу Всемогущаго Царя, со испрошеніемъ вамъ, нашему милостивому отцу и благодѣтелю, при всемъ благополучіи, продолженія дней и полученія вѣчныхъ благъ. А я, въ послѣднихъ послѣднѣйшій, увѣряю себя, что вы какъ на первый случай, еще мое убожество не видавши, изволили оказать толь великую благосклонность, такъ и впредь того не исключите". Такъ писалъ о. Германъ въ 1818 году; а незадолго передъ тѣмъ онъ былъ жестоко

и несправедливо оклеветанъ передъ г. Яновскимъ въ томъ, что возмущаетъ и возстановляетъ народъ противъ начальства. Но любовь къ ближнему брала верхъ надъ обычной во всякомъ другомъ эгоистической осторожностью: несмотря на то, что клевета оказалась клеветой, могло-же у г. Яновскаго родиться подозрѣніе. Однако о. Германъ ничего этого не убоялся.—„За то,—писалъ впослѣдствіи г. Яновскій,—что онъ многихъ обличалъ въ нетрезвой жизни, въ отвратительныхъ порокахъ и притѣсненіи алеутовъ, многіе были ему врагами, дѣлали разныя непріятности и клеветали на него,—онъ все терпѣлъ и несъ тяжкій крестъ". Съ многоразличными проявленіями высокихъ качествъ души *святого старца* намъ не разъ еще придется встрѣтиться, такъ какъ личность его проходитъ яркимъ свѣтомъ чрезъ всю исторію Кадьякской миссіи. Но и тѣхъ качествъ ума и сердца, которыя мы указали въ о. Германѣ, было слишкомъ достаточно для благотворнаго труда на миссіонерскомъ поприщѣ, да и на какомъ угодно другомъ поприщѣ жизни и дѣятельности человѣческой. Рѣдкое благодушіе; простота и безпритязательность; широкая гуманность, отзывчивая на всякое человѣческое горе и страданіе; строгость къ себѣ при снисходительной терпимости къ другимъ,—всѣ эти прекрасныя качества естественно вытекали изъ основныхъ свойствъ личности и характера о. Германа.

Мы довольно подробно говорили и еще будемъ говорить объ о. Германѣ, какъ по всѣмъ указаннымъ причинамъ, такъ и потому, что благіе всходы на духовной нивѣ во многомъ зависятъ отъ сѣятелей. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши о другихъ членахъ миссіи крайне скудны. Но суровый, пустынный Валаамъ, съ своимъ строгимъ уставомъ иноческой жизни, развивая, подъ руководствомъ

мудрыхъ старцевъ, опытность духовную, умѣлъ и умѣетъ пріучать сыновъ своихъ къ непрестанному труду, скудости, лишеніямъ и терпѣнію скорбей Бога ради; а миссіонеры, въ большинствѣ, были иноки Валаамскаго монастыря.

Чтобы быть ближе къ истинѣ, — не ослабить и не усилить красокъ, — мы вездѣ, гдѣ возможно, передавали свѣдѣнія подлинными словами источниковъ, изъ которыхъ заимствовали ихъ; такъ-же будемъ поступать и далѣе.

Составленная въ 1793 году православная духовная миссія (изъ восьми вышеназванныхъ монашествующихъ лицъ и двухъ церковнослужителей), снабженная всѣмъ необходимымъ на счетъ компаніи *Шелехова и Голиковыхъ*, отправилась черезъ Сибирь, къ мѣсту своего служенія, въ Америку, и осенью слѣдующаго 1794 года благополучно прибыла на островъ Кадьякъ, гдѣ и основалась. Морской путь былъ, сравнительно, не весьма значителенъ.

Объ этомъ путешествіи, о первоначальномъ (менѣе года) пребываніи въ Америкѣ, о разнообразныхъ трудахъ своихъ и всѣхъ прочихъ членовъ миссіи и объ успѣхахъ собственно миссіонерской дѣятельности вотъ что повѣствуютъ въ письмахъ къ иг. Назарію, отъ мая мѣсяца 1795 года, бывшіе Валаамскіе иноки— благодушный о. Германъ и архимандритъ Іоасафъ: „Благодатію Всевышняго Бога, святыхъ ради вашихъ молитвъ, мы Американскихъ предѣловъ достигли благополучно, всѣ десять человѣкъ; подробно же описать толь великое странствіе не дозволитъ краткость времени; въ дорогѣ находились круглый почти годъ; приключеній, достойныхъ памяти, никакихъ не встрѣчалось, кромѣ

нѣкоторыхъ отъ новости мѣстъ и отъ разноманерной ѣзды; да развѣ за разговоръ простой любителямъ новостей. что по Охотской дорогѣ, въ верховой ѣздѣ, нападали на насъ медвѣди, а по океану встрѣчали разныхъ морскихъ звѣрей: китовъ, касатокъ, свинокъ, сивучекъ и другихъ, коихъ довольно мы видѣли. Штормовъ большихъ не было, кромѣ одного". Такъ писалъ о. Германъ.—„Я,—разсказываетъ архимандритъ Іоасафъ,—изъ Москвы отправился 1794 года, генваря 22 дня. Святую Пасху праздновалъ въ Иркутскѣ. Тутъ былъ съ мѣсяцъ. Изъ Иркутска Леною рѣкою, болѣе 2000 верстъ, плыли покойно, во всякомъ довольствѣ. Отъ Якутска до Охотска, болѣе 1000 верстъ, ѣхали верхами съ братіею; а все имущество наше везли 100 лошадей; хотя рѣкою было и весело, но верхами и того лучше: по лѣсамъ, горамъ, буеракамъ всего насмотрѣлись. Пажити вездѣ злачныя, и время веселое—май, іюнь, іюль; но пасутся одни медвѣди; довольно навидались; хотя они и смирны, но лошадей пѣстовать мастера. Прибыли въ Охотскъ 13 іюля, который стоитъ на самомъ берегу океана, и проѣзжали мимо Камчатки, чрезъ Курильскую гряду и цѣпь Алеутскихъ острововъ. Чего мало слыхалъ, то Богъ привелъ видѣть: китовъ морскихъ, касатокъ, бобровъ; китовъ же, подлѣ самаго нашего судна, на поверхности воды плавающихъ и играющихъ, довольно насмотрѣлись. Звѣрки небольшіе, саженей по 15, да голова саженей 5.—Дорогою, начиная съ Якутска, усердно желающихъ якутовъ всюду, всюду крестили; гдѣ рѣка пришла, тутъ и останавливаемся крестить. Хотя тамъ и есть проповѣдники, но дорого за крещеніе берутъ; а моремъ по Алеутской грядѣ ѣхавши только два дня, заѣхали на островъ Уналашку и тутъ болѣе ста чело-

вѣкъ окрестили: они давно уже готовы къ принятію крещенія, ибо всегда съ русскими промышленными живутъ". —По прибытіи на Кадьякъ, немедленно занялись миссіонеры обращеніемъ въ православную вѣру Христову довольно многочисленнаго населенія этого острова и постройкою церкви Божіей. — Не будемъ настойчиво избѣгать нѣкоторыхъ незначительныхъ повтореній: согласное показаніе двухъ свидѣтелей тѣмъ несомнѣннѣе доказываетъ истину.—„1794 года, сентября съ 24, живу на островѣ Кадьякѣ. Слава Богу, болѣе 7,000 американцевъ перекрестилъ, да болѣе 2,000 браковъ обвѣнчалъ; состроили церковь, а время позволитъ — сдѣлаемъ другую, да походныхъ двѣ, а то и пятую нужно сдѣлать. Живемъ хорошо; они насъ любятъ, а мы ихъ; народъ добрый, но бѣдный. Такъ усердно пріемлютъ крещеніе, что всѣ свои шаманскіе наряды изломали и сожгли. Вы хотя и стращали насъ нагими, но, благодаря Бога, о цѣломудріи имѣютъ понятіе; хотя не нарядны, однако не нагіе, и опрятнѣе еще русскихъ ходятъ: платье носятъ хотя небогатое, изъ птичьихъ пикурокъ, но длинное, до пятъ, и безъ полъ сшитое, на подобіе стихаря; одна прорѣха—только головѣ пройти; щеголи бобровое платье носятъ. Пища: рыба и разные коренья". — Усердно трудясь на Кадьякѣ, ревностные миссіонеры старались и далѣе распространить свою благотворную дѣятельность. Каждый былъ при своемъ дѣлѣ и подвизался по мѣрѣ и по свойству своихъ силъ и способностей. — „Отецъ Германъ у меня въ хлѣбнѣ съ отцомъ Іоасафомъ, бывшимъ Козьмою Алексѣевичемъ: отецъ Макарій Коневскій, сверхъ всякаго чаянія, по здѣшнему мѣсту весьма способенъ. Я думалъ, что и не доѣдетъ, а онъ почти одинъ половину острова объѣхалъ, крестилъ

и вѣнчалъ, а на семъ транспортѣ (съ которымъ посылалось письмо) отправился на островъ Уналашку и другіе около его лежащіе острова крестить. Аѳанасій тутъ учится службѣ, а больше за огородами ходитъ, да землю роетъ. Отецъ Нектарій, также добрый іеродіаконъ Ювеналій (іеромонахъ и проповѣдникъ-мученикъ) довольно рачителенъ, а братъ его, произведенный въ Иркутскѣ въ іеродіаконы, отецъ Стефанъ, хотя и молодой человѣкъ, но такой добрый, простонравный, услужливый и умный, что хотя бы изъ Валаамскаго братства выбрать, такъ и днемъ съ огнемъ наищешься столь способнаго по здѣшнему мѣсту. За ваши святыя молитвы мнѣ Богъ создалъ братство доброе и любовное; впредь не знаю, какъ Богъ укрѣпитъ, а теперь все хорошо. Описалъ бы вамъ все здѣшнее поведеніе, но, простите, время еще не достаетъ. То креститься приходятъ, то — вѣнчаться, кто—поучаться закону, а никого опечалить и оскорбить отказомъ не хочется; притомъ же, и русскіе разныя нужды имѣютъ: поговорить и исповѣдываться; а при отправкѣ судна сочинялъ вѣдомость къ преосвященному (Иркутскому), посылалъ письма въ Россію къ компаньонамъ о разныхъ неустройствахъ и своихъ надобностяхъ, и проч., и проч. Краткими же сими чертами единаго отъ васъ себѣ ищу удовольствія, чтобы вы насъ не исключали изъ числа любезнаго братства Валаамскаго, а считали своими и незабвенно имѣли въ святыхъ молитвахъ вашихъ. Теперь еще мало жили, —такъ не очень осмотрѣлись; а нынѣшнею весною я располагаю ѣхать съ Ювеналіемъ на матерую Америку, въ Кенай, а оттуда—въ Чугачи, къ Унгалихмутамъ, и такъ далѣе—въ Якутапъ, и что Богъ поможетъ видѣть успѣха въ Евангельской проповѣди, то при будущемъ транспортѣ пообстоятельнѣе васъ увѣ

домить постараюсь. Всѣхъ отцевъ Валаамскихъ, любезное братство, прошу о неоставленіи насъ, дикарей, въ молитвахъ, а мы всегда въ суетахъ и посреди міра".— „Находимся, — сообщалъ и о. Германъ, — на островѣ Кадьякѣ. Американцы къ крещенію идутъ весьма охотно: крестилось безъ мала тысячъ семь; а на Уналашкѣ, во время проѣзда сквозь Алеутскіе острова, неволею въ одну бухту противнымъ вѣтромъ насъ загнанныхъ алеуты своею ласковостью и желаніемъ крещенія весьма насъ удивили. Нынѣ отправляется для проповѣди и крещенія отецъ Макарій по Алеутскимъ, Лисьевскимъ и Андреяновскимъ островамъ, а послѣ, въ скоромъ времени, отправится отецъ Ювеналій на матерую, начиная съ Кенайской губы—въ Чугачи, Алегмютъ, дальніе Колоши и другіе многіе языки, даже до Чилхата. Ахъ! здѣсь, восхитившись я духомъ, при всей краткости времени къ продолженію исторіи, урвалъ кратчайшую минутку, нѣсколько прибавлю рѣчей. Находясь между ведромъ и ненастьемъ, межъ радостей и скуки, между довольствомъ и недостаткомъ, сытостію и гладомъ, тепломъ и холодомъ, при всѣхъ моихъ печаляхъ, обрѣтаю нѣчто веселящее меня, когда слышу разговоры между братіею о проповѣди и о раздѣленіи для того себѣ разныхъ предѣловъ; особливо—преніе между іеромонахами Макаріемъ и Ювеналіемъ, ибо они и вокругъ Кадьяка пускались на малѣйшихъ кожаныхъ лодочкахъ, *не взирая на всѣ морскія опасности*; а отецъ архимандритъ основался съ нами, какъ будто съ малыми дѣтьми, въ гавани. Также и далѣе простирая тѣ іеромонахи свои мысли, нѣкогда прохаживаясь въ своей гавани, гдѣ и я, грѣшный, случился быть между ними, взошли мы на холмикъ къ полуденной сторонѣ, сѣли, смотря на океанъ, и между про-

чимъ начали говорить, кому изъ насъ куда идти для проповѣди, ибо приближалось тогда время отправленія судовъ, на коихъ тѣмъ должно было ѣхать. И вышелъ между ими въ то время споръ, для меня убогаго утѣшный и радостный. Есть на Куковскихъ картахъ назначено къ сѣверу: по одной рѣкѣ живутъ русскіе люди, а у насъ объ нихъ разные слухи, о коихъ мы между разговорами тогда напоминали, желая какъ бы съ ними видѣться. Отецъ Макарій началъ говорить: „я, по намѣренію своему, если Богъ изволитъ, когда буду на Алеутскихъ островахъ, по пристойности же долженъ быть и на Аляскѣ, куда меня аляскинцы уже и звали, и какъ къ той сторонѣ ближе тѣ русскіе, то буду искать способовъ, какъ бы провѣдать достовѣрно о нихъ". „А отецъ Ювеналій, услышавши про Аляску и не давши отъ ревности болѣе тому говорить, съ торопливостію духа сказалъ: „Аляска по всему моей части подлежитъ, то прошу покорно меня тѣмъ не обижать; какъ судно нынѣ отпускается въ Якутанъ, то и я проповѣдь долженъ начинать отъ юга, и, проходя вдоль по океану къ сѣверу и обшедъ Кенайскую губу, непремѣнно въ здѣшнюю гавань нужно идти по Аляскѣ". Слушая то, отецъ Макарій покрывался унынісмъ и, принявъ печальный видъ, говорилъ умиленно: „Нѣтъ, батюшка, ты меня тѣмъ не тѣсни; самъ ты знаешь,—цѣпь Алеутскихъ острововъ совокупилась съ Аляскою, то непремѣнно моей части подлежитъ, а оттуда—и весь сѣверный берегъ; тебѣ же, если изволишь, довольна на весь твой животъ южная часть Америки". Я же, нижайше слушая таковое преніе, приходилъ отъ радости въ восторгъ. Почти какъ необычайные, іеромонахи отецъ Макарій и отецъ Ювеналій пылаютъ всегда ревностію и стремятся во всѣ сто-

роны; а отецъ Аѳанасій дома для насъ, чтобъ не были безъ іеромонаха: и править службу, и крестить приходящихъ".—Какая святая ревность къ великому дѣлу просвѣщенія свѣтомъ Евангельской истины *„сидящихъ въ странѣ и сѣни смертнѣй!“* Душа успокоивается, возвышается и сильнѣе проникается непреложной вѣрой въ высокое назначеніе человѣка.

„Въ 1795 году, іеромонахъ *Ювеналій* отправился изъ Кадьяка въ Нучекъ, гдѣ, окрестивъ болѣе семисотъ душъ *чугачъ*, перешелъ въ Кенайскій заливъ и окрестилъ всѣхъ тамошнихъ жителей; а на слѣдующій (1796) годъ онъ перешелъ на Аляску, къ озеру *Илямнѣ* или *Шелехову*, гдѣ и кончилъ свое равноапостольское служеніе вмѣстѣ съ своею жизнію, послуживъ Церкви болѣе всѣхъ своихъ собратій. Его убили дикіе жители. Причиною смерти его, сказываютъ, было сколько то, что онъ съ перваго раза велѣлъ дикимъ, принимающимъ св. крещеніе, оставлять многоженство, столько же и то, что тамошніе тоены и почетные люди, по убѣжденію о. Ювеналія, отдали ему дѣтей своихъ для обученія въ Кадьякѣ; но когда о. Ювеналій отправился отъ нихъ, то дикіе раскаялись въ своемъ поступкѣ, тотчасъ пустились въ погоню за нимъ и, догнавъ, напали на него. Говорятъ, что о. Ювеналій, при нападеніи на него дикихъ, совсѣмъ не думалъ ни защищаться, ни бѣжать, что могъ бы сдѣлать съ успѣхомъ, особливо имѣя при себѣ огнестрѣльное оружіе; но онъ безъ всякаго сопротивленія отдался имъ въ руки и только просилъ пощады его спутникамъ, что и было исполнено. Спустя много времени, сами американцы разсказывали, что о. Ювеналій, будучи уже убитъ, всталъ и шелъ за своими убійцами, говоря имъ что-то. Дикіе, считая его еще живымъ, опять напали на него

и били; но, лишь только отошли отъ него, онъ опять всталъ и пошелъ за ними; и это повторялось нѣсколько разъ. Наконецъ, дикіе, чтобы совсѣмъ отдѣлаться отъ него, искрошили его въ куски. Тогда только умолкъ ревностный проповѣдникъ и, можно сказать, мученикъ слова Божія; но не умолкла сила его слова: на томъ мѣстѣ, гдѣ были останки проповѣдника, тотчасъ, сказываютъ: явился дымный столбъ, простирающійся къ небу. А іеромонахъ *Макарій* въ 1795 году отправленъ былъ въ Уналашку, гдѣ онъ, объѣхавъ весь тамошній отдѣлъ, отъ Унги до Четырехсопочныхъ острововъ, окрестилъ всѣхъ алеутовъ безъ остатка и въ слѣдующемъ году выбылъ въ Иркутскъ". Какъ было уже сказано выше, іеромонахъ Макарій утонулъ, вмѣстѣ съ посвященнымъ въ санъ епископа Кадьякскаго Іоасафомъ, при крушеніи корабля *Фениксъ*, въ 1799 году.

Такъ, волею Провидѣнія, внезапно прекратилась благотворная дѣятельность ревностнѣйшихъ проповѣдниковъ слова Божія, просвѣтителей алеутовъ, кадьякцевъ и другихъ американскихъ народовъ. Въ короткое время они успѣли положить прочное и широкое основаніе православной церкви Христовой во *всѣхъ* частяхъ Россійско-Американскихъ владѣній. Въ два года было сдѣлано весьма много: прежде всего были окрещены *жители острова Кадьяка, численностію до семи тысячъ человѣкъ;* потомъ іеромонахъ Макарій *окрестилъ всѣхъ алеутовъ безъ остатка*, а іеромонахъ *Ювеналій окрестилъ до 700 чугачъ, затѣмъ—кенайцевъ, аляскинцевъ и жителей другихъ племенъ на материкѣ Америки.* Архимандритъ Іоасафъ и іеромонахъ Аѳанасій, безъ сомнѣнія, также принимали участіе въ крещеніи американцевъ; однако личное участіе ихъ въ этомъ дѣлѣ не могло быть

особенно значительно: перваго, при всей его несомнѣнной энергіи и ревности къ дѣлу, удерживали на мѣстѣ многоразличные труды главы миссіи и главнаго устроителя новосозидаемой американской церкви; а на послѣднемъ лежали обязанности: отправлять богослуженіе въ кадьякскомъ храмѣ и исправлять требы.

Какое именно число американцевъ было окрещено нашими миссіонерами,—*въ точности* мы не знаемъ. Но, спустя болѣе сорока лѣтъ, протоіерей І. Веніаминовъ писалъ, что все, наличное тогда—въ 1840 году, число христіанъ-америкацевъ, выключая весьма немногихъ, есть плодъ апостольскихъ трудовъ почти исключительно іеромонаховъ Макарія и Ювеналія (особенно послѣдняго), которые окрестили болѣе 5,000 американцевъ. И хотя—„дальнѣйшее распространеніе христіанства между американцами, гораздо многочисленнѣйшими, почти совершенно было оставлено съ равномученическою смертію о. Ювеналія, т. е. съ 1796 года по 1829 годъ (до начала обращенія американцевъ Берингова моря около Нушегака)“, однако — „когда прибыли священники въ новооткрытыя церкви, т. е. въ Уналашку и Атху, то имъ *некого* было крестить: жители Уналашкинскаго отдѣла, всѣ безъ исключенія, были окрещены еще въ 1795 году, а рожденныхъ послѣ того крестили или русскіе, или сами алеуты (крещеніемъ, дозволеннымъ всякому вѣрному).— Въ означенную цифру *пять тысячъ*, очевидно, не входятъ окрещенные миссіонерами кадьякцы, а только алеуты разныхъ наименованій, чугачи, кенайцы и проч. Принимая-же въ разсчетъ, что на Кадьякѣ были окрещены до *семи тысячъ* человѣкъ,—все число американцевъ, окрещенныхъ нашими миссіонерами, мы можемъ опредѣлить приблизительно вѣрно цифрою *двѣнадцать тысячъ*. И все

это, волею Божіею, было совершено въ короткій промежутокъ двухъ лѣтъ!

Уже одно таинство св. крещенія, само по себѣ, есть великая благодать для человѣка, надъ которымъ оно совершено: оно отверзаетъ путь въ царствіе небесное. Самъ Христосъ Спаситель сказалъ: *„Аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе“* (Ев. Іоанн., III, 5). Пріявшіе священную благодать крещенія отцы, безъ сомнѣнія, не оставляли дѣтей своихъ не крещеными. Гдѣ не было священниковъ, тамъ — по свидѣтельству о. Іоанна Веніаминова—новорожденныхъ дѣтей крестили либо русскіе, либо сами алеуты крещеніемъ, дозволеннымъ всякому вѣрному. Такимъ образомъ, вѣра православная не только не прекращалась, но постепенно распространялась между американцами, по мѣрѣ приращенія народонаселенія, — тѣмъ болѣе на Кадьякѣ, гдѣ былъ священникъ—іером. Аѳанасій, отправлявшій богослуженіе въ мѣстной церкви, совершавшій таинства и исполнявшій требы. Къ нему-же могли обращаться и ближайшіе къ Кадьяку жители другихъ острововъ, для совершенія таинствъ св. крещенія, брака и по прочимъ духовнымъ нуждамъ.

У американцевъ были многія добрыя качества и чистыя правила нравственности, о которыхъ выше мы говорили подробно; ихъ простыя сердца способны были къ воспріятію христіанства. Наши проповѣдники шли къ нимъ,—какъ и всюду, и всегда,—не съ огнемъ и мечемъ, но съ словомъ любви и мира, слово свое они подкрѣпляли самымъ дѣломъ—человѣчнымъ, гуманнымъ обращеніемъ. Отчасти, въ малой мѣрѣ—этимъ причинамъ, а прежде всего и главнымъ образомъ — непосредственному и непостижимому для нашего ограниченнаго ума

воздѣйствію благодати Божіей чрезъ самое таинство св. крещенія слѣдуетъ приписать то, что посѣянное среди американцевъ сѣмя вѣры Христовой не заглохло; первоначальное основаніе православной американской церкви, положенное миссіонерами, оказалось не только *широкимъ*, но и *прочнымъ*.

Собственно у алеутовъ не было священника со времени посѣщенія ихъ іеромонахомъ Макаріемъ въ 1795 году вплоть до 1823 года, т. е. въ теченіи 28 лѣтъ. Вслѣдствіе отдаленности разстоянія, они находились внѣ сообщенія съ кадьякскою церковію: ни они не могли ѣздить на Кадьякъ, ни іеромонахъ Афанасій не могъ отлучаться отъ своей церкви. Казалось бы, — въ теченіи столь продолжительнаго времени — *двадцати-восьми лѣтъ* — у жителей Алеутскихъ острововъ должны были совершенно исчезнуть основанія христіанства, внушенныя имъ въ короткій промежутокъ *одного года*. Не такъ было на дѣлѣ. Вотъ что писалъ непосредственно знакомый съ обстоятельствами о. Іоаннъ Веніаминовъ о состояніи православной вѣры христіанской среди алеутовъ: „Алеуты приняли ее охотно и скоро; доказательствомъ этому можетъ быть то, что Макарій пробылъ въ Уналашкинскомъ отдѣлѣ только одинъ годъ и, путешествуя по отдаленнымъ островамъ и переѣзжая съ мѣста на мѣсто, не имѣлъ при себѣ ни стражи, ни тѣлохранителей, кромѣ одного русскаго для прислуги; тѣ же самые алеуты, которыхъ онъ крестилъ или долженъ былъ крестить, перевозили его, питали и берегли, и притомъ— безъ всякаго возмездія или платы. Такихъ примѣровъ не много. Можно бы возразить, что алеуты скоро приняли вѣру изъ боязни русскихъ, и что имъ принятіемъ крещенія давалась льгота отъ платежа ясака; и дѣйстви-

тельно, таковыя причины довольно способны побудить дикарей, подвергшихся власти сильныхъ пришельцевъ, принять новую вѣру, и тѣмъ болѣе, что льготою ясака они избавлялись отъ всякаго вліянія сборщиковъ онаго, которые для дикихъ страшнѣе самаго ясака, и что прежняя вѣра ихъ уже не удовлетворяла ихъ внутренней потребности души; но эти средства могутъ заставить принять новую вѣру, а не могутъ быть побужденіемъ къ тому, чтобы сдѣлаться ревностнымъ и вѣрнымъ исполнителемъ новой вѣры. Алеуты же остались примѣрно набожны и понынѣ. Если ближе разсмотрѣть и самыя причины, кои будто бы могли принудить алеутовъ принять христіанство, то съ перваго взгляда окажется, что онѣ—мнимыя: русскіе никогда и не думали принуждать ихъ къ тому; а платежъ ясака былъ очень незначителенъ, и они платили его когда и чѣмъ хотѣли; и притомъ льгота отъ платежа ясака давалась имъ только на три года. И такъ, причину скораго и истиннаго обращенія алеутовъ въ христіанство надобно искать въ ихъ характерѣ и расположеніи души. Алеуты хотя охотно и скоро приняли христіанскую вѣру и молились Богу какъ были научены, но надобно сказать поистинѣ, что они до времени постояннаго у нихъ пребыванія священника вѣровали и молились точно *невѣдомому Богу*: отецъ Макарій, сколько за краткостію времени, столько и за неимѣніемъ хорошихъ толмачей, не могъ передать имъ истинъ христіанскихъ, кромѣ общихъ понятій о Богѣ, Его всемогуществѣ, благости и проч.; при всемъ томъ. алеуты остались христіанами, или, по крайней мѣрѣ, они, тотчасъ по крещеніи, не только совершенно оставили шаманство и уничтожили всѣ личины и маски, употреблявшіяся на игрищахъ и шаманствахъ, но даже и самыя

пѣсни, которыя хотя сколько нибудь могли напоминать имъ прежнюю вѣру, такъ что, по прибытіи моемъ къ нимъ, какъ я ни старался (изъ собственнаго моего любопытства), но не могъ найдти ничего такого. И даже изъ самыхъ суевѣрій ихъ, которыхъ чуждъ бываетъ только человѣкъ, имѣющій живую Евангельскую вѣру, весьма многія совсѣмъ оставлены, а многія потеряли силу".—Сразу столь глубоко запавшее въ воспріимчивыя сердца алеутовъ сѣмя вѣры Христовой долгіе годы развивалось и укрѣплялось въ нихъ при содѣйствіи единой благодати Божіей и видимо приносило плоды добрые.— „Изъ всѣхъ добрыхъ качествъ алеутовъ, — говоритъ тотъ же о. Іоаннъ Веніаминовъ, служившій болѣе 15 лѣтъ священникомъ при Уналашкинской церкви, — ничто столько не радовало и не услаждало моего сердца, какъ ихъ усердіе, или, правильнѣе сказать, жажда къ слышанію слова Божія, такъ, что скорѣе утомится самый неутомимый проповѣдникъ, чѣмъ ослабнетъ ихъ вниманіе и усердіе къ слышанію слова. Пояснимъ это примѣрами: по пріѣздѣ моемъ въ какое-либо селеніе, всѣ и каждый, совершенно оставляя всѣ свои дѣла и занятія, какъ бы они ни были важны въ отношеніи къ нимъ, по первому моему призыву тотчасъ собирались слушать мои поученія, и всѣ и каждый съ удивительнымъ вниманіемъ слушали ихъ, не развлекаясь, не сводя глазъ, и даже, можно сказать, самыя нѣжныя матери въ это время дѣлались какъ бы безчувственны къ плачу дѣтей своихъ, которыхъ и не приводили съ собою, если дѣти не въ состояніи понимать. Имѣя такое усердіе къ слышанію слова Божія, они такъ же усердны и къ проповѣдникамъ онаго (но усердіе ихъ не обнаруживается вещественными даяніями, потому что они никому не могутъ передавать пушныхъ

товаровъ, кромѣ Компаніи, которая имъ платитъ извѣстную цѣну). По крайней мѣрѣ, я это могу сказать по себѣ. Посѣщеніе мое и пріѣздъ мой въ селеніе бывалъ истиннымъ праздникомъ для алеутовъ, Пасхою, потому что только въ это время они могли послушать слова и пріобщиться св. Таинъ; куда бы я ни пріѣхалъ и въ какое время дня или ночи, но лишь только разносилась вѣсть, что пріѣхалъ *отецъ (адакъ)*, тотчасъ всѣ и каждый, кто только можетъ ходить, выходили ко мнѣ на встрѣчу къ самой пристани (т. е на берегъ моря, гдѣ обыкновенно пристаютъ байдарки); всѣ и каждый привѣтствовали меня съ истиннымъ радушіемъ и видимымъ удовольствіемъ, написаннымъ на лицахъ ихъ; даже нерѣдко больныхъ приносили ко мнѣ для того, чтобы видѣться со мною и принять благословеніе. Обязанности свои въ отношеніи къ Церкви алеуты исполняютъ примѣрно: соблюдать посты перемѣной одной пищи на другую они не могутъ, потому что пища ихъ зависитъ отъ моря и почти всегда одинакова; и они, надѣясь на него, запасовъ дѣлаютъ очень немного; а потому, когда они хотятъ поститься, т. е. во время говѣнія или въ послѣдніе дни страстной седмицы, то постятся въ полномъ значеніи сего слова. Говѣютъ всегда и всѣ, такъ что во все время пребыванія моего у нихъ почти не было ни одного изъ нихъ такого, который-бы не былъ у исповѣди и Св. Причастія за лѣностію и нерачешіемъ; и все это они дѣлаютъ совершенно безъ всякаго наряда и принужденія. Во время говѣнія не ищутъ случая или начать ходить въ церковь *около среды*, или приходить въ церковь не къ началу службы; но всегда начинаютъ какъ можно ранѣе (т. е. съ субботы), и лишь только въ колоколъ — они тотчасъ уже всѣ въ церкви. Въ церкви и на

молитвѣ они стоятъ удивительно *твердо*. Во время продолженія службы, хотя-бы то было и 4 часа, какъ напр., въ первые дни страстной недѣли, всякій изъ нихъ, и даже самые дѣти, стоятъ, не переступая съ ноги на ногу, такъ-что, по выходѣ ихъ изъ церкви, можно даже перечесть, сколько ихъ было, смотря на ихъ мѣста, гдѣ они стояли. Во время служенія или чтенія, которое изъ нихъ очень немногіе понимаютъ, они ни по какимъ причинамъ не оглянутся ни назадъ, ни на стороны, и всегда смотрятъ на образъ, или къ небу, или на иконы. Такое твердое стояніе въ церкви тѣмъ болѣе стоитъ похвалы, что они, многое перенимая отъ русскихъ и худого, и добраго, отнюдь не хотятъ перенять отъ нихъ этой, иногда слишкомъ неумѣренной, движимости. Не скажу—очень многіе, но нѣкоторые изъ алеутовъ молятся и умѣютъ молиться; я разумѣю не то, что они умѣютъ дѣлать крестное знаменіе, и кланяться, и говорить какую-нибудь молитву; нѣтъ! нѣкоторые изъ нихъ умѣютъ молиться отъ души и не выказывая себя при людяхъ или въ церкви, но часто *вшедъ въ клеть свою и затворивъ двери*. Это я особенно замѣтилъ въ церкви, гдѣ, какъ сказано, молящійся внутренно отнюдь не съ тѣмъ молится, чтобы на него смотрѣли, потому что на него никто и не взглянетъ. Прекрасное, высоко-благоговѣйное отношеніе къ церкви Божіей и служителямъ ея, какое такъ отрадно было-бы видѣть и не въ алеутахъ!“ Конечно, одна скромность мѣшала о. Іоанну Веніаминову высказать, что лично онъ во многомъ былъ благодатнымъ строителемъ невидимаго храма Бога живаго, воздвигнутаго въ сердцахъ новообращенныхъ. Но несомнѣнно и то, что первоначальными благовѣстниками заложено было незыблемое основаніе для этого чуднаго зданія, — твердое и несокрушимое, какъ

гранитныя скалы дивныхъ пустынь Валаама. Зданіе строилось не на пескѣ.

Цитированный нами авторъ имѣетъ въ виду собственно обитателей Алеутскихъ острововъ. Подобное-же, — только кратко и въ общихъ чертахъ,—разсказываютъ о жителяхъ Кадьяка о. Германъ и архимандритъ Іоасафъ. Хотя, между прочимъ, мы уже говорили объ этомъ, но не полѣнимся повторить. Отецъ Германъ: „Американцы къ крещенію идутъ весьма охотно; крестилось безъ мала тысячъ семь". Архимандритъ Іоасафъ: „1794 года, сентября съ 24, живу на островѣ Кадьякѣ. Слава Богу, болѣе 7,000 американцевъ перекрестилъ, да болѣе 2,000 браковъ обвѣнчалъ; состроили церковь, а время позволитъ—сдѣлаемъ другую, да походныхъ двѣ, а то и пятую нужно сдѣлать. Живемъ хорошо; они насъ любятъ, а мы ихъ; народъ добрый, но бѣдный. На Кадьякѣ такъ усердно пріемлютъ крещеніе, что всѣ свои шаманскіе наряды изломали и сожгли. То креститься приходятъ, то вѣнчаться, кто—поучаться закону. Время не достаетъ; а никого опечалить и оскорбить отказомъ не хочется". Это писано въ маѣ 1795 года, когда со времени прибытія миссіонеровъ на Кадьякъ прошло *не болѣе восьми мѣсяцевъ*.

Не смотря на весьма ограниченное число миссіонеровъ, великое дѣло распространенія вѣры Христовой среди всѣхъ вообще нашихъ американцевъ, при помощи Божіей, шло прекрасно, съ рѣдкимъ успѣхомъ. Благопріятныя для этого условія заключались, какъ мы видѣли, въ добрыхъ душевныхъ качествахъ новообращаемыхъ и въ благочестивой ревности благовѣстниковъ Слова, соединенной съ христіанскою любовію.

Но были и условія совсѣмъ иного, противоположнаго

характера,—такія условія, которыя невольно отталкивали американцевъ отъ русскихъ, при всемъ добродушіи и благодушіи первыхъ, тягостно отзывались и на туземцахъ, и лично на миссіонерахъ, и тормазили благотворную дѣятельность послѣднихъ. Къ прискорбію, надо сознаться, что эти неблагопріятныя условія исходили отъ нѣкоторыхъ русскихъ, и въ значительной мѣрѣ — отъ лицъ, облеченныхъ властію. Высшее правительство, безспорно, имѣло самыя благія намѣренія въ отношеніи новопріобрѣтеннаго края; но оно было отъ него за нѣсколько тысячъ верстъ.—„До прибытія русскихъ,—пишетъ о. Іоаннъ Веніаминовъ,—на Уналашкѣ было 24 селенія, очень многолюдныхъ; но съ прибытіемъ русскихъ число островитянъ стало уменьшаться. Причины уменьшенія, по мнѣнію алеутовъ, были слѣдующія: *междоусобія, русскіе и повѣтрія*. Бывшія междоусобія до прибытія русскихъ подъ конецъ такъ были жестоки, что за жизнь одного истребляли цѣлое селеніе; но самое большое уменьшеніе народонаселенія алеуты приписываютъ русскимъ—отъ ихъ насилій и притѣсненій въ промыслахъ, и особенно одному изъ промышленниковъ, *Соловью*, или *Соловьеву* (въ 1763 г.). Онъ и его клевреты, въ теченіи двухъ лѣтъ, многихъ лишили жизни“. И такъ, простодушные алеуты дѣйствія *русскихъ* приравнивали къ пагубному дѣйствію *повѣтріи*. Печально, но едва ли не вѣрно; ибо далеко не всѣ русскіе были одушевлены такими благородными цѣлями, какъ, напр., Шелеховъ и ему подобные. Какъ почти и всегда бываетъ, за людьми вполнѣ порядочными направились въ новооткрытый край искатели легкой наживы, подонки и отщепенцы общества, у которыхъ въ *душѣ*, какъ говорится, нѣтъ ничего святого, и въ глазахъ которыхъ достиженіе ихъ

низкихъ цѣлей оправдываетъ всякія, еще болѣе низкія средства. Высшее правительство было слишкомъ далеко. Мѣстныя же власти, не исключая и высшихъ, къ сожалѣнію, нерѣдко и сами были не свободны отъ упрека въ грубомъ, эгоистическомъ произволѣ, прибытка ради, или изъ воображаемой опасности потерять неправедный прибытокъ. А какого зла не въ состояніи надѣлать ненасытимый произволъ личныхъ похотѣній, облеченный, притомъ, властію! Поступать во всемъ согласно съ гуманными видами правительства и содѣйствовать миссіонерамъ, которые затѣмъ и прибыли, чтобы насаждать ученіе любви и мира,—значило бы служить *Богу;* нѣкоторые же (не говоримъ—всѣ) представители мѣстной власти хотѣли служить и служили *мамонѣ*. Но вѣдь самъ Христосъ сказалъ: „*Никтоже можетъ двѣма господинома работати: любо единаго возлюбитъ, а другаго возненавидитъ: или единаго держится, о друзѣмъ же нерадити начнетъ: не можете Богу работати и мамонѣ*" (Ев. Матѳ., VI, 24). Въ этомъ коренится непрестанная, повсюдная борьба двухъ началъ: правды и неправды—свѣта и тьмы. Уже вскорѣ по прибытіи миссіи въ Америку, въ 1795 году, архимандритъ Іоасафъ „*посылалъ письма въ Россію къ компаньонамъ о разныхъ неустройствахъ*". Главнымъ правителемъ въ нашей Америкѣ былъ въ то время Александръ Андреевичъ Барановъ, по отзыву отца Германа—„человѣкъ богатый, а къ тому-жъ гордый, весьма роскошный". Онъ былъ вызванъ въ Америку еще Шелеховымъ, для управленія всѣми дѣлами компаніи *Шелехова и Голиковыхъ;* это было въ 1790 году. Когда же, въ 1798—1799 гг., изъ названной образовалась *Россійско-Американская Компанія*, съ обширнѣйшими полномочіями и привиллегіями,

которой было предоставлено распоряженіе всѣмъ краемъ и его обитателями, то главное мѣстное управленіе всѣми дѣлами и этой послѣдней Компаніи было ввѣрено тому же А. А. Баранову. Обязанности эти лежали на немъ безсмѣнно вплоть до 1818 года, когда его замѣнилъ Семенъ Ивановичъ Яновскій; и, слѣдовательно, *во все это время (до 1818 г.) Барановъ фактически былъ полнымъ властителемъ края во всѣхъ отношеніяхъ.* Человѣкъ съ обширнымъ природнымъ умомъ, съ рѣдкими способностями и твердымъ характеромъ, предпріимчивый, энергичный, настойчивый въ достиженіи разъ намѣченной цѣли,—Александръ Андреевичъ Барановъ происходилъ изъ купцовъ города Каргополя. Сначала онъ производилъ торговыя дѣла въ Москвѣ и С.-Петербургѣ; потомъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ—въ Сибири; наконецъ — переселился въ Америку. И здѣсь обширная дѣятельность его, во многихъ отношеніяхъ, заслуживаетъ полную похвалу и достойна уваженія: недаромъ и Шелеховъ такъ высоко цѣнилъ его. Не будемъ и мы утверждать, что Барановъ былъ человѣкъ безсердечный. Но его богатой натурѣ не доставало гуманитарнаго воспитанія; а главное — его душа не довольно была проникнута христіанскими началами. При отсутствіи истиннаго просвѣщенія, человѣкъ весьма склоненъ лично себѣ приписывать всѣ жизненныя удачи и презрительно, свысока относиться къ другимъ; богатство создаетъ поклоненіе толпы; послѣднее льститъ себялюбивому тщеславію; отсюда—усиленное стремленіе къ богатству; изъ фальшиваго сознанія собственнаго превосходства у людей малопросвѣщенныхъ рождается гордость; власть нерѣдко обращается у нихъ въ дикій произволъ. Нашъ простой народъ мѣтко характеризуетъ такихъ людей сло-

вомъ *„необузданный“*, и у него понятіе *„необузданный“* противуполагается именно понятію *„просвѣщенный“*. Такимъ *„необузданнымъ“* человѣкомъ былъ, во многихъ отношеніяхъ, и Барановъ, отъ котораго зависѣло *все* въ нашихъ американскихъ владѣніяхъ въ теченіи весьма долгаго времени. Будемъ думать, что лично онъ не имѣлъ надобности въ неправедныхъ стяжаніяхъ; но это не мѣшало ему давить и тѣснить туземцевъ, пить кровь бѣднаго, угнетеннаго народа и позволять дѣлать то же своимъ подчиненнымъ. Ниже мы докажемъ, что правительство желало и требовало совершенно противоположнаго; да иначе и быть не могло. Кромѣ Баранова, была масса второстепенныхъ, третьестепенныхъ, и такъ далѣе, служащихъ, отъ него зависѣвшихъ. Подобные Баранову люди, въ значительной мѣрѣ склонные къ кулачеству, малопросвѣщенные, тщеславные и необузданные, спеціалисты по части рѣшительныхъ административныхъ воздѣйствій, при выборѣ подчиненныхъ преимущественно цѣнятъ особаго рода расторопность и ловкость, никогда и нигдѣ не желательную, всегда и вездѣ вредную; за быструю исполнительность, соединенную съ подобострастнымъ почитаніемъ къ нимъ, они готовы смотрѣть сквозь пальцы на всѣ пороки, на всѣ притѣсненія слабымъ со стороны своихъ своеобразно ловкихъ клевретовъ. Разъ посѣянное, зло глубоко и надолго пускаетъ свои ядовитые корни. Не даромъ и въ словахъ смиреннаго о. Германа, когда онъ говоритъ о положеніи американцевъ, неизмѣнно звучитъ скорбная нота: „Отрите слезы беззащитныхъ сиротъ; прохладите жаромъ печали тающія сердца; дайте разумѣть, что значитъ отрада. Тонкостію вашего разума и проницательнымъ вниманіемъ сами можете *пространство и обширность народныхъ горестей*

сыскать". Такъ писалъ онъ С. И. Яновскому въ 1818 году, вскорѣ по вступленіи послѣдняго въ должность главнаго правителя Россійско-Американскихъ колоній. Какъ человѣкъ просвѣщенный, гуманный и притомъ лично питавшій чувство глубокаго уваженія и признательности къ *святому старцу*, г. Яновскій, вѣроятно, не оставлялъ безъ вниманія слова и просьбы о. Германа. Но г. Яновскій слишкомъ скоро оставилъ свой постъ; и вотъ что писалъ о. Германъ къ нему, уже въ Петербургъ, отъ 10 августа 1821 года: „О состояніи нашей Америки много говорить не могу: *народныхъ печалей міра перевѣсъ имѣетъ довольный; а что далѣе Творецъ изволитъ устроить — неизвѣстно*". Единственное упованіе только на Бога. Никакой надежды на справедливость и доброе расположеніе людей, въ рукахъ которыхъ находилась мѣстная власть, и которые могли-бы уменьшить „*народныя печали*". Отецъ Германъ не имѣлъ нужды приводить факты, между прочимъ—и потому, что г. Яновскій самъ лично и непосредственно былъ знакомъ съ обстоятельствами. Да и неудобно было писать слишкомъ явно, особенно съ указаніемъ на лица: о. Германъ и безъ того былъ оклеветанъ передъ тѣмъ-же С. И. Яновскимъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ возмущеніи народа противъ мѣстныхъ властей; письма-же его легко могли быть перехвачены, а это могло только принести вредъ ихъ автору, безъ пользы, а быть можетъ — тоже со вредомъ и для другихъ. О. Герману и безъ того приходилось терпѣть слишкомъ много.

Десять лѣтъ спустя по прибытіи въ Америку нашихъ миссіонеровъ, пріѣхалъ на Кадьякъ, также—для проповѣди слова Божія и просвѣщенія американцевъ, соборный іеромонахъ Александро-Невской лавры Гедеонъ. Его

дѣятельность, — каковы-бы ни были ея размѣры, — по времени и по мѣсту слѣдуетъ отнести къ дѣйствіямъ *Кадьякской миссіи*. Всѣ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о немъ, намъ даетъ только его рукопись. Изъ нея видимъ, что авторъ былъ человѣкъ просвѣщенный въ лучшемъ смыслѣ слова: истинный христіанинъ въ душѣ, онъ обладалъ хорошимъ образованіемъ, не исключая знанія иностранныхъ языковъ; благодаря христіанскому духу въ соединеніи съ образованнымъ умомъ, взгляды его правильны и гуманны, человѣчны. Уполномоченный отъ Святѣйшаго Сѵнода, очевидно близкій къ митрополиту Амвросію, — іером. Гедеонъ и въ Америкѣ пользовался сравнительно независимымъ положеніемъ. Какъ въ независимомъ положеніи іером. Гедеона, такъ и въ томъ обстоятельствѣ, что всѣ существенно-важныя письма его были адресованы либо къ митр. Амвросію, либо къ Николаю Петровичу Резанову, который былъ въ то время командированъ отъ правительства для обревизованія и устройства нашихъ американскихъ дѣлъ, мы находимъ причины съ совершеннымъ довѣріемъ относиться къ тому, что сообщаетъ авторъ; письма могли имѣть серьезное значеніе, и онъ не могъ дѣлать сообщенія свои безъ должной провѣрки.

Вотъ какіе факты изъ отношеній компанейскихъ властей къ американцамъ находимъ въ рукописи іеромон. Гедеона: „1801 года Компанія выгоняла алеутъ въ Ситкинскую партію для боброваго промысла слѣдующимъ образомъ. Надѣлавъ прежде колодокъ на ноги и накладныхъ рогатокъ на шею, изготовя для молодыхъ розги, для тридцатилѣтнихъ линки, а для стариковъ палки, отправлена была байдара съ пушкою и ружьями. На западномъ мысѣ Кадьяка, по выходѣ на берегъ, промыш-

лепные русскіе стали во фрунтъ съ заряженными ружьями, говоря: „Ну, если не ѣдете въ партію, сказывайте! (Взводя курки): стрѣлять станемъ“. При таковомъ страхѣ, кто можетъ обнаружить свое неудовольствіе? По приходѣ къ острову Ситхинаку, выпалили изъ пушки и, стоя съ заряженными ружьями, расклали подлѣ жилъ розги, липки, палки, колодки и рогадки, говоря: „Кто не хочетъ ѣхать въ партію, тотъ пусть себѣ избираетъ любое“. Въ сіе время нѣкто началъ отговариваться; вдругъ его схватили, обложили желѣзными кандалами, сѣкли до тѣхъ поръ, пока захрипѣлъ и едва могъ сказать *ѣду*“. — „Того-жъ года въ первыхъ числахъ мая, одинъ изъ стариковъ, собранныхъ для птичьей партіи, высланъ былъ такой, который, не могши доползти до ночлега, па сто сажень разстояніемъ, ночевалъ съ женою на берегу. Поутру позванъ или, лучше сказать, отнесенъ, для освидѣтельствованія болѣзни, въ правительскій домъ, гдѣ ему сказано: „хотя-де ты ходить не можешь, но можешь тамъ караулить, чтобъ собаки байдару не съѣли“. — „1800 г., въ партіи на Тугидокѣ, во время сильной погоды, отъ промышленнаго Лопатина были высланы въ море, не смотря на ихъ просьбы,—и потонуло 32 байдарки, т. е. 64 человѣка“.—„1805 года въ птичью партію Убагуитскій житель выслапъ былъ очень больной, о которомъ просилъ я правительскаго помощника г. Баннера слѣдующимъ письмомъ: „Милостивый Государь, Иванъ Ивановичъ! Острова Ситхинака, жила Убагуика, Николай Чунагинакъ, кривой, боленъ опасно горломъ, отъ котораго провалилась рана уже на затылкѣ, нижняя губа отгнила, еще раны на ногахъ, въ груди хрипъ, и потому говоритъ нѣмо. Посудите сами, Милостивый Государь, какой онъ ловецъ въ столь жалкомъ положеніи, и какую онъ

принесетъ прибыль Компаніи? Сжальтесь, пожалуйте, надъ симъ разслабленнымъ,—прикажите лучше отослать его въ цѣлительную купель, т. е. кажимъ. Онъ человѣкъ молодой: по излеченіи будетъ компаніи полезенъ; а вы таковымъ сострадательнымъ поступкомъ сдѣлаете честь человѣчеству и меня чувствительно одолжите, не презрѣвъ моего прошенія. Твердо уповая на великодушіе ваше, я съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ имѣю честь быть, и проч."—Къ сожалѣнію, мы не знаемъ была ли исполнена эта во всѣхъ отношеніяхъ основательная и убѣдительная просьба. Но несомнѣнно, что компанейскія власти съ варварскимъ безчеловѣчіемъ обращались съ тѣмъ самымъ народомъ, трудомъ котораго существовали, и готовы были стереть съ лица земли миссіонеровъ за то, что послѣдніе, по долгу и чувству любви христіанской, осмѣливались заступаться за угнетаемыхъ.— „По причинѣ отяготительныхъ компанейскихъ работъ, алеуты по всѣмъ жиламъ (т. е. жилищамъ, поселкамъ) въ зимнее время претерпѣваютъ великій голодъ: съѣдаютъ нерпячьи пузыри, въ коихъ хранятъ жиръ и кислую икру красной рыбы, лавтаки, мауты и прочія, изъ жилъ сдѣланныя, вещи, за неимѣніемъ ракушекъ и морской капусты, когда лайда покроется льдомъ. Сострадательный человѣкъ едва можетъ удержаться отъ слезъ, увидѣвъ въ таковомъ положеніи сихъ несчастныхъ, кои болѣе походятъ на мертвецовъ, нежели на живыхъ людей. По отъѣздѣ мужей въ партію, жены съ малолѣтними дѣтьми, дряхлыми стариками и старухами,—какъ за неимѣніе байдарокъ, такъ и за наложенными отъ Компаніи на лѣто оброками, относительно чистки рыбы, копанія сараны и собиранія ягодъ,—не могутъ и не имѣютъ времени запасти для себя нужнаго на зиму корма, и потому часто

случается, что многіе умираютъ отъ голода. Все сіе не есть ли отяготительнѣе и раззорительнѣе ясака, который съ 1794 года не собирается? И есть ли знакъ ласковаго и дружескаго обращенія? Слова *ласковое и дружеское обращеніе* всегда занимаютъ первое мѣсто на губахъ и на бумагахъ Компаніи, а не на самомъ дѣлѣ".— Вотъ что писалъ іером. Гедеонъ въ *секретномъ* письмѣ митрополиту Амвросію, отъ 2 іюня 1805 года: „Послѣ достовѣрнаго извѣстія о несчастномъ разбитіи компанейскаго судна *Феникса*, на коемъ отправился изъ Охотска преосвященный епископъ Кадьякскій Іоасафъ, происходило съ оставшимся здѣсь духовенствомъ слѣдующее: кромѣ внушенія алеутамъ многихъ укоризненныхъ нелѣпостей, кои только могли быть выдуманы со стороны Компаніи къ посрамленію чести духовныхъ, изъ зависти, по причинѣ великой любви младенчествующаго народа къ своимъ просвѣтителямъ, правитель Барановъ, проразумѣвая изъ того умаленіе своей власти надъ изнуренными отъ разныхъ работъ и налоговъ компанейскихъ американцами,—1800 года, іюля 14 дня, присланнымъ къ эконому духовной миссіи, монаху Герману, письмомъ — запрещалъ духовнымъ имѣть обращеніе съ американцами и велѣлъ отгонять всѣхъ тѣхъ, кои, по долгу проповѣдниковъ, приласканы были". — Характерное *запрещеніе* со стороны тѣхъ, которые (о долгѣ христіанскомъ мы уже не говоримъ, беремъ только исполненіе воли высшаго правительства) обязаны были всѣми мѣрами *содѣйствовать* распространенію и укрѣпленію православной вѣры и просвѣщенія среди американцевъ! — Но высшее правительство было далеко, и самовластіе *необузданныхъ* людей не хотѣло знать никакихъ границъ: „Въ силу Высочайшаго манифеста, въ 1796-мъ году со-

стоявшагося, народъ кадьякскій, за дальними отъ Компаніи посылками и за другими ея недосугами, еще не былъ приведенъ къ присягѣ въ вѣрности къ Россійскому Престолу. Для того, іеромонахъ Аѳанасій 1801 года, генваря 1 дня, просилъ на то позволенія у Баранова,— за что самое іеромонахъ оный былъ обруганъ и выгнатъ вонъ, съ запрещеніемъ, чтобъ и впредь не ходилъ.— Потомъ собралось съ нѣкоторыхъ жилъ, со своими таіонами (начальниками изъ туземцевъ). человѣкъ до двадцати, просить Баранова, дабы онъ ихъ освободилъ отъ дальнихъ разъѣздовъ Ситхинской партіи, обѣщаясь производить промыслы около своихъ жилъ (поселеній); но были прогнаны, при жестокихъ угрозахъ; да и приказано быть всѣмъ готовымъ на весну въ походъ, — чѣмъ они безмѣрно огорчась, съ отчаяніемъ осмѣлились объявить духовной миссіи, что они въ партію ѣхать не хотятъ потому, что у нихъ тамъ многіе родственники померли, и иныя жила опустѣли; а если Барановъ будетъ за то ихъ убивать, то они привезли съ собою по новой паркѣ (одежда туземцевъ), прося духовныхъ, чтобъ они въ сихъ новыхъ паркахъ послѣ похоронили и были свидѣтелями тому невинному убійству. Что видя, духовные, и при собраніи гг. офицеровъ, штурмана Талина и переводчика духовной миссіи Прянишникова со ужасомъ то слушая, старались уговаривать ихъ въ великодушномъ перенесеніи всѣхъ тягостныхъ приключеній, увѣряли, притомъ, Высоко-Монаршими милостями и, едва утишивши, предложили о присягѣ въ вѣрности Государю,—на что они охотно согласились и обѣщались во всемъ слушаться. Посему, они, при сопровожденіи тѣми офицерами въ церковь, были къ присягѣ іеромонахомъ Аѳанасіемъ приведены.—По выходѣ изъ церкви, когда

начали только садиться въ свои байдарки, помощникъ правителя Баранова, Кусковъ, съ своими промышленными, схватя одного изъ нихъ, знатнаго таіона, отвелъ въ компанейскую казарму и, оковавъ желѣзами, посадилъ въ темный чуланъ, гдѣ не только окна, но скважины были забиты; да и за другими ѣздили съ ружьями въ погоню на байдарѣ, но никого не поймали.—Послѣ сего происшествія, Барановъ хотѣлъ, такъ же схватя, посадить другого таіона, крестника архіерейскаго, который, по дружбѣ, пріѣхалъ къ духовнымъ. Что самое примѣтя, думали они проводить его ночью. Но, опасаясь, сперва іеромонахъ Аѳанасій велѣлъ вынести свою байдарку, самъ пошелъ къ оной и хотѣлъ только проѣхать нѣкоторое разстояніе; вдругъ промышленные, по приказанію правителя Баранова остановивъ байдарку, схватили іеромонаха; самъ же Барановъ, въ самой великой запальчивости, началъ ругать, называя его бѣглымъ господскимъ человѣкомъ, а духовныхъ всѣхъ и двухъ вышеупомянутыхъ офицеровъ — бунтовщиками. При такомъ непріятномъ происшествіи, монахъ Германъ просилъ Баранова объявить порядочно, безъ всякихъ ругательствъ, причину своего неудовольствія; правитель же, съ крикомъ, говорилъ: „вотъ! вы нашли какую-то присягу, развратили всѣхъ американцевъ!“; смиренный старецъ отвѣтствовалъ: „Высочайшій манифестъ публикованъ всѣмъ, и что если незаконно духовною миссіею сдѣлано, то лучше бы представить въ правительство, гдѣ все законно могло быть разсмотрѣно“; но Барановъ, не внимая сему, кричалъ: „какой вамъ манифестъ? какой вамъ судъ?“ и, въ самомъ пылкомъ жару гнѣва, разнообразно грозилъ: то, сковавши, выслать на Уналашку, то домъ ихъ загородить и забить, чтобъ ни-

кто къ нимъ не ходилъ, да и они никуда бъ выдти не могли; почему тогда въ великомъ находились страхѣ и только ожидали, что промышленные, по приказанію Баранова, или потащутъ куда, или начнутъ бить, и едва осмѣлились съ берега идти въ свой домъ, около коего потомъ немалое время видали промышленныхъ съ ружьями; по таковой причинѣ не смѣли свободно выходить даже въ церковь, а въ домѣ отправляли всѣ церковныя службы болѣе года. — Когда-жъ наставало время собираться въ партію для промысла бобровъ, тогда Кусковъ вооружилъ байдару не только ружьями, но и пушкою, ѣздилъ на жила къ тѣмъ, кои были приведены къ присягѣ; а для большей славы приказано было партовщику Кондакову ѣхать впереди, который, подъѣзжая къ жиламъ съ непристойнымъ ругательствомъ и разными насмѣшками въ укоризну духовныхъ, громогласно кричалъ: „Встрѣчайте, попы ѣдутъ, да Осипъ (такъ называли переводчика), приводить васъ къ присягѣ!“ И когда на берегъ отъ байдары выносили руль, въ то время кричали всѣ: „вотъ вамъ крестъ!—прикладывайтесь!“—Да и какія дѣлали островитянамъ озлобленія, насилія и безчинства, о томъ стыдно и упоминать.—Барановъ наложилъ злодѣянію сему личину, что будто американцы, по наученію духовныхъ и вышеупомянутыхъ офицеровъ, взбунтовались и хотѣли всѣхъ побить русскихъ; чего будто бы опасаясь, въ томъ своемъ походѣ Кусковъ набралъ аманатовъ. Послѣ сего Барановъ всѣми мѣрами старался притѣснять духовныхъ, какъ въ заготовленіи кормовыхъ припасовъ, такъ и въ другихъ, для жизни потребныхъ, вещахъ.—1802 года, на Святую Пасху, присланный отъ Баранова пьяный промышленный Черновъ съ великою грубостію приказывалъ, именемъ Ба-

ранова, іеродіакону Нектарію отпереть колокольню. Іеродіаконъ не хотѣлъ имъ отдать ключа, потому-что церковь однимъ замкомъ заперта, да и колоколъ большой разбитъ, то вышеупомянутый промышленный съ азартомъ грозилъ вытащить его насильно или выломать у колокольни окна. Между тѣмъ, переводчикъ Прянишниковъ, по болѣзни своей, просилъ запискою іеромонаха и іеродіакона освятить домъ его святымъ крестомъ. Когда они лишь только пришли, то вдругъ прибѣжалъ Барановъ съ своими промышленными, въ самомъ сильномъ жару гнѣва срамно кричалъ, ругалъ, грозилъ іеромонаха, посадя въ байдарку, отправить въ неизвѣстное мѣсто; іеродіакона, съ великимъ азартомъ схватя за грудь, хотѣлъ повѣсить на колокольнѣ, — чего онъ устрашась принужденъ былъ отдать церковный ключъ.—При всѣхъ таковыхъ дерзостяхъ, промышленные, въ надеждѣ на своего правителя, говаривали: „до Бога высоко, а до Царя далеко; только-бъ былъ здоровъ нашъ начальникъ!“ — По вышеписаннымъ всѣмъ обстоятельствамъ, уже какъ американцы не смѣли явно ходить къ духовнымъ, такъ и духовные опасались имѣть съ ними по должности своей обращеніе, въ коемъ они находили удобный случай внушать имъ христіанское ученіе; успѣхъ духовной миссіи не соотвѣтствуетъ предполагаемому чаянію, ибо земляки наши, обязавшіеся служить въ Компаніи, по большой части, самыхъ испорченныхъ нравовъ, какъ самъ здѣшній правитель безпрестанно въ разговорахъ аттестуетъ ихъ народомъ „*съ Камы, да съ Волги*“; а американцы отягчены безпрерывными работами и такъ раздражены, что вездѣ, гдѣ только начинаютъ заводить заселеніе, (русскіе) навлекаютъ на себя ненависть. Даже въ отдаленныхъ окрестныхъ народахъ имя *русскихъ* сдѣлалось не-

навистнымъ. Женщины еще во утробѣ, а иногда и послѣ, убиваютъ младенцевъ для того, чтобы избавить ихъ отъ мученія Компаніи. Текущаго года зимою на жилахъ острова Шалитока матери отъ 8-ми до 10-ти лѣтъ ребятъ нарочито не стали кормить и голодомъ уморили пятерыхъ, въ томъ намѣреніи, чтобъ не были работники русскимъ".—Мы представляемъ только самую суть удручающей душу картины, не измѣняя красокъ; а желающихъ подробно ознакомиться съ ея темнымъ, мрачнымъ фономъ и всѣми деталями, отсылаемъ къ рукописи.

Воистину неизмѣримо долготерпѣніе Создателя къ нарушителямъ Его святого закона! И не единый-ли Богъ, всесильною благодатію Своею, поддерживалъ и укрѣплялъ и миссіонеровъ на ихъ многотрудномъ, тернистомъ пути, и несчастныхъ американцевъ въ ихъ тяжкой долѣ! По обычному, человѣческому разсужденію, оставшіеся въ живыхъ миссіонеры могли позавидовать участи умершихъ—убитому дикарями іером. Ювеналію и утонувшимъ на суднѣ *Фениксъ*—епископу Іоасафу, іером. Макарію и іерод. Стефану. Но Спаситель сказалъ: *„Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и иждепутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа не небесѣхъ"* (Ев. Матѳ., V, 11—12). Лишь при чудномъ содѣйствіи истинно-христіанскаго терпѣнія, воодушевленные всесильнымъ чувствомъ любви къ Богу и любви къ ближнему, миссіонеры могли, не взирая на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, исполнять, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ, свое высокое назначеніе—поддерживать въ новообращенномъ народѣ свѣтъ вѣры Христовой чрезъ богослуженіе и св. таинства, своимъ духовнымъ наставленіемъ и утѣшеніемъ укрѣплять народъ къ перенесенію всѣхъ скорбей и напастей въ не-

преложной надеждѣ на обѣтованныя Спасителемъ воздаянія въ жизни вѣчной. Такъ они и поступали. А еслибы не такъ — быть можетъ, и на Кадьякѣ выведенными изъ терпѣнія туземцами было-бы оказано такое-же жестокое противодѣйствіе компанейскимъ властямъ и наемникамъ, какое Барановъ съ своими клевретами встрѣтилъ отъ *колошъ*; между тѣмъ, впослѣдствіи, при болѣе гуманномъ обращеніи, тѣ же *дикіе колоши*,—по свидѣтельству о. Іоанна Веніаминова, —оказались людьми добрыми, мягкими, вполнѣ способными къ воспріятію христіанства.

При отъѣздѣ своемъ въ Иркутскъ, архимандритъ Іоасафъ оставилъ на Кадьякѣ четырехъ миссіонеровъ, которыхъ нашелъ тамъ и іером. Гедеонъ: „При священнослуженіи—іеромонахъ Аѳанасій, ризничимъ—іеродіаконъ Нектарій, при экономической должности—монахи Германъ и Іоасафъ". Всѣ они, по свидѣтельству іером. Гедеона, были — „люди, соотвѣтствующіе своему званію; всѣ они, по мѣрѣ силъ своихъ, старались о ученіи здѣшняго народа".

Съ самаго пріѣзда на Кадьякъ миссіонеры жили въ селеніи у Павловской гавани. Тамъ, немедленно по прибытіи миссіи, была, какъ мы знаемъ, построена церковь во имя Воскресенія Христова, деревянная, пришедшая въ ветхость уже ко времени прибытія на Кадьякъ іером. Гедеона, т. е. въ короткій промежутокъ десяти лѣтъ. О постройкѣ церкви писали миссіонеры въ самыхъ первыхъ своихъ сообщеніяхъ игумену Назарію; а удобства собственной жизни ихъ, очевидно, занимали слишкомъ мало. Дожившіе до пріѣзда въ Америку іером. Гедеона четыре вышеупомянутыхъ миссіонера помѣщались тамъ же, въ Павловской гавани, въ одномъ домѣ, данномъ отъ Компа-

ніи. въ тѣсномъ мѣстѣ, между домомъ правительскимъ и общею компанейскою банею; домъ былъ ветхій. Въ то время въ Павловской гавани было не мало разныхъ жилыхъ и хозяйственныхъ зданій, сгруппированныхъ около церкви и составлявшихъ цѣлое небольшое селеніе; всѣ зданія были деревянныя: правительскіе дома, контора, казармы для промышленныхъ, магазинъ для пушныхъ товаровъ, лавки съ погребами, гостиные покои, сараи, кузница съ слесарнею и т. п. На приложенномъ нами рисункѣ (II) С. И. Яновскаго, относящемся къ 1817—1819 гг., изображены та же церковь съ колокольнею и, вѣроятно, тѣ же или приблизительно тѣ же постройки, какія были и въ 1805 году, при іеромонахѣ Гедеонѣ. Одинъ изъ домовъ, представленныхъ на этомъ рисункѣ, служилъ помѣщеніемъ для духовной миссіи. Не важно, который именно домъ. Но рисунокъ мы приложили недаромъ. Въ этомъ ветхомъ храмѣ, съ протекавшею отъ дождя крышею, совершалось великое дѣло просвѣщенія народа свѣтомъ вѣры истинной; сюда угнетенный народъ приносилъ тяжкое бремя своей душевной тоски,—и уходилъ облегченный словомъ христіанскаго утѣшенія.

По буквѣ, миссія должна была, со времени учрежденія Россійско-Американской Компаніи, содержаться на счетъ послѣдней; отчасти оно такъ и было; но, какъ мы уже знаемъ, Барановъ всячески старался тѣснить миссіонеровъ, и вотъ что сообщаетъ іером. Гедеонъ: „Пропитаніе имѣютъ, по большей части, отъ своихъ трудовъ; кромѣ обработыванія огородовъ, собираютъ разныя ягоды и грибы, ловятъ рыбу. Всѣ таковые труды производятъ съ помощію приласканныхъ американцевъ, коихъ Компанія старалась всѣми силами отогнать“. Конечно привыкшему къ постоянному и разнообразному труду Валам-

скому монаху и тяжело было бы остаться безъ труда,— разъ находилась для того свободная минута; притомъ двое изъ членовъ миссіи (монахи Германъ и Іоасафъ) долгое время состояли собственно „при экономической части". Хозяйственная дѣятельность нашихъ миссіонеровъ началась немедленно по прибытіи въ Америку. Уже въ маѣ 1795 года о. Германъ писалъ иг. Назарію: „Хотя у насъ хлѣбомъ и бѣдно, а можетъ быть и хлѣбъ бы сталъ родиться, еслибъ стараніе приложить: можно сыскать способныя мѣста; но у насъ нынѣ управитель въ компаніи Барановъ, человѣкъ богатый, а къ тому-жъ гордый, весьма роскошный и нимало о такихъ вещахъ не старается. У насъ родится рѣпа, картофель и всѣ огородныя овощи, а огурцы не пробованы, также и хлѣбъ; но одинъ вояжный посѣялъ ячмень въ одно лѣто фунтъ, а взялъ полтора пуда, а въ другое сѣялъ — не было. Морскіе туманы—и ничего не родилось". Ко времени прибытія на Кадьякъ іеромонаха Гедеона, миссіонеры— „собственными трудами развели огороды, съ коихъ въ въ иной годъ получали до восьмидесяти четвериковъ картофеля; рѣпы и рѣдьки также въ довольномъ количествѣ. Изъ картофеля дѣлали муку; рѣпу: изрубивъ въ мелкія части, квасили, недостатокъ соли пополняя морскою водою, и употребляли чрезъ всю зиму и лѣто вмѣсто капусты. Остающимися избытками своихъ трудовъ вспомоществуя бѣднымъ жителямъ и, по должности проповѣдниковъ, имѣя ласковое обращеніе, впечатлѣли въ умахъ американцевъ доброе о себѣ мнѣніе". Мы не безъ причины остановились и на хозяйственной сторонѣ дѣятельности миссіонеровъ. Пріучить американцевъ къ хозяйству, показать имъ способы воздѣлыванія культурныхъ растеній, которыя, въ случаѣ недостатка рыбы и мяса

морскихъ животныхъ, могли бы избавить жителей отъ періодическихъ голодовокъ,—все это, по здравому смыслу, составляло прямую обязанность компанейскихъ властей; но послѣднія и не думали заботиться объ этомъ, помышляя только о роскоши, щегольствѣ, удовлетвореніи своихъ эгоистическихъ инстинктовъ. Тѣ же миссіонеры учили туземцевъ первымъ началамъ хозяйственной культуры; тѣ же миссіонеры показывали собою примѣръ благородной привычки къ труду; тѣ же миссіонеры дѣлились съ бѣднѣйшими туземцами избытками своего праведнаго труда; такъ-что и тутъ миссіонеры дѣйствовали въ духѣ любви христіанской. Кромѣ того, они не обременяли, или менѣе обременяли, другихъ своимъ содержаніемъ; а это также важно. Не даромъ американцы питали вообще такое сильное расположеніе и уваженіе къ членамъ миссіи.

Собственно миссіонерская, проповѣдническая дѣятельность іеромонаха Гедеона была непродолжительна по времени и не широка по размѣрамъ. 26 іюля 1804 года онъ „отправился съ компанейскимъ переводчикомъ въ двухъ трехлючныхъ байдаркахъ, для проповѣди слова Божія, вокругъ всего Кадьяка, также и на прилежащіе къ нему острова. Бывъ на всѣхъ алеутскихъ жилахъ, старался, по мѣрѣ способности моей, внушать новопросвѣщаемымъ то, что необходимо нужно для вѣры, добродѣтелей гражданскихъ и жизни хозяйственной. Всѣми мѣрами старался вникать въ прежніе ихъ предразсудки, кои непримѣтно раскрывая дружелюбными совѣтами, показывалъ имъ очевидную гнусность и вредъ, отъ вкорененія ихъ происходящія, и такимъ образомъ доводилъ ихъ къ правиламъ истиннаго Богопочитанія. Судя наружно, кажется, слушали меня охотно; случалось не-

рѣдко, что болѣе 8-ми часовъ просиживали, не вставая и не отходя прочь. Вездѣ принимали ласково.—Во все время моего объѣзда, т. е. въ два мѣсяца и пять дней, крестилъ обоего пола 503 души, отъ 1-го до 10-ти лѣтъ; въ томъ же числѣ 22 души сорока-лѣтнихъ; 38 паръ обвѣнчалъ. — Въ прочее время отъ досуговъ своихъ занимался сочиненіемъ и сказываніемъ проповѣдей. Пріуготовилъ учителемъ для кадьякскаго училища іеродіакона Нектарія, который имѣетъ великую охоту и способность къ наукамъ, особенно — къ механикѣ. До пріѣзда моего онъ самъ, безъ руководства другихъ, выучилъ грамматику россійскую; такимъ же образомъ выучился самъ дѣлать и часы стѣнные. Я ему показалъ первоначальныя основанія прочихъ наукъ: ариѳметики, исторіи и географіи; обучается еще и французскому языку". Кромѣ всего прочаго, іеромонахъ Гедеонъ перевелъ на кадьякскій языкъ *Молитву Господню*, которую въ его время пѣли въ церкви и учили въ школѣ. Но всего болѣе просвѣтительные труды его выразились въ устройствѣ училища на Кадьякѣ. Оно было открыто въ 1805 году и раздѣлялось на два класса. Первоначально въ первомъ классѣ тридцать человѣкъ обучались чтенію, письму и краткому катихизису; во второмъ двадцать мальчиковъ учились русской грамматикѣ, ариѳметикѣ. географіи, священной и гражданской исторіи. Не была забыта и часть хозяйственная: въ свободные часы школьниковъ пріучали устраивать огороды, садить и сѣять овощи, полоть, собирать нужныя травы, коренья и удить рыбу; было отдѣленіе и для обученія сапожному и башмачному ремесламъ. Іеродіаконъ Нектарій, какъ мы уже знаемъ, былъ подготовляемъ для учительской должности іеромонахомъ Гедеономъ; хозяйственная часть, конечно,

не обходилась безъ ближайшаго участія нашихъ миссіонеровъ, какъ спеціалистовъ по этому дѣлу. Безъ сомнѣнія, въ школу привлекались прежде всего русскіе мальчики; но великое благодѣяніе заключалось уже и въ томъ, что школа могла выпускать людей лучшаго направленія. Сначала дѣло пошло успѣшно, по крайней мѣрѣ — съ наружной стороны: не прошло и года, какъ въ школѣ удачно былъ произведенъ публичный экзаменъ, въ присутствіи мѣстныхъ властей, морскихъ офицеровъ и уполномоченнаго отъ правительства для обревизованія и устройства нашихъ американскихъ владѣній — вышеупомянутаго Н. П. Резанова. Первые годы царствованія Императора Александра I были вообще проникнуты просвѣтительными стремленіями; а такъ какъ въ Америкѣ, въ описываемое нами время, находился уполномоченный отъ правительства (г. Резановъ), воодушевленный тѣми же стремленіями, то ни компанейскія власти, ни самъ Барановъ *не смѣли* оказывать тогда явнаго противодѣйствія благимъ начинаніямъ іером. Гедеона относительно народнаго просвѣщенія. Вскорѣ число учениковъ въ школѣ, включая и хозяйственное отдѣленіе, возрасло до восьмидесяти, а затѣмъ—даже до ста человѣкъ; между ними были уже не одни русскіе, но и туземцы, не исключая аманатовъ изъ племени *колошей*. Въ 1807 году въ училищѣ былъ произведенъ второй публичный экзаменъ; затѣмъ, бывшіе воспитанники училища сами стали занимать учительскія мѣста въ немъ. Наши миссіонеры, а въ особенности о. Германъ, были дѣятельными, усердными сотрудниками іером. Гедеона. Но цвѣтущее состояніе училища едва ли было продолжительно. Уполномоченный отъ правительства Н. П. Резановъ скоро оставилъ Америку;

а въ іюнѣ 1807 года отбылъ въ Россію и о. Гедеонъ. Онъ и раньше порывался изъ Америки. Вотъ приписка къ письму его отъ 5 іюня 1805 года, адресованному къ митрополиту Амвросію: „Святѣйшій архипастырь! Услыши и мой вопль! Не отврати лица Твоего, высокомилостивый отецъ, отъ отрока малаго, единаго отъ святительскаго Твоего дома, яко скорблю; скоро, скоро услыши мя! Изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени Твоему!“ Очевидно, не легко было на душѣ писавшаго эти строки, и понятно — почему. Даже испытанные въ терпѣніи Валаамскіе иноки не всѣ были въ силахъ переносить тяжелую пытку деспотизма компанейскихъ властей съ Барановымъ во главѣ. Только престарѣлые іеромонахъ *Аѳанасій* (въ то время 50 лѣтъ) и монахъ *Германъ* (48 лѣтъ) безбоязненно выразили добровольное желаніе остаться въ Америкѣ, — хотя, конечно, и предвидѣли, что, съ отъѣздомъ г. Резанова и о. Гедеона, прежній порядокъ вещей, прежнее самовластіе Баранова и прежнія притѣсненія возобновятся. Когда было необходимо, Барановъ умѣлъ маскироваться и представляться человѣкомъ совсѣмъ иного рода, нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Два другіе члена миссіи—іеродіаконъ Нектарій (36 лѣтъ) и монахъ Іоасафъ (32 лѣтъ)—всею душею стремились возвратиться въ Россію. За нихъ ходатайствовалъ іеромонахъ Гедеонъ передъ митрополитомъ: „Іеродіаконъ Нектарій, монахъ Іоасафъ крайнее имѣютъ желаніе выѣхать въ Россію, — на что, съ воздыханіемъ сердечнымъ, просятъ и молятъ Твоего, Святѣйшій и высокомилостивѣйшій Отецъ, архипастырскаго благословенія. Да исправится молитва ихъ предъ Тобою, Святителю Христовъ, яко кадило благовонное! Ибо сердца ихъ скорби исполнены. Утѣшь ихъ, благій утѣшителю Церкви

Россійской!" Это было писано въ 1805 году; а въ 1806 году іеродіаконъ Нектарій выбылъ въ Россію. Онъ, какъ мы знаемъ, скончался іеромонахомъ въ Киренскомъ монастырѣ близъ Иркутска, въ 1814 году. Монахъ-же Іоасафъ остался въ Америкѣ вмѣстѣ съ двумя другими миссіонерами. Такимъ образомъ, ко времени отъѣзда іером. Гедеона въ Россію, въ 1807 г., изъ всѣхъ нашихъ миссіонеровъ на Кадьякѣ оставались только трое: іеромонахъ Аѳанасій, монахъ Іоасафъ и монахъ Германъ. Іеромонахъ Гедеонъ, насколько это зависѣло отъ него, урегулировалъ отношенія компанейскихъ властей къ миссіонерамъ, всячески стараясь оградить послѣднихъ и въ ихъ жизни, и въ ихъ дѣятельности, которую онъ намѣтилъ и опредѣлилъ, согласно видамъ правительства. О. Германъ пользовался всегда полнымъ уваженіемъ и совершеннымъ довѣріемъ отъ всѣхъ, кто зналъ этого *святаго старца*. Архимандритъ Іоасафъ, отдавая различныя распоряженія, между прочимъ, писалъ къ нему, отъ 8 іюня 1798 года: „О многомъ вамъ напоминать считаю за излишнее: вы сами можете все располагать сообразно обстоятельствамъ, каковыя съ вами встрѣтиться могутъ". Еще яснѣе глубокое уваженіе къ великому труженику и полное довѣріе къ его силамъ и способностямъ выражается въ письмѣ іеромонаха Гедеона (отъ 11 іюня 1807 года), который, въ силу данныхъ ему полномочій, всецѣло поручалъ о. Герману распоряженіе всѣми дѣлами миссіи и всѣ заботы о религіозномъ, нравственномъ и гражданскомъ просвѣщеніи американцевъ: „Преподобный отецъ Германъ! Отправляясь теперь въ С.-Петербургъ, по долгу моему, непремѣнно-нужнымъ призналъ поручить вамъ начальство американо-кадьякской духовной миссіи,—о чемъ я уже увѣдомилъ правителя здѣшнихъ областей Але-

ксандра Андреевича Баранова. Отдавая всю достодолжную вашимъ достоинствамъ и вашей благодѣтельной о пользѣ здѣшняго края ревности, мою признательность, лестною питаю себя надеждою, что не оставите вы опытными своими наставленіями вкоренить въ сердца россіянъ и американцевъ правила истиннаго Богопознанія, любовь къ отечеству и дружественную между обоими племенами связь. Извѣстно вамъ, что духовныхъ есть первый долгъ показывать образъ христіанской святости въ житіи своемъ; то я не сомнѣваюсь, что вы употребите должное имъ въ томъ руководство. Особенно вашему преподобію предлежитъ, да всякъ въ должности, въ какую онъ призванъ, пребываетъ радѣтельно, честно и благородно.—По прибытіи моемъ въ дикообразный и удаленный сей край, первое воззрѣніе какъ на суровость климата, такъ на нагую грубость природы сотрясало всѣ мои чувства ужасомъ. Но, когда увидѣлъ вожделѣнные плоды ревностныхъ вашихъ успѣховъ въ ласковомъ съ американцами обращеніи и въ производимомъ чрезъ нихъ земледѣліи и хозяйственной экономіи, то таковая неожидаемая пріятность наполнила духъ мой сладкимъ спокойствіемъ. Да и его превосходительство (Н. П. Резановъ), по пріѣздѣ своемъ, съ подобнымъ взирая удовольствіемъ на таковыя ваши въ диковинной сей странѣ произведенія, къ большему еще поощренію, лично при васъ наградилъ приласканныхъ вами американцевъ за ихъ къ вамъ послушаніе въ трудолюбіи. Потомъ, для образованія края сего, призналъ за лучшее во основаніе положить три начала: 1-ое, земледѣліе, 2-ое, просвѣщеніе, 3-е, размноженіе народа, и просилъ меня напрягать къ тому всѣхъ умы, чтобъ скорѣе можно было облагодѣтельствовать край сей. И я, съ своей стороны, при отъѣздѣ

моемъ, вамъ, какъ оныя начала уже положившимъ, напоминаю имѣть еще наибольшее о томъ попеченіе, впрочемъ, почитая излишнимъ о сихъ подробностяхъ объяснять вамъ, какъ довольно въ томъ опытнымъ. Помощь-же въ ономъ можете получать отъ Компаніи, — о чемъ отъ его превосходительства (Н. П. Резанова) уже конторѣ предписано, и отъ меня сообщено Александру Андреевичу Баранову.—Съ удовольствіемъ поручаю особенному вашего преподобія попеченію заведенное мною Российско-Американское Училище. Установленный въ ономъ порядокъ долженъ быть и впредь сохраняемъ. Наставленіе въ училище отъ меня оставлено. Учителемъ признанъ Иванъ Кадьякскій, товарищемъ его Христофоръ Прянишниковъ и помощникомъ при нихъ Алексѣй Котельниковъ. Парамону Чумовицкому, при способоществованіи другихъ, ввѣрено собираніе словаря алеутскаго языка, также и сокращенное начертаніе грамматики того-жъ языка; онъ долженъ быть и переводчикомъ при васъ. Также за отрядомъ учениковъ земледѣлія имѣйте должное смотрѣніе и прилежаніе. Зависящіе къ тому способы Компанія долгъ имѣетъ доставить вамъ. Болѣе всего потщитесь напоить юныя сердца ихъ правилами вѣры, страха Божія и всей нравственности. Любовь ваша ко всему благому не дозволяетъ мнѣ сомнѣваться, что все сіе отъ васъ наилучшимъ образомъ исполнено быть имѣетъ“.

Замѣтимъ, что Чумовицкій и назначенные учителями Кадьякскаго училища—Иванъ Кадьякскій, Прянишниковъ и Котельниковъ—всѣ были изъ учениковъ того же училища. Для малаго времени было сдѣлано много. Не сомнѣваемся въ благихъ намѣреніяхъ и высокихъ стремленіяхъ какъ о. Гедеона, такъ и Н. П. Резанова. Не

сомнѣваемся и въ томъ, что у о. Германа довольно было и умѣнья и способностей и терпѣнія, чтобы продолжать дѣло. Компанейскія власти, въ силу предписаній, обязаны были оказывать ему всякое содѣйствіе. Но нерѣдко весьма многое, что представляется въ самомъ лучшемъ видѣ на бумагѣ, далеко не таковымъ оказывается на самомъ дѣлѣ. Излишнія надежды часто бываютъ обманчивы. Слишкомъ скорый успѣхъ подозрителенъ. Для того чтобы быстро совершаемое было вмѣстѣ и прочно, необходимо таинственное содѣйствіе благодати Божіей. Въ обычныхъ же дѣлахъ человѣческихъ дѣйствуютъ и обычные причины и условія, людьми создаваемыя, зависящія отъ ихъ свободной воли. По отъѣздѣ изъ Америки Н. П. Резанова и іеромонаха Гедеона, вмѣсто содѣйствія отъ компанейскихъ властей не встрѣтили ли наши миссіонеры вновь прежняго противодѣйствія? Есть основаніе думать, что было именно такъ: вѣдь названнымъ властямъ теперь уже некого было бояться; а эти люди воздерживались отъ зла только за страхъ, а никакъ не за совѣсть. О дальнѣйшей дѣятельности миссіонеровъ свѣдѣнія наши крайне ограничены. Іеромонахъ Аѳанасій и монахъ Іоасафъ исполняли, каждый, свои прямыя, опредѣленныя обязанности: первый священника при Кадьякской церкви, вплодь до отбытія въ Россію, въ 1825 году; послѣдній— по хозяйственной части и по завѣдыванію церковнымъ имуществомъ, вплодь до смерти, постигшей его на мѣстѣ служенія въ Америкѣ, въ 1823 году. На нихъ какъ на лицъ второстепенныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, конечно, менѣе ложилась тягость давленія отъ компанейскихъ властей, чѣмъ на о. Германа. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ боролся, пока представлялась хотя какая-нибудь возможность. Какова была участь училища и всего того, что

г. Резановъ и іеромонахъ Гедеонъ старались насадить и развить на Кадьякѣ—намъ неизвѣстно. По какимъ причинамъ и когда монахъ Германъ оставилъ Кадьякъ—мы тоже не знаемъ. Что въ послѣднемъ обстоятельствѣ играли роль преклонный возрастъ и наклонность къ уединенію—весьма возможно; но, несомнѣнно, тутъ дѣйствовали не только эти причины: въ о. Германѣ слишкомъ сильна была активная любовь къ людямъ; до конца дней онъ не прекращалъ полезной дѣятельности на пользу ближняго; къ терпѣнію скорбей онъ привыкъ. Не для того-ли онъ и удалился съ Кадьяка, чтобы *сохранить хотя какую-нибудь возможность для своей плодотворной дѣятельности и благодѣтельнаго вліянія на бѣдный, угнетенный народъ?* Какъ бы то ни было, пріѣздъ на Кадьякъ С. И. Яновскаго (1818 г.) застаетъ уже о. Германа живущимъ на уединенномъ, лѣсистомъ островѣ Еловомъ, отдѣленномъ отъ Кадьяка небольшимъ разстояніемъ. По временамъ о. Германъ пріѣзжалъ на Кадьякъ, и на Еловый ѣздили привыкшіе къ старцу и любившіе его американцы.—„Во время пребыванія моего на о. Кадьякѣ, — пишетъ г. Яновскій, — туда завезена была заразительная, повальная, смертная болѣзнь, или язва, которая начиналась жаромъ, сильнымъ насморкомъ, кашлемъ, удушьемъ, оканчивалась колотьемъ — въ три дня человѣкъ умиралъ. Ни доктора, ни лекарствъ тамъ не было: болѣзнь быстро распространилась по всему селенію и скоро перешла на всѣ близлежащія селенія. Зараза дѣйствовала на всѣхъ, даже и на грудныхъ дѣтей. Смертность была такъ велика, что три дня не было людей копать могилы, и тѣла валялись незарытыми. Я не могу представить ничего печальнѣе и ужаснѣе того зрѣлища, которымъ я пораженъ былъ, посѣтивши алеутскій

кажимъ. Это—большой сарай, или казарма съ нарами, въ которомъ живутъ алеуты со своими семьями. Въ немъ помѣщалось всего да ста человѣкъ; я обошелъ всѣхъ, разговаривалъ, спрашивалъ, совѣтовалъ, ободрялъ, утѣшалъ. Нѣкоторые лежали уже умершіе, остывшіе, подлѣ живыхъ; другіе кончались: стонъ, вопль, раздирающій сердце. Я видѣлъ матерей уже умершихъ, на охладѣвшихъ грудяхъ которыхъ ползали голодныя дѣти, съ воплемъ, стараясь найдти себѣ пищу; но—тщетно! Кровью обливалось мое сердце отъ жалости, видѣвши поражающую ужасомъ эту печальную картину смерти. Нѣтъ кисти, достойной изобразить ее, для напоминанія тѣмъ, которые безпечно утопаютъ въ роскоши, забывая о смерти!“ Что же о. Германъ — безучастно пребывалъ въ своемъ пустынномъ уединеніи? Нѣтъ, — „ревностный старецъ неутомимо, съ великимъ самоотверженіемъ посѣщалъ больныхъ, не щадя себя; какъ духовный, увѣщевалъ терпѣть, молиться, приносить покаяніе и приготовлялъ къ смерти“. Не пощадила болѣзнь ни самого г. Яновскаго, который, по долгу начальника, также посѣщалъ жилища алеутовъ, ни его семейства; всѣ перехворали; „только о. Германъ не былъ боленъ“: Богъ невидимо хранилъ вѣрнаго раба своего. Тамъ же, на Кадьякѣ, въ миссіонерскомъ домѣ, или монастырѣ, жилъ о. Германъ во все продолженіе времени, пока ежедневно посѣщалъ г. Яновскаго, ради обращенія послѣдняго изъ мрака заблужденія и невѣрія къ свѣту истинной вѣры. Вѣроятно, полный христіанской любви къ людямъ старецъ оставлялъ свое пустынное уединеніе и въ другихъ необходимыхъ случаяхъ, ради пользы ближняго. Но и въ своей пустынѣ, на о. Еловомъ, онъ не лишалъ приходившихъ или, вѣрнѣе, пріѣзжавшихъ къ нему американцевъ ду-

ховныхъ наставленій и утѣшеній. Рѣчь его, по свидѣтельству г. Яновскаго, всегда отличалась силой, убѣдительностью и никогда не вращалась около предметовъ пустыхъ и ничтожныхъ. Напротивъ, всегда онъ говорилъ о Богѣ, о вѣчности, о спасеніи, о будущей жизни, о чудесахъ Божіихъ, о святыхъ угодникахъ, разсказывалъ изъ житій святыхъ, изъ *Пролога*. Разумѣется, все онъ умѣлъ примѣнить къ степени развитія и жизненнымъ обстоятельствамъ слушателей, и потому-то и простые алеуты, и даже женщины „любили слушать его". Вотъ что разсказываетъ г. Яновскій о жизни о. Германа на островѣ Еловомъ: „У него была келья, т. е. избушка, огородъ, сѣти; самъ трудился: садилъ картофель, капусту, копалъ гряды, ловилъ рыбу и запасалъ на зиму. Алеуты обоего пола и дѣти часто пріѣзжали къ нему: за совѣтами, съ жалобами на притѣсненія, прося его защиты, и съ разными своими нуждами; иногда они привозили ему рыбу и помогали ему въ работахъ. Онъ всегда имъ дѣлалъ разбирательства; мирилъ ихъ; помогалъ, чѣмъ могъ. Въ воскресные и праздничные дни многіе пріѣзжали къ нему для молитвы. О. Германъ читалъ часы, Апостолъ, Евангеліе и поучалъ. Дѣтей надѣлялъ сухариками или пекъ (имъ) крендельки; дѣти его очень любили, да и онъ любилъ ихъ".—„Онъ старался всѣхъ мирить, особливо въ семействахъ возстановлялъ миръ; если же не удавалось помирить, то на нѣкоторое время разлучалъ мужа съ женою, — это онъ мнѣ самъ говорилъ: лучше пусть живутъ врозь, да не дерутся, не ссорятся; а то, если не развести, бывали примѣры, что мужъ убивалъ жену, или жена изводила мужа". Какой вѣрный, жизненный взглядъ, чуждый всякихъ предразсудковъ! Жизнь онъ велъ самую строгую,

аскетическую: мало ѣлъ, много молился, мало спалъ, непрестанно трудился. О его подвижнической жизни единогласно свидѣтельствують всѣ знавшіе его лично или послѣ слышавшіе о немъ. Одѣвался онъ слѣдующимъ образомъ: по голому тѣлу надѣта была оленья кухлянка, въ родѣ рубашки, которую онъ много лѣтъ не снималъ, такъ-что вся шерсть, отъ времени, вытерлась, а кожа засалилась; порты холщевые; сапоги, или башмаки; подрясникъ; ветхая, полинялая ряска, во многихъ мѣстахъ зашитая рубцами и латками, и клобукъ. Въ этой болѣе чѣмъ скромной одеждѣ ходилъ онъ во всякую погоду—въ дождь и мятель, въ бурю и холодъ. Спалъ чуть не на голыхъ доскахъ, и доска же служила ему вмѣсто одѣяла. Но строгій къ себѣ въ своей уединенной, келейной жизни, онъ вовсе не былъ требователенъ къ другимъ; да и себя не старался показать постящимся предъ людьми. У того же г. Яновскаго онъ пилъ и ѣлъ все то, что остальные пили и ѣли, впрочемъ — за исключеніемъ мяса; онъ не приносилъ съ собой давящей тяжести ханжи и лицемѣра. Хотя его умъ и сердце непрестанно обращены были къ Богу, но, между прочимъ, и изъ писемъ его видно, что ничто человѣческое, кромѣ дурного и порочнаго, не было ему чуждо. Стараясь всѣми зависящими способами быть истинно полезнымъ американцамъ, онъ на островѣ Еловомъ устроилъ школу, въ которой самъ обучалъ небольшое число учениковъ и ученицъ чтенію, письму, закону Божію и церковному пѣнію. Впослѣдствіи эти ученики и ученицы помогали старцу при молитвенныхъ пѣснопѣніяхъ въ построенной на Еловомъ часовнѣ. И ученики, и ученицы жили тутъ же, на о. Еловомъ. Приложенный къ нашему изданію рисунокъ *(III—видъ о. Еловаго)* представляетъ общую

картину острова, съ лѣсомъ и ручьемъ, келью о. Германа, школу и т. д. Усердно трудился о. Германъ; трудились и его ученики и ученицы, которыхъ онъ пріучалъ ко всѣмъ хозяйственнымъ работамъ,—и отъ этихъ трудовъ получали пропитаніе. Хотя главное вниманіе старца было обращено на духовно-нравственное воспитаніе дѣтей, но они также работали въ огородѣ, ловили рыбу и т. п. Вообще, о. Германъ приносилъ великую пользу туземцамъ, и свѣтлая личность его глубоко и надолго запечатлѣлась въ ихъ памяти. Его дѣятельность тѣмъ-то и замѣчательна, что она совершалась скромно, незамѣтно, при самыхъ стѣснительныхъ условіяхъ, а между тѣмъ всегда и всецѣло была направлена къ одной высокой цѣли. Его смиреніе, по истинѣ, поразительно. При его силахъ и способностяхъ, при его умѣ, другой всѣми мѣрами сталъ-бы искать дѣятельности блестящей, на обширномъ поприщѣ; другой давно оставилъ бы то скромное служеніе, которому о. Германъ остался неизмѣнно вѣренъ до конца жизни. Онъ умѣлъ смирять себя и подчинять неисповѣдимымъ судьбамъ Божественнаго произволенія. Долгіе годы несъ онъ свой подвигъ; а скорби, наносимыя людскою злобою и завистью, не оставили *святого старца* и въ его пустынномъ уединеніи. Священникъ, пріѣхавшій изъ Иркутска, съ большимъ полномочіемъ, надѣлалъ о. Герману много огорченій и хотѣлъ даже отправить его въ Иркутскъ; но старца защитилъ правитель колоній—Муравьевъ. Вотъ что сообщаетъ о дѣйствіяхъ этого священника г. Яновскій: „О. Германа тѣснилъ, описалъ и отобралъ все его имущество, котораго оказалось на восемь тысячъ рублей ассигнаціями. Эти деньги и вещи собираемы были для построенія новой церкви, для возобновленія всего обвет-

шавшаго строенія; а недобрые люди приписали это къ его корыстолюбію. Но этого не можетъ быть!" Фактъ, что о. Германъ не отказывался принимать доброхотныя приношенія для постройки новаго храма, указываетъ лишь на то, что и въ этомъ отношеніи нельзя было разсчитывать и надѣяться на компанейскія власти; притомъ же, изъ собираемаго онъ всегда оказывалъ помощь бѣднымъ. Другой священникъ, Фрументій Мардовскій, прибывшій на Кадьякъ въ 1825 году, на мѣсто іеромонаха Аѳанасія, явился на о. Еловый съ правителемъ колоній и компанейскими служителями обыскивать келью о. Германа, предполагая найти у него большое имущество. Когда же не нашли ничего цѣннаго, то служитель Пономарьковъ, вѣроятно не безъ дозволенія старшихъ, сталъ топоромъ выворачивать половыя доски.

Всевидящій Богъ многоразличными образами отличилъ и прославилъ своего вѣрнаго раба.

Дикіе звѣри и животныя не вредили святому старцу. Видѣли, напримѣръ, что о. Германъ кормилъ медвѣдей. Подъ кельею у него жили горностаи. Этотъ маленькій звѣрекъ, когда ощенится, недоступенъ; а старецъ всегда кормилъ ихъ изъ своихъ рукъ.

У о. Германа духъ несомнѣнно преобладалъ надъ тѣломъ. Зоркими очами души онъ видѣлъ ангеловъ Божіихъ и темныхъ духовъ зла. Онъ видѣлъ, какъ въ полночь на праздникъ Крещенія Господня ангелъ сходилъ съ небесъ и погружалъ крестъ въ воду. Взятую послѣ того освященную воду старецъ давалъ больнымъ, и тѣ получали исцѣленія. По переселеніи о. Германа на островъ Еловый, демоны приходили въ келью старца то въ человѣческомъ видѣ, то въ иныхъ образахъ.

Благодать Божія чудодѣйственно проявлялась чрезъ

святого старца. На Еловомъ сдѣлалось наводненіе. Жители (послѣ на Еловомъ посѣлились нѣсколько семей американцевъ) въ испугѣ прибѣжали къ о. Герману. Тогда онъ взялъ изъ дому своихъ воспитанниковъ икону Божіей Матери, вынесъ, поставилъ ее на лайдѣ и сталъ молиться. По молитвѣ обратясь къ присутствующимъ сказалъ: „не бойтесь,—далѣе этого мѣста, гдѣ стоитъ св. икона, не подойдетъ вода"; и слово его исполнилось. Однажды загорѣлся лѣсъ на островѣ Еловомъ. Старецъ съ ученикомъ своимъ Игнатіемъ въ чащѣ лѣса провелъ полосу, въ аршинъ шириною, до подошвы горы, разворочавъ мохъ, и сказалъ: „будьте спокойны,—огонь не перейдетъ этой черты!" На другой день, когда, по свидѣтельству Игнатія, не было никакой надежды на спасеніе, съ сильнымъ напоромъ дошелъ огонь до разворочепнаго старцемъ моху, пробѣжалъ вдоль его и остановился, не коснувшись густого лѣса, находившагося за чертой.

Далъ Богъ о. Герману и даръ предвѣдѣнія.—„Жаль мнѣ тебя, любезный кумъ", — говорилъ онъ правителю Кашеварову, у котораго принималъ отъ купели сына,—„жаль: смѣна тебѣ будетъ неpріятная!" Года черезъ два Кашеваровъ, при смѣнѣ, связаннымъ былъ отправленъ на островъ Ситху. — Когда вышеупомянутый Пономарьковъ сталъ, при обыскѣ въ кельѣ, выворачивать половыя доски, о. Германъ сказалъ ему: „Другъ мой, напрасно ты взялъ топоръ: это орудіе лишитъ тебя жизни!" Черезъ нѣсколько времени потребовались люди въ Николаевскій редутъ; почему съ Кадьяка послали туда русскихъ служителей, въ числѣ ихъ и Пономарькова; тамъ кенайцы ему, сонному, топоромъ отсѣкли голову.—Часто говорилъ старецъ, что въ Америкѣ будетъ свой архіерей, тогда какъ объ этомъ никто и не

думалъ; но пророчество его сбылось въ свое время. — „По смерти моей,—говорилъ онъ,—будетъ повальная болѣзнь, и умретъ отъ нея много людей, и русскіе соединятъ алеутовъ“. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ его кончины, было оспенное повѣтріе; смертность была поразительная: въ нѣкоторыхъ селеніяхъ оставалось только по нѣскольку человѣкъ, и это побудило мѣстное начальство соединить алеутовъ: тогда изъ двадцати селеній образовалось только семь.—„Пройдетъ тридцать лѣтъ послѣ моей смерти, всѣ живущіе теперь на Еловомъ островѣ перемрутъ, ты останешься живъ одинъ и будешь старъ и бѣденъ,—и тогда вспомнятъ меня“. Такъ говорилъ о. Германъ ученику своему Игнатію. „Удивительно,—восклицаетъ послѣдній,—какъ подобный намъ человѣкъ могъ все это знать впередъ за такое долгое время! Впрочемъ, нѣтъ! онъ—не простой человѣкъ! Онъ мысли наши видѣлъ и невольно доводилъ до того, что мы ему ихъ открывали и получали наставленія!“ И до такой степени вѣрно опредѣлено время! Свѣдѣнія объ о. Германѣ, собранные Константиномъ Ларіоновымъ, въ числѣ которыхъ находятся и воспоминанія Игнатія, относятся къ 1867 году; а о. Германъ умеръ въ 1837 году.

„Когда я умру,—говорилъ старецъ,—за священникомъ не посылайте и не дожидайтесь его: не дождетесь! Тѣла моего не обмывайте, положите его на доску, сложите на груди руки, запеленайте меня въ мантію и ея воскриліями покройте мое лицо и клобукомъ голову. Если кто пожелаетъ проститься со мной, пусть цѣлуетъ крестъ; лица моего никому не показывайте. Опустивъ въ землю, покройте меня большимъ моимъ одѣяломъ“. Одѣяло это, какъ мы выше сказали, была доска, всегда находившаяся у него въ кельѣ.

Приближалось время отшествія старца. Однажды приказалъ онъ ученику своему Герасиму зажечь свѣчи предъ иконами и читать *Дѣянія св. Апостоловъ.* Через нѣсколько времени, лицо старца просіяло, и онъ громко произнесъ: „слава Тебѣ, Господи!“ Потомъ приказалъ прекратить чтеніе и объявилъ, что Господу угодно еще на недѣлю продлить его жизнь. Черезъ недѣлю, по приказанію о. Германа, опять были зажжены свѣчи, и читали *Дѣянія св. Апостоловъ.* Тихо преклонилъ онъ свою главу на грудь Герасима, келья наполнилась благоуханія, просіяло лицо его,—и о. Германа не стало! Такъ блаженно почилъ онъ сномъ праведника на 81 году своей многотрудной жизни, 13 декабря 1837 года.

Несмотря на предсмертную волю о. Германа, ученики не рѣшились похоронить его, не давъ знать о смерти его въ гавань.

Посланный съ печальнымъ извѣстіемъ въ гавань, возвратясь, объявилъ, что правитель колоній запретилъ хоронить старца до своего пріѣзда, что онъ приказалъ сдѣлать для усопшаго гробъ, и что самъ съ священникомъ немедленно привезетъ его. Но такія распоряженія были противъ воли почившаго. И вотъ подулъ страшный вѣтеръ, полился дождь, сдѣлалась ужасная буря. Не великъ былъ переѣздъ изъ гавани на Еловый, всего часа два пути; но никто не рѣшался пуститься въ море въ такую погоду. Такъ было цѣлый мѣсяцъ. И хотя цѣлый мѣсяцъ лежало тѣло о. Германа въ тепломъ домѣ его воспитанниковъ, но не измѣнилось лицо его, и не было отъ тѣла ни малѣйшаго запаха. Наконецъ, съ опытнымъ старикомъ Козьмою Училищевымъ доставленъ былъ гробъ; изъ гаванскихъ никто болѣе не отважился поѣхать,—и жители о. Еловаго, одни, предали землѣ смертные

останки своего старца. Такъ исполнилось последнее желаніе о. Германа, — и затѣмъ вѣтеръ стихъ, и поверхность моря стала гладка, какъ зеркало.

Въ одинъ вечеръ въ селеніи Катани, на о. Афогнакѣ, видѣнъ былъ надъ Еловымъ островомъ необыкновенно-свѣтлый столбъ, достигавшій до неба. Пораженные чудеснымъ явленіемъ, креолъ Герасимъ Вологдинъ съ женою Анною и другіе жители говорили: „видно, о. Германъ оставилъ насъ!“ — и стали молиться. Послѣ они узнали, что именно въ эту ночь преставился старецъ. Въ тотъ-же вечеръ, въ другомъ селеніи на Афогнакѣ видѣли человѣка, подымавшагося съ Еловаго острова къ облакамъ.

Похоронивъ своего отца и наставника, ученики поставили надъ его могилою деревянный памятникъ. Спустя тридцать лѣтъ, кадьякскій священникъ о. Петръ Кашеваровъ писалъ: „Теперь можно сказать, что я самъ видѣлъ надмогильный памятникъ отца Германа, до сихъ поръ — какъ будто сегодня сколоченный и нетронутый временемъ“.

„Вообще всѣ мѣстные жители, — свидѣтельствуетъ преосв. Петръ, — имѣютъ благоговѣйное уваженіе къ отцу Герману, какъ святому подвижнику, вполнѣ увѣрены въ его богоугодности“.

Увѣрены и мы, ибо вся жизнь святого старца была, какъ мы показали, неуклоннымъ слѣдованіемъ по пути заповѣдей Евангельскихъ, и не сомнѣваемся, что онъ удостоился небесныхъ наградъ, по непреложнымъ обѣтованіямъ Спасителя.

Закончимъ наши сказанія объ о. Германѣ повѣствованіемъ преосв. Иннокентія о чудесномъ случаѣ, происшедшемъ съ нимъ и его спутниками вслѣдствіе одного

упоминовенія имени святого старца: „Въ 1842 году, плывя въ Кадьякъ, долго были въ морѣ и находились въ крайности, такъ что у насъ на 52 пассажира оставалось менѣе полубочки воды, и предъ входомъ въ Кадьякскую гавань насъ встрѣтилъ противный вѣтеръ, который дулъ ровно трои сутки. Въ это время судно наше ходило взадъ и впередъ (или по-морскому — лавировало) отъ южнаго мыса Кадьяка до Еловаго острова, гдѣ жилъ и скончался о. Германъ. На третій день къ вечеру, когда судно наше опять подошло къ Еловому острову (можетъ, 20-й или 30-й разъ), я, глядя на оный, сказалъ въ умѣ своемъ: „если ты, отецъ Германъ, угодилъ Господу, то пусть перемѣнится вѣтръ“. И точно, не прошло, кажется, и четверти часа, какъ вѣтръ вдругъ сдѣлался попутный, и мы въ тотъ-же вечеръ вошли въ заливъ и стали на якорь. Потомъ я ѣздилъ на могилу и служилъ панихиду“.

Со смертію о. Германа прекратилась *Кадьякская миссія*.

Но, волею Божіею, сѣмя православной вѣры Христовой, посѣянное нашими миссіонерами, не заглохло. Православная церковь продолжала и нынѣ продолжаетъ существовать въ Америкѣ.

Отъ всей души привѣтствуя предстоящее празднованіе столѣтняго юбилея православія въ Сѣверной Америкѣ, вознесемъ сердечныя моленія наши къ Господу, да изыдутъ во вcѣ концы вселенной глаголы Евангельской истины, и да соединитъ Онъ всѣ народы и племена земные *святѣй Своей соборнѣй и апостольстѣй церкви!*

Изъ бывшихъ въ Кадьякской миссіи иноковъ Валаамской обители *іеромонахъ Ювеналій* пріялъ мучениче-

скую смерть па поприщѣ своего равноапостольнаго служенія; а *монахъ Германъ* долгіе годы оставался одинокимъ, но яркимъ свѣтильникомъ православной вѣры, христіанской любви, нравственности и правды среди американцевъ. — „*Да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ*" (Ев. Матѳ., V, 16). И да послужатъ эти свѣтлыя личности живыми примѣрами истинно-плодотворной дѣятельности по заповѣдямъ Спасителя на великомъ и святомъ поприщѣ распространенія и укрѣпленія *православной вѣры христіанской — единой истинной!*

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Матеріалы для исторіи Кадьякской миссіи 1794—1837 гг.

Приложеніе I.

Изъ переписки, относящейся къ исторіи Кадьякской миссіи и жизни миссіонера о. Германа, Валаамскаго монаха.

№ 1.

Разсказъ богомольца Лазарева о житіи монаха Германа.— На подлинномъ помѣтка: Октября 1864 года.

Разсказъ богомольца Валаамскаго монастыря Царскосельскаго мѣщанина Григорія Михайлова Лазарева о житіи монаха Германа, Американскаго миссіонера, слышанный имъ отъ ученика отца Германа—Герасима.

По разсмотрѣнію Святѣйшаго Синода, отданъ былъ приказъ въ Валаамскую Обитель, съ тѣмъ чтобы выбрать изъ братіи и послать въ Сѣверозападный край, на островъ Кадьякъ, въ Павловскую гавань желающихъ въ миссію, то и были посланы три іеромонаха и одинъ монахъ, а именно: іеромонахи Нафанаилъ, Аѳанасій и Іосафъ и монахъ Германъ. По прибытію ихъ въ Павловскую гавань они ожидали каждый своего жребія, а

именно: іеромонахъ Нафанаилъ прохаживаясь по морскому берегу и увидавъ, что стоитъ пустая маленькая лодочка всталъ къ востоку и воздѣлъ руки къ небу и принесъ Богу молитву и сѣлъ въ ту лодочку, что стояла у брегу, и отдался на волю Божію. Его принесло на островъ Нучикъ, отстоящій 250 миль, 300 верстъ, отъ острова Кадьяка. Выйдя на берегъ онъ началъ проповѣдывать слово Божіе, за что отъ дикихъ людей разстрѣленъ стрѣлами и тѣло его намъ и по нынѣ неизвѣстно; іеромонахъ Афанасіи тоже намъ неизвѣстно; Іосафъ остался на островѣ Кадьякѣ.

А мы начнемъ предлежащее слово объ отцѣ Германѣ, монахъ отецъ Германъ, когда пріѣхалъ на островъ Еловой, то при первомъ вступленіи изъ лодки на землю сказалъ: благословенъ Богъ нашъ! буди сей островъ Новый Валаамъ; потомъ, помолившись Богу ходилъ и разсматривалъ мѣстоположеніе острова, гдѣ и искалъ себѣ мѣсто уединенія, потомъ началъ копать пещеру въ землѣ своими руками, въ которой онъ жилъ одно лѣто, а въ послѣдствіи ходилъ молиться и плакать, а на зиму правительство близъ той пещеры выстроило келью, въ которой отецъ Германъ жилъ до своей смерти, гдѣ онъ занимался ручными работами, а о подвигахъ и трудахъ его мы не въ силахъ описать. Въ зимнее время онъ рубилъ дрова и заготовлялъ лѣтнія принадлежности, а лѣтомъ обработывалъ огороды, садилъ картофель, капусту и прочія овощи, которыми онъ питалъ себя и раздавалъ бѣднымъ. Хотя въ то время на островѣ Еловомъ не было постоянныхъ жителей а только пріѣзжающіе, которые ѣздили посѣщать отца Германа, а послѣ чрезъ малое время поселились жители на томъ островѣ, отъ келліи его въ пяти или въ шести верстахъ и начали

приходить къ нему и слушать его Божественныхъ словесъ и стали оставаться жить у него. Первая его ученица дѣвица Софія, а всѣхъ его учепицъ было двѣнадцать, а кто и откуда онѣ, то намъ неизвѣстно. Еще былъ у него ученикъ именемъ Герасимъ, котораго отецъ Германъ воспитывалъ у себя, потому что у Герасима не было ни отца ни матери по плоти; отецъ Германъ училъ всѣхъ вообще читать, писать и пѣть церковные гимны.

Однажды былъ посланъ ученикъ Герасимъ отцомъ Германомъ за благословенною потребою къ поселянамъ и возвращался домой. Была уже ночь зимняго время и вдругъ видитъ впреди себя человѣка, который имѣлъ ноги не обувенныя и подобранную ряску или мантію и несъ на себѣ древо, которое нужно было бы четыремъ или пяти человѣкамъ нести и Герасимъ узналъ, что это былъ отецъ Германъ, то и скрылся онъ въ лѣсу въ кустахъ и далъ уйдти старцу. Когда ученикъ пришелъ домой, старецъ его спросилъ, давно ли ты пришелъ, а онъ хотѣлъ утаить и говоритъ, что я сейчасъ пришелъ. Старецъ спросилъ его, что ты видѣлъ дорогой, а ученикъ отвѣчалъ, что ничего не видалъ, а старецъ сказалъ, всякая ложь отъ діавола есть. Замѣчалъ ученикъ что старецъ на праздникъ Богоявленіе Господне уходилъ на берегъ рѣки, которая близъ его дому была и сидѣлъ тамъ до полуночнаго часа и бралъ воду въ сосудъ и уходилъ домой. Однажды ученикъ его Герасимъ спросилъ старца: отче, на что ты берешь воду въ ночное время, а не днемъ? На это отвѣчалъ старецъ: въ сію ночь освящается вода отъ Ангела Божія. Ученикъ спросилъ его: отче, почему извѣстно что она освящается? Старецъ отвѣчалъ что: когда Ангелъ Божій сходитъ съ небесъ и погружаетъ крестъ Господень въ

воду, тогда вода колеблется. Ученикъ замѣчалъ, что когда кто-нибудь нездоровъ отъ учениць или отъ приходящихъ, то старецъ бралъ сію воду и давалъ пить или мыть больное мѣсто, отъ чего они получали исцѣленіе.

Служащіе въ Павловской гавани солдаты и прочіе не равнымъ случаемъ подпадали въ разныя несчастія, тогда они прибѣгали къ отцу Герману и просили у него помощи и защиты. Нерѣдко онъ писалъ къ мѣстному начальству, а то и самъ ходилъ къ начальству и избавлялъ отъ наказанія, какъ напримѣръ, однажды случилось одному служащему человѣку впасть въ погрѣшность противъ своего начальника Комерціи Совѣтника Кошеварова. Когда же Кошеваровъ назначилъ ему жестокое наказаніе, то служащій скрытно убѣжалъ отъ своего начальника и пришелъ къ отцу Герману и просилъ его защиты. Отецъ Германъ отложилъ свою старость, пошелъ къ Кошеварову и просилъ его о помилованіи преступника: но онъ не хотѣлъ его простить. Старецъ сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ говоря обѣщая отъ Бога въ будущей жизни прощеніе тому, кто милуетъ своихъ подчиненныхъ и говоря много Евангельскихъ притчъ; но начальникъ будучи ожесточенъ, не хотѣлъ и смотрѣть; тогда старецъ не могъ удержаться отъ слезъ, заплакалъ и сказалъ, горе тому кто не милуетъ своихъ подчиненныхъ и не дѣлаетъ милости, а жена начальника Кошеварова сказала: не порицай насъ отче что мы не дѣлаемъ милости, а мы четыре раза въ годъ даемъ милости. На что отвѣчалъ старецъ, что это не ваша а Царская милость, а вы тогда только узнаете нужду бѣдныхъ когда сами будете во служеніи жить. Предсказаніе старца исполнилось въ скоромъ времени. Сѣвероза-

падной колоніи главный начальникъ баронъ Врангель, капитанъ 1-го ранга, Фердинандъ Петровичъ, пріѣхалъ на островъ Еловой. Старецъ былъ уже слѣпъ; когда начальникъ приблизился къ нему, старецъ всталъ, поклонился ему и называлъ его Ваше Превосходительство; на это отвѣчалъ ему начальникъ, вы старче ошибаетесь, я еще не генералъ, а полковникъ,—тогда старецъ сказалъ, что вы съ такого-то числа генераломъ; начальникъ изумился: дѣйствительно скоро полученъ былъ указъ о пожалованіи его генеральскимъ чиномъ.

Старецъ занимался въ келіи ручной работой, внезапно ученикъ его Герасимъ пришелъ въ келію къ старцу и не сотворилъ у дверей обыкновенной молитвы. Взойдя въ келію, сказалъ: благослови отче, старецъ не отвѣчалъ ни чего, ученикъ повторилъ нѣсколько разъ свою просьбу, старецъ не отвѣчалъ; ученикъ простоялъ нѣсколько часовъ и наконецъ рѣшился выйти изъ келліи. Пришедъ на другой день сотворилъ обыкновенную молитву; старецъ отвѣчалъ: аминь; ученикъ сказалъ: благослови отче: старецъ благословилъ и сѣлъ за свое дѣло. Тогда ученикъ спросилъ его, отче отчего вы вчерашній день не благословили и не отвѣчали, когда я васъ спрашивалъ? На это отвѣчалъ старецъ, когда я пришелъ на сей островъ, то много разъ бѣсы приходили ко мнѣ въ келлію иногда человѣкомъ ради потребныя нужды, а иногда звѣремъ и дѣлали мнѣ многія пакости, по тому то случаю я и не принимаю безъ молитвы къ себѣ ни кого.

Однажды правитель Кадьякской конторы Комерціи Совѣтникъ Кошеваровъ дѣлалъ обѣдъ, гдѣ и были приглашены начальники и бѣлые священники, тутъ же былъ и отецъ Германъ. За столомъ начались разговоры на счетъ духовенства; отецъ Германъ прослезился, а на-

чальникъ Кошеваровъ его спросилъ, что вы отче плачете? Старецъ отвѣчалъ, жаль что не дождусь того времени, когда будетъ здѣсь Архіерей который приведетъ васъ въ порядокъ и говорилъ много о духовной жизни его, а въ то время тамъ еще не было Архіерея, а по смерти отца Германа вскорѣ поступилъ Архіепископъ Иннокентій.

Однажды ученица его Софія (былъ воскресный день) хотѣла ѣхать на другой островъ за капустой морской, старецъ говорилъ имъ: не уѣзжайте вы сегодня, а завтра, а онѣ говорили между собою: цѣлую недѣлю не было хорошей погоды, а завтра Богъ знаетъ будетъ-ли хорошая погода или нѣтъ, то онѣ и уѣхали безъ благословенія старца, когда онѣ выѣхали, то вдругъ байдара лодка ударилась о камень и разорвалась, потому что лодка у нихъ была кожанная и одинъ человѣкъ утонулъ въ водѣ. Когда они пріѣхали домой, старецъ призвалъ ихъ къ себѣ и сказалъ, вотъ что значитъ преслушаніе и прекословіе! Тогда они упали въ ноги и просили прощенія, что и получили; а онъ имъ говоритъ, когда я утромъ выходилъ на берегъ морской, то на самомъ томъ мѣстѣ видѣлъ человѣка сидящаго на камнѣ и плещущаго руками воду и много безобразенъ былъ онъ собой.

Старецъ прежде до смерти своей былъ тѣлесными очами слѣпъ около 7 лѣтъ, когда онъ приближался къ смерти, сказалъ своему ученику Герасиму, чадо поди позови сюда всѣхъ дѣвушекъ, то есть: ученицъ его, которыхъ онъ училъ грамотѣ, потомъ сталъ говорить Софіи, чтобы она жила на Еловомъ островѣ, а когда помретъ, то похоронить ее у его ногъ, а нѣкоторымъ велѣлъ выходить замужъ, а ученику Герасиму также велѣлъ жениться и жить на Еловомъ островѣ и велѣлъ

хранить свои книги, и говорилъ: когда я помру, то вы въ тотъ же день быка убейте, потому что онъ уже потрудился для меня. Надо сказать откуда этотъ быкъ. Когда на островъ Еловый пріѣхали поселяне, то и подарили старцу маленькаго теленка, старецъ его выростилъ. Когда старецъ померъ, то пожалѣли быка убить: быкъ на другой день самъ ударился лбомъ объ дерево и убился.

Старецъ говорилъ: когда я помру, то вы не сказывайте въ гавань, а сами меня похороните рядомъ съ отцомъ Іоасафомъ, потомъ сказалъ: зажгите свѣчки предъ иконами и велѣлъ ученику Герасиму читать Дѣянія святыхъ Апостолъ и по нѣкоторомъ чтеніи у старца лице было свѣтло и сказалъ: слава Тебѣ Господи и велѣлъ загасить свѣчи у иконъ и сказалъ что мнѣ Господь дастъ еще на недѣлю жизни. Когда исполнилась недѣля, то старецъ велѣлъ по прежнему зажечъ свѣчи и читать Дѣянія Апостольскія, потомъ по нѣкоторомъ времени приклонилъ голову на грудь ученику своему Герасиму и вдругъ лице его сдѣлалось свѣтло и наполнилась келія благоуханія, отъ чего и узнали, что старецъ скончался, ученикъ не смѣлъ не объявить о смерти старца въ гавань, потому что его всѣ любили, на что и получилъ отвѣтъ, чтобы не хоронить, а дождаться, когда пріѣдетъ священникъ и привезутъ гробъ. Какъ только былъ сдѣланъ гробъ, сдѣлалась сильная погода и дулъ сильный вѣтръ такъ что никакъ не возможно было ѣхать священнику и тѣло старца лежало 12 дней. Ученикъ Герасимъ съ ученицами рѣшился похоронить старца, только лишь успѣли похоронить тѣло въ землю, тогда сдѣлалась тихая и ясная погода, тогда пріѣхалъ священникъ и привезъ хорошій гробъ, но не рѣшился отрывать старца изъ земли, вѣрно это было такъ Богу угодно и старцу.

Преосвященнѣйшій Иннокентій Архіепископъ Камчатскій, Курильскій и Алеутской, посѣщая свою паству проѣзжалъ близъ острова Кадьяка на суднѣ въ видѣ острова Еловаго: сдѣлалась сильная буря, носило ихъ бурей 36 дней и они не могли попасть въ гавань, пришли всѣ въ отчаяніе и ожидали смерти. Преосвященнѣйшій Иннокентій служилъ молебенъ и нечаянно напала мысль у него къ отцу Герману, котораго онъ и просилъ если угоденъ Богу, то дай намъ вѣтръ попутный и едва онъ только сіе помыслилъ, то и сдѣлался попутный вѣтръ и какъ прибыли въ гавань и укрѣпили судно, то и сдѣлался опять вѣтръ прежній. Спустя нѣсколько времени, когда погода утихла Преосвященнійшій Инокентій поѣхалъ на островъ Еловой со всѣмъ клиромъ, отслужить на могилѣ отца Германа панихиду; во время чтенія книги взглянулъ онъ ко кресту и увидѣлъ предъ собою отца Германа стоящаго въ мантіи и въ клобукѣ и отъ страха упала у него изъ рукъ книга на землю и когда поднялъ ее, то уже отецъ Германъ былъ не видимъ. Сіе приключеніе разсказывалъ самъ преосвященнѣйшій Иннокентій.

№ 2.

Письмо къ Валаамскому Игумену Дамаскину—Семена Ивановича Яновскаго, отъ 17-го октября 1865 года.—Помѣтка на письмѣ: „№ 225. Въ монастырѣ получено 24-го октября 1865 года“.

Ваше Высокопреподобіе,
Достопочтеннѣйшій отецъ Игуменъ!

Извѣстился я, что вы собираете письма бывшаго монаха Валаамскаго монастыря — отца Германа, находившагося въ миссіи на сѣверо-западной Америкѣ на о—вѣ Кадьякѣ. А какъ я лично зналъ этого почтеннаго, святаго мужа, великаго подвижника, и у меня сохранились его два письма; то если вамъ угодно, я пришлю ихъ къ вамъ — съ тѣмъ однакожъ: чтобъ вы по снятіи съ нихъ копій, подлинные мнѣ возвратили. Я сохраняю эти письма какъ драгоцѣнность отъ святаго старца, бывшаго моего наставника; котораго память для меня священна; онъ былъ моимъ наставникомъ; отъ него я доставилъ лично на Валаамъ письмо въ 1823 году почтенному игумену Іонаѳану, какъ припомню; а можетъ уже и забылъ имя. Я могу вамъ сообщить нѣкоторые интересные свѣдѣнія о жизни святаго старца. Прошу увѣдомить меня:

желаете-ли вы имѣть его письма, и какъ адресовать къ вамъ?—Прося вашихъ молитвъ и благословенія — имѣю честь быть съ глубокимъ уваженіемъ и преданностію

Вашего Высокопреподобія
Покорнѣйшій слуга
Семенъ Яновскій.

Калуга.
17-го октября 1865 года.

P. S. Извините что я не знаю вашего имени. Адресъ ко мнѣ: въ Калугу

Его Высокородію
Семену Ивановичу
Яновскому.

№ 3.

Изъ письма Семена Ивановича Яновскаго Валаамскому Игумену Дамаскину отъ 22-го ноября 1865 г.—На письмѣ помѣтка: „№ 255. Въ монастырѣ получено 9-го декабря 1865 г.“.

Ваше Высокопреподобіе,
Достопочтеннѣйшій отецъ Дамаскинъ!

Прилагаю при этомъ, въ подлинникѣ, два письма незабвеннаго благодѣтеля моего, святаго старца, монаха Германа. Желалъ-бы, чтобъ вы, снявъ съ нихъ копіи, подлинные возратили мнѣ, для сохраненія въ моемъ семействѣ, какъ драгоцѣнность; но есть-ли и вамъ желательно оставить у себя; то я покорнѣйше прошу хотя одно возвратить мнѣ; какое заблагоразсудите.

Призвавъ въ помощь Бога и мысленно испросивъ ваше благословеніе, — опишу вамъ все, что знаю объ отцѣ Германѣ, съ которымъ лично я познакомился въ 1819 году. Онъ мнѣ самъ сказывалъ, что отъ самыхъ юныхъ лѣтъ имѣлъ великую ревность къ благочестію, и поступилъ въ монахи съ 16-ти лѣтъ, сперва въ Троицко-Сергіеву пустынь, близъ Петербурга; а изъ нея уже въ послѣдствіи перешелъ на Валаамъ. Въ Сергіевской пу-

стынкѣ былъ съ нимъ слѣдующій случай: У него на горлѣ, съ правой стороны подъ бородой, сдѣлался нарывъ, съ ужасною болью и опухоль вскорѣ до того увеличилась, что обезобразила все лице, трудно было глотать, и исходило зловоніе, всѣ его оставили и удалялись; онъ не могъ ходить въ трапезу, да и въ келіи едва могъ пропустить нѣсколько ложечекъ ухи, или грыбного бульену. Въ такомъ опасномъ положеніи, ожидая смерти—не прибѣгъ къ земному врачу; а обратился съ теплою молитвою къ Царицѣ Небесной: запершись въ келіи, усердно молился со слезами всю ночь; потомъ взялъ чистое полотенце, помочивши въ воду—обмылъ образъ Божіей Матери и этимъ мокрымъ полотенцомъ обвязалъ свою опухоль — и еще молился и проливалъ слезы, до тѣхъ поръ, пока тутъ-же на полу, или на землѣ, задремалъ. И видѣлъ сонъ, что Матерь Божія его изцѣлила! Проснулся, всталъ и къ великому удивленію видитъ, что онъ совершенно здоровъ и опухоль разошлась, не прорвавши нарыва; только остался маленькій значекъ, для воспоминанія этого чуда! — Врачи, которымъ послѣ разсказывали, не вѣрили, говорили: должно или прорваться нарыву, или его прорѣзать. Но Господь лучше дѣйствуетъ! Находясь на Валаамѣ, о. Германъ, съ двумя, или тремя товарищами—уходилъ въ лѣсъ и жилъ тамъ пребывая въ молитвѣ; пока ихъ нашли и препроводили въ монастырь. Въ послѣднее время царствованія Императрицы Екатерины II-й вызывались изъ монастырей желающіе для проповѣди и обращенія идолопоклонниковъ въ православную вѣру; тогда и онъ съ другими монахами и іеромонахами изъявилъ желаніе; а отправили ихъ уже при Павлѣ.—Сначала въ Иркутскъ.—Въ Иркутскѣ его хотѣли постричь въ іеромонахи, даже обѣщали въ архи-

мандриты; но онъ отказался и былъ простой монахъ. Въ сѣверо-западную Америку они прибыли, кажется, въ 1794-мъ году, на островъ Кадьякъ, въ гавань Трехъ-Святителей. Вся миссія состояла изъ 12 человѣкъ іеромонаховъ и монаховъ. По прибытіи вскорѣ они построили небольшую деревянную церковь и келіи и назвали монастырь Новый Валаамъ. Въ то время алеуты были всѣ идолопоклонники Шаманской секты, даже людей и дѣтей приносили въ жертву. Всѣ Алеутскіе острова и мысъ Аляска были покорены и присоединены къ Россіи Шелеховымъ и куп. Барановымъ. Но жители были всѣ язычники. Вотъ наши миссіонеры ревностно принялись проповѣдовать слово Божіе, и въ непродолжительное время, лѣтъ черезъ десять, окрестили почти всѣхъ алеутъ и многіе народы на материкѣ. Нѣкоторые изъ миссіонеровъ, двое или трое, пострадали за вѣру, были замучены, или убиты, за то что запрещали много-женство; а другіе умерли. Когда я прибылъ въ Америку на о—въ Ситху въ 1817 г., въ іюлѣ, то изъ всей миссіи оставались: одинъ іеромонахъ Іосафъ, одинъ іеродіаконъ Іона. О. Германъ, какъ я засталъ его, велъ строгую аскетическую жизнь: жилъ особо, версты полторы отъ гавани, на маленькомъ лѣсномъ острову, называемомъ: Еловый островъ, жилъ одинъ. У него были келья, т. е. избушка, огородъ, сѣти, самъ трудился: садилъ картофель и капусту, копалъ гряды, ловилъ рыбу и запасалъ на зиму. Алеуты обоего пола и дѣти часто пріѣзжали къ нему: за совѣтами, съ жалобами на притѣсненія, прося его защиты, и съ разными своими нуждами; иногда они привозили ему рыбу и помогали въ его работахъ. Онъ всегда имъ дѣлалъ разбирательства: мирилъ ихъ, помогалъ чѣмъ могъ. Въ воскресные и

праздничные дни, многіе пріѣзжали къ нему, для молитвы. О. Германъ читалъ часы, Апостолъ, Евангеліе, пѣлъ и поучалъ; дѣтей надѣлялъ сухариками, или пекъ крендельки; дѣти его очень любили, да и онъ любилъ ихъ. Но за то, что онъ многихъ обличалъ въ нетрезвой жизни, въ отвратительныхъ порокахъ и притѣсненіи алеутъ, многіе были ему врагами; дѣлали разные непріятности и клеветали на него — онъ все терпѣлъ и несъ тяжкій крестъ. Я упомянулъ что въ 1817 году я прибылъ въ Америку на о-въ Ситху, гдѣ была главная контора всѣхъ колоній Сѣверо-западной Америки; въ слѣдующемъ году я женился на дочери главнаго правителя всѣхъ Американскихъ Колоній—Баранова и вскорѣ, въ томъ же году, по назначенію начальства занялъ его должность, а г. Барановъ отправился въ Россію. Ситха находится далѣе Кадьяка къ востоку тысячи полторы верстъ—океаномъ. Признаюсь, что о. Германъ и предомною былъ оклеветанъ такъ, что я, не видавши его, уже писалъ на него въ Петербургъ; что мнѣ донесено, что якобы онъ возмущаетъ и возстановляетъ алеутъ противъ начальства. Но въ слѣдующемъ 1819 году я отправился на кораблѣ, для обозрѣнія всѣхъ колоній и въ ноябрѣ мѣсяцѣ прибылъ на о. Кадьякъ; то о. Германъ немедленно явился самъ ко мнѣ. Объяснилъ мнѣ положеніе края, бѣдныхъ алеутъ, ихъ нужды и разные имъ притѣсненія и просилъ моей защиты. Я далъ обѣщаніе все разобрать и что возможно сдѣлать. Итакъ, немедленно занялся дѣломъ, т. е. подробной ревизіей всего: принималъ всѣ жалобы, дѣлалъ разбирательства — дѣла было очень много, такъ что я весь день былъ занятъ. Я приглашалъ о. Германа къ обѣду и къ вечернему чаю, къ семи часамъ вечера. Теперь я долженъ поговорить вамъ о себѣ. Въ то вре-

мя, мнѣ было 30-ть лѣтъ; воспитывался я въ Морскомъ корпусѣ; зналъ многіе науки и много читалъ; но къ сожалѣнію, науку изъ наукъ, т. е. Законъ Божій едва понималъ поверхностно и то теоретически, не применяя къ жизни и былъ только по названію христіаниnъ, а въ душѣ и на дѣлѣ вольнодумъ, деистъ; какъ почти всѣ воспитывающіеся въ корпусахъ и въ казенныхъ заведеніяхъ. Какъ жаль, что не обратятъ на это вниманія: что Законъ Божій преподается вездѣ поверхностно—даже и въ Семинаріяхъ; да и въ самыхъ духовныхъ академіяхъ выходятъ ученики, даже магистры; которые учены очень много; но дѣятельной вѣры въ сердцѣ не имѣютъ; а отъ этого живутъ не по христіански. Тѣмъ болѣе я не признавалъ Божественности и святости нашей религіи, что перечиталъ много безъ Божныхъ сочиненій Вольтера и другихъ философовъ XVIII вѣка. Отецъ Германъ тотчасъ это замѣтилъ и пожелалъ обратить меня. Но это не легко было! Меня нужно было убѣдить, доказать святость нашей религіи; а потому много требовалось времени, знанія и умѣнья хорошо и убѣдительно говорить. Къ великому моему удивленію, простой необразованный монахъ о. Германъ, вдохновляемый благодатію такъ умно, сильно и убѣдительно говорилъ и доказывалъ, что никакая ученость и земная мудрость не могла устоять! Дѣйствительно, о. Германъ имѣлъ великій природный умъ, здравый смыслъ, много начитанъ духовныхъ отеческихъ книгъ; а главное имѣлъ благодать Божію! Но какъ въ короткій зимній день я не имѣлъ совершенно времени съ нимъ заниматься; то онъ каждый день приходилъ ко мнѣ, къ вечернему чаю, а иногда и къ обѣду и мы до полночи, а иногда и за полночь, съ нимъ бесѣдовали; ночевать онъ

никогда не оставался; ни дождь, ни мятель, ни буря не удерживали ревностнаго старца посѣщать меня и вполночь одному возвращаться домой за полъ версты! Онъ въ ветхой ряскѣ безъ шубы являлся ко мнѣ каждый день, постоянно, я согрѣвалъ его чаемъ и мы бесѣдовали съ нимъ безъ умолку: о любви Божіей, о вѣчности, о спасеніи души, о христіанской жизни и проч. Сладкая рѣчь неумолкаемымъ, увлекаемымъ потокомъ лилась изъ устъ его! Потомъ въ полночь, или за полночь, старецъ одинъ съ палочкой шелъ домой—во всякую бурю и холодъ; никто его не провожалъ по скользкому каменистому пути; но его провожали Ангелы и поддерживали: „Яко Ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ“! А согрѣвала его христіанская любовь, которою онъ былъ проникнутъ для спасенія ближняго. Такими постоянными бесѣдами и молитвами святаго старца Господь совершенно обратилъ меня на путь истинный и я сдѣлался настоящимъ христіаниномъ. Всѣмъ этимъ я обязанъ отцу Герману, онъ мой истинный благодѣтель!—Во время пребыванія моего на о-вѣ Кадьякѣ туда завезена была заразительная повальная смертная болѣзнь, или язва; которая начиналась жаромъ, сильнымъ насморкомъ, кашлемъ, удушьемъ, оканчивалась колотьемъ, въ три дня человѣкъ умиралъ! Ни доктора, ни лекарствъ тамъ не было; болѣзнь быстро распространилась по всему селенію и скоро перешла на всѣ близлежащія селенія. Ревностный старецъ о. Германъ неутомимо съ великимъ самоотверженіемъ посѣщалъ больныхъ, не щадя себя, какъ духовный, увѣщалъ терпѣть, молиться, приносить покаяніе и приготовлялъ къ смерти. Я, по обязанности начальника и по состраданію—каждый день посѣщалъ всѣхъ, принималъ всевозможные мѣры: подавалъ совѣты,

поилъ чаемъ, бузиной или ромашкой, что случалось, раздавалъ пищу—многимъ помогало теплое питье; но многіе умирали. Зараза дѣйствовала на всѣхъ, даже и на грудныхъ дѣтей. Мое семейство: жена и грудное дитя—тоже были больны, какъ и я самъ. Смертность такъ была велика, что три дня не было людей копать могилы и тѣла валялись незарытыми! Хорошо что были морозы. то запаху не было. Я не могу представить ничего печальнѣе и ужаснѣе того зрѣлища, которымъ я пораженъ былъ, посѣтивши алеутскій кажимъ! Это большой сарай, или казарма съ нарами, въ которомъ живутъ алеуты со своими семьями. Въ немъ помѣщалось всего до сту человѣкъ; я обошелъ всѣхъ, разговаривалъ, спрашивалъ, совѣтовалъ, ободрялъ, утѣшалъ: нѣкоторые лежали уже умершіе, остывшіе, подлѣ живыхъ; другіе кончались: стонъ, вопль, раздирающій сердце. Я видѣлъ матерей уже умершихъ, на охладѣвшихъ грудяхъ которыхъ ползало голодное дитя, съ воплемъ, стараясь найдти себѣ пищу—но тщетно! Кровью обливалось мое сердце отъ жалости видѣвши поражающую ужасомъ—эту печальную картину смерти. Нѣтъ кисти, достойной изобразить ее, для напоминанія тѣмъ, которые безпечно утопаютъ въ роскоши, забывая о смерти!“ Наконецъ я и самъ занемогъ и готовился умереть; но милосердый Богъ еще помиловалъ меня! На ночь я напился бузины, укрылся и пропотѣлъ—мнѣ стало лучше. Кажется что только одинъ о. Германъ не былъ боленъ; а то всѣ рѣшительно и изъ всѣхъ третія часть умерло! Когда видимо зараза и смертность стала уменьшаться и я покончилъ уже всѣ свои дѣла; то поспѣшилъ отправиться въ Ситху, въ портъ Ново-Архангельскъ, гдѣ имѣлъ постоянное пребываніе, и гдѣ меня ожидало много важ-

нѣйшихъ дѣлъ по службѣ. Я простился съ почтеннымъ о. Германомъ, уже какъ съ другомъ, моимъ наставникомъ, благодѣтелемъ! Просилъ его молитвъ, и отправился. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ уже отправилъ одного морского капитана изъ лютеранской вѣры, г. Г... Этотъ капитанъ былъ весьма образованъ; кромѣ многихъ наукъ, зналъ языки; кромѣ русскаго, нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій и нѣсколько испанскій и былъ много начитанъ, но со всѣмъ тѣмъ не могъ устоять противъ убѣжденій и доказательствъ о. Германа: онъ перемѣнилъ свою вѣру въ православную и принялъ мѵропомазаніе. Когда онъ отъѣзжалъ, то прощаясь старецъ сказалъ ему: Смотрите, если эта супруга умретъ у васъ, то вы никакъ не женитесь на нѣмкѣ; если женитесь на нѣмкѣ; то она непремѣнно увлечетъ васъ изъ православія! Онъ далъ ему обѣщаніе; но не исполнилъ. Прозорливый старецъ предърекъ ему. Черезъ нѣсколько лѣтъ умерла его жена—и онъ женился на нѣмкѣ; вѣроятно оставилъ или ослабилъ русскую вѣру.—Онъ умеръ скоропостижно безъ покаянія. Старецъ такъ былъ уменъ духовною мудростью: что одинъ разъ пригласили его обѣдать на фрегатъ, пришедшій изъ С.-Петербурга съ капитаномъ Г., посланнымъ по Высочайшему повелѣнію для обревизованія всѣхъ колоній. Капитанъ Г. весьма умный, высокообразованный и съ нимъ до 25 офицеровъ лучшіе выбранные изъ всего флота, всѣ хорошо образованные и ученые. И въ такомъ обществѣ образованныхъ людей, съ ними за столомъ сидѣлъ небольшаго роста, въ ветхой одеждѣ, неученый простой монахъ; который всѣхъ ихъ закидалъ вопросами, поставилъ ихъ въ тупикъ; они не знали что отвѣчать! Мнѣ самъ капитанъ Г. это разсказывалъ: „мы были безъ отвѣтны—дураки предъ

нимъ!“ Онъ задалъ имъ вопросъ: что вы лучше и болѣе всего любите, что бы вы желали для вашего счастія?— На этотъ вопросъ пошли разные отвѣты и желанія: кто желалъ богатства, кто славы, кто красавицу жену, кто прекрасный корабль на которомъ бы онъ плавалъ и многіе другіе. Отецъ Германъ сказалъ: не правда-ли, что изъ всѣхъ вашихъ разно-образныхъ отвѣтовъ и желаній можно вывести одинъ: Всякій изъ васъ господа желаетъ того, что онъ почитаетъ лучшимъ и болѣе всего любимымъ?—Всѣ отвѣчали: такъ. Тогда онъ сказалъ имъ: Чтожъ можетъ быть лучше, выше всего, достойнѣе любви и превосходнѣе всего, какъ самого Бога Іисуса Христа, который небеса сотворилъ и все украсилъ, всему далъ жизнь, все содержитъ, все питаетъ, все любитъ; который есть самъ любовь—прекраснѣе всѣхъ человѣковъ!—Не должно ли превыше всего любить Бога, болѣе всего желать Его и искать его? Всѣ отвѣчали: конечно мы любимъ Бога, какъ же не любить Бога. Тогда онъ, воздохнувъ и уронивъ слезу, сказалъ: а я грѣшный болѣе сорока лѣтъ учусь какъ любить Бога, и не могу сказать, что совершенно люблю Его! И доказалъ имъ какъ должно любить Бога: что если мы кого любимъ: то всегда помнимъ его, стараемся угодить ему день и ночь, наше сердце и умъ заняты тѣмъ предметомъ кого мы любимъ. Такъ-ли вы господа любите Бога? Часто-ли обращаетесь къ нему, всегда-ли помните Его, всегда-ли молитесь и исполняете волю Его, святыя заповѣди?—Должны были признаться что нѣтъ!— Для нашего блага, для нашего счастія, сказалъ онъ, покрайней мѣрѣ дадимъ себѣ обѣтъ: чтобъ отъ сего дня, отъ сего часа, отъ сей минуты: мы будемъ стараться любить Бога превыше всего и исполнять его заповѣди! Вотъ какой умный и прекрасный разговоръ въ

обществѣ, который долженъ запечатлѣться въ сердцахъ слушающихъ на всю жизнь! — Однажды я спросилъ его: какъ вы о. Германъ живете на острову, одинъ въ лѣсу? Какъ не соскучитесь? — Онъ отвѣчалъ: нѣтъ я не одинъ; тамъ есть Богъ, какъ и вездѣ есть Богъ— тамъ есть святые Ангелы. И можно-ли соскучиться? Съ кѣмъ лучше и пріятнѣе бесѣда—съ людьми или съ Ангелами? Конечно съ Ангелами! Мнѣ сказывали другіе, что зимою видѣли около его медвѣдей—онъ ихъ кормитъ и потомъ они уходятъ. Должно замѣтить, что на содержаніе монаховъ и прочихъ русскихъ служащихъ отпускается хлѣбъ изъ магазиновъ Американской компаніи; но иногда хлѣба нѣтъ. Тамъ хлѣбъ не сѣютъ и не родится, а привозятъ аржаной изъ Иркутска за 10 тысячъ верстъ, отъ того ржаная мука тамъ 12 руб. ассигн. пудъ; или пшеницу привозятъ изъ Калифорніи — за двѣ тысячи верстъ и пшеничная мука 5 руб. асс. пудъ; но иногда корабль разобьется, или опоздаетъ; то терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ; а потому тамъ ѣдятъ рыбу, которой лѣтомъ великое множество, разныхъ сортовъ; кромѣ того ѣдятъ мясо всѣхъ морскихъ звѣрей, какъ-то: сивучей, тюленей, бобровъ и морскіе ракушки. О. Германъ когда у меня обѣдалъ, то кушалъ предлагаемое: т. е. скоромный супъ съ говядиной, или съ курицей, мяса никогда не ѣлъ; а только бульонъ, жижу и картофель. Тогда я и не зналъ, что монахи не ѣдятъ мяса; но онъ однажды самъ мнѣ сказалъ: Я думаю, вы удивляетесь, что я мясное ѣмъ? Когда я сказалъ: нѣтъ не удивляюсь, то онъ мнѣ сказалъ самъ: монахамъ запрещено мясо и мясное; но здѣсь по скудности и голодности края, въ которомъ нѣтъ и хлѣба—Синодомъ разрѣшено намъ монахамъ ѣсть мясо. — Онъ старался всѣхъ мирить, особ-

ливо въ семействахъ возстановлялъ миръ, есть ли же не удавалось помирить; то на нѣкоторое время разлучалъ мужа съ женою—это онъ мнѣ самъ говорилъ: лучше пусть живутъ въ розь — да не дерутся, не бранятся, а то если не развести; то были примѣры, что мужъ убивалъ жену, или жена изводила мужа! Мнѣ кажется, что это правило не худо бы и у насъ имѣть; потому что жестокіе наши крестьяне, особливо пьяные, забиваютъ, увѣчатъ своихъ женъ. Это я знаю, какъ помѣщикъ. О. Германъ очень любилъ дѣтей и ласкалъ ихъ. Маленькаго годовалаго тогда моего сына Александра, который теперь іеромонахъ Христофоръ—всегда нянчилъ на рукахъ и утѣшалъ его, такъ что дитя охотно шло къ нему. Онъ мнѣ сказалъ: Вы собираетесь въ Россію, въ Питербургъ — не везите туда жену вашу, которая здѣсь родилась, невидала большаго свѣта, ни его плѣнительной роскоши, ни его соблазновъ и пороковъ; а лучше оставьте ея, у вашей матери, въ Малороссіи, пока сами по дѣламъ поѣдете въ Питербургъ!—Я далъ обѣщаніе, но не исполнилъ. Она низачто не пожелала безъ меня остаться — я взялъ ея и черезъ годъ ея лишился: она умерла въ Питербургѣ. Онъ и меня уговаривалъ остаться на всегда въ Америкѣ; но я уже просилъ себѣ преемника. Въ 1821 году я оставилъ Америку. Продолжаю далѣе объ о. Германѣ: я имѣлъ отъ него всего кажется четыре письма; да и нельзя болѣе; потому что отъ нихъ изъ Кадьяка получалась почта только одинъ разъ въ годъ. Но сохранились только эти два письма. Одно я получилъ въ Ситхѣ; въ отвѣтъ на мое письмо; и второе въ Ситхѣ же. Было еще письмо, полученное въ С.-Петербургѣ; но затерялось. Итакъ эти только два письма прилагаю. Послѣ меня на о. Германа еще были великія на-

падки и гонепія—такъ онъ до конца несъ крестъ. Мнѣ писали: что послѣ меня туда присланъ былъ изъ Иркутска священникъ, съ большимъ полномочіемъ отъ архіерея, который іеромонаха Іосафа выслалъ въ Иркутскъ; іеродіаконъ уже умеръ; о. Германа тѣснилъ, описалъ и отобралъ все его имущество, котораго оказалось на восемь тысячъ рублей ассигнаціями. Эти деньги и вещи собираемы были для построенія новой церкви, для возобновленія всего обветшавшаго строенія; онъ лично самъ мнѣ сказывалъ, что собираетъ и хранитъ у себя, а недобрые люди приписали это къ его корыстолюбію. Но этого не можетъ быть. Правда что онъ не отказывался принимать приношеній: пищу, деньги и другія вещи; но много раздавалъ неимущимъ, а деньги собиралъ для возобновленія монастыря. Самъ онъ былъ одѣтъ: безъ рубашки, по голому тѣлу надѣта оленья кухлянка, въ родѣ рубашки, которую, онъ мнѣ самъ сказывалъ, восемь лѣтъ не сымалъ и не перемѣнялъ; слѣдовательно, шерсть уже подопрѣла и вытерлась, а кожа вся засалилась, кромѣ того порты холщевые, сапоги, или башмаки, подрясникъ, и ветхая полинялая ряска, во многихъ мѣстахъ зашитая рубцами и латками, и клобукъ. Въ этой одеждѣ онъ всегда приходилъ ко мнѣ во всякую погоду: въ дождь, мятель, въ бурю и холодъ! Что значитъ христіанская любовь; не то что мірская! Чего онъ ожидалъ отъ меня, чего искалъ? Только желалъ спасти овцу заблуждшую! Да помянетъ его Господь во царствіи Своемъ; и да внидетъ онъ въ радость Господа своего! И такъ, пріѣхавшій священникъ надѣлалъ ему много огорченій и грубостей, хотѣлъ и его отправить въ Иркутскъ; но преемникъ мой не позволилъ ему этого и защитилъ старца. Онъ послѣ многихъ трудовъ и великихъ скорбей тамъ же на о. Кадьякѣ мирно отошелъ

ко Господу въ 1825 г., мѣсяца не помню. Онъ былъ роста небольшаго, лице круглое, пріятное, радостное, съ улыбочкой, рѣчь не громкая, весьма пріятная, увлекательная и всегда поучительная, полезная; онъ былъ словоохотливъ, говорилъ умно, дѣльно, назидательно; болѣе всего: о вѣчности, о спасеніи, о будущей жизни, о чудесахъ Божіихъ, о святыхъ угодникахъ,—никогда ничего пустого не говорилъ; много разсказывалъ изъ житій, изъ пролога. — Такъ пріятно было его слушать, и простые алеуты и женщины очень любили слушать его. На головѣ было мало сѣдыхъ волосъ и борода небольшая, лице блѣдное, покрытое морщинами, глаза сѣро-голубые, исполненные блеска. Ему было тогда отъ роду 65 лѣтъ, а скончался 70 лѣтъ. Онъ полюбилъ меня какъ сына, такъ радовался о моемъ обращеніи къ познанію истины. Однажды я прочелъ ему наизусть оду Богъ, Державина. Онъ удивился, восхитился, и просилъ еще прочесть, я повторилъ; то онъ спросилъ: неужели это простой ученый писалъ? Я сказалъ: да, ученый поэтъ. Онъ сказалъ, что это по вдохновенію Божію писано! — Однажды я росказалъ ему: какъ испанцы въ Калифорніи захватили въ плѣнъ нашихъ 14 человѣкъ алеутъ и іезуиты замучили одного алеута, принуждая ихъ всѣхъ принять католическую вѣру, на что алеуты никакъ не соглашались, отвѣчая: мы христіане, мы крещены и показывали имъ кресты на шеяхъ. Но іезуиты возражали: нѣтъ вы еретики схизматики, если не согласитесь принять католическую вѣру; то мы васъ замучимъ. И оставили ихъ по двое въ темницѣ до вечера на размышленіе. Вечеромъ пришли съ фонаремъ и зажженными свѣчами и начали опять убѣждать ихъ къ принятію католической вѣры. Но алеуты проникнутые благодатію — твердо и рѣшительно отвѣчали, что мы христіане и не

перемѣнимъ своей вѣры. Тогда эти фанатики приступили ихъ мучить; сперва одного, а другой былъ свидѣтелемъ. Они сперва отрѣзали по одному составу у пальцевъ на ногахъ; потомъ по другому—тотъ все терпѣлъ, только и говорилъ: я христіанинъ и не измѣню своей вѣры. Потомъ на рукахъ отрѣзали по одному составу у каждаго пальца; потомъ по другому; потомъ отрубили ступни ногъ, потомъ кисти рукъ—кровь лилась; но мученикъ до конца терпѣлъ и неизмѣнно одно твердилъ и съ такою вѣрою, отъ истеченія крови—скончался! Они на другой день хотѣли было мучить и другихъ; но въ эту же ночь было получено изъ Монтерея повелѣніе: чтобъ всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ рускихъ алеутъ немедленно прислать за конвоемъ въ Монтерей; а потому они утромъ, всѣ, кромѣ скончавшагося, отправлены. Это росказывалъ мнѣ самовидецъ алеутъ, товарищъ замученнаго; въ послѣдствіи бѣжавшій изъ плѣна. Объ этомъ я тогда же донесъ въ Главное Правленіе въ С.-Петербургъ. Когда я окончилъ свой росказъ, то о. Германъ спросилъ: а какъ звали этого замученнаго алеута? Я отвѣчалъ—Петръ; а фамиліи не припомню. Тогда онъ всталъ передъ образомъ, благоговѣйно перекрестился и произнесъ эти слова: святый ново-мученикъ Петръ моли Бога о насъ!

Оканчиваю мое повѣствованіе о моемъ любимомъ старцѣ и наставникѣ отцѣ Германѣ. Написалъ какъ могъ; или какъ Господь внушилъ и помогъ мнѣ; но я отъ души старался получше и повѣрнѣе составить это краткое описаніе достойнаго старца! Кое гдѣ не такъ складно—простите! Какъ умѣлъ. Я болѣзненный, слабый старецъ—77-й годъ мнѣ—стою на краю могилы; почему знать: можетъ быть Господь и жизнь мою долготерпѣлъ, чтобъ передать свѣдѣнія о жизни святаго старца. (Подпись).

№ 4.

Подлинное, собственноручное письмо отца Германа къ Семену Ивановичу Яновскому, отъ 20 іюня 1820 года.—На письмѣ помѣтка рукою Яновскаго; „Получено въ Ситхѣ, 1820 года въ Іюлѣ“.

Ваше Благородіе
Милостивый Государь
Семенъ Ивановичь.

Благосклонное пріятное и милостивое ваше писаніе слюбопытными известіями и при немъ посылку имелъ честь получить приношу всеусердную благодарность а более платить нечимъ, Благодарю Всемогущаго Бога сохранившаго ваше здравіе, и отъ всехъ печальныхъ приключеній на земли и на мори покрывающаго, но того неисчетными мерами еще более путь истины показующаго, по коему слѣдуя достигнемъ вечной радости, а темъ исполняя долгъ нашего бытія исполнимъ волю нашего творца, произведшаго насъ единственно на сей толко конецъ.

Уверядъ я себя прежде личнаго вашего со мною—убогимъ свиданья какъ были вы комне благосклонны—такъ нелишите того и впредь, и всамомъ деле ны-

не вы по кротости своей, негнушаясь моего недостоинства показали болѣе и более компе убогому смиренную и человеколюбивую ласковость, такъ и я делаюсь более и более предвами дерзновеннее, надѣясь что вы напростоту мою и грубость нестолько не прогневаетесь но и примете велико-душно, не санъ я учителя восхищая но для ползы ближняго долгъ мой и обязанность рабо-лепно исполняя, мои мненія основанныя на повеленіяхъ священнаго писанія, жаждущему и ищущему, вечнаго небеснаго своего отечества скажу,

Истиннаго христіанина делаютъ вѣра и любовь ко Христу, грехи наши нимало христіанству не препятствуютъ по слову—самого Спасителя, онъ изволилъ сказать, не праведныя пріидохъ призвати но грешныя спасти, радость бываетъ на небеси о единомъ кающемся более нежели о девятидесяти праведникахъ, также и о блюднице прикасающейся кногамъ его кфарисею Симону изволилъ говорить, имеющему любовь многой долгъ прощается, а неимеющаго любви и малой взыскивается, сими разсужденіями христіанинъ долженъ приводить себя внадежду и радость и отнюдь не внимать наносимому отчаянію—тутъ нуженъ щитъ веры,

Грехъ любящему Бога ничто иное по какъ стрѣла отнепріятеля на сраженіи, истинной христіанинъ есть воинъ, продирающейся сквозь полки невидимаго врага къ небесному своему отечеству по апостолскому слову отечество наше на небесехъ, а о воине говоритъ несть наше брань кплоти и крови но кначаломъ и ковластемъ,

Пустыя века сего желанія удаляютъ отъ отечества, любовь ктемъ и привычка одеваютъ душу нашу какъ будто вгнусное платье, оно названо отъ апостоловъ внешней человекъ, мы странствуя впутешествіи сей жизни призывая

Бога впомощь должны гнусности той совлекатся, а одеватся вновыя желанія, вновую любовь будущаго вѣка, и чрезъ то узнавать наше кнебесному отечеству или приближеніе или удаленіе, но скоро (но скоро) сего зделать не возможно, а должно следовать примеру болныхъ кои желая любезнаго здаровья не оставляютъ изыскивать средствъ для излеченія себя, я говорю неясно весма тороплюсь время непозволяетъ, но надеюсь что вы сами остротою вашего разума и пламенеющимъ желаніемъ клюбезному небесному отечеству, нетолко себе но и другимъ можете открыть путь ко святой истинне,

Теперь буду говорить о делахъ другаго сорту.

По отбытіи вашемъ отъ Кадьяка, Божіимъ гневомъ. или святымъ его промысломъ внашу ползу, при васъ бывшее поветріе, еще несколко продолжалось, многихъ молодыхъ женщинъ жизнь прекратя оставила детей сиротами, между коими и кума Леонтья Андреяновича и Анны Александровной, Христофора служащаго при церкви жена, а моя бывшая дочка пятерыхъ малолетныхъ оставила детей, слава судбамъ святымъ милостиваго Бога, онъ непостижимымъ своимъ промысломъ показалъ мне ныне новое явленіе чего здесь на Кадьяке я дватцать пять летъ живши невидалъ, ныне после пасхи одна молодая женщина не более дватцети летъ, порусски хорошо говорить умеющая прежде совсемъ меня незнавшая и никогда невидавшая, пришла ко мне и услыхала о воплощеніи сына Божія, и о вечной жизни, столко возгорела любовію ко Іисусу Христу, что никакъ не хочетъ отъ меня отойти, но силною прозбою убедила меня противъ моей склонности и любви ко уединенію, несмотря ни на какія предлагаемыя ей отъ

меня препятствія и трудности, принять ее, и более уже месеца у меня живетъ и нескучаетъ, я свелпкимъ удивленіемъ, смотря на сіе, поминаю спасителево што утаено отъ премудрыхъ и разумныхъ, то открыто младенцемъ а на нее глядя есть уже и другіе охотницы, но затемъ толко дело, нетъ у меня силъ построить для нихъ какое нибудь особливо жилище, многіе есть также охотники изъ молодыхъ мужескаго полу но нетъ места,

Еремей живущей вкатмае былъ у меня здетми, и стоеномъ отъ коего будтобы была на Ерему жалоба къ Епифанову во обидахъ, но тотъ тоенъ самъ былъ прежде у рускихъ толмачемъ и мне лично сказывалъ, что то на него сказано Епифанову позлобе на Ерему отъ нынешняго толмача напрасно, а о бабрахъ Ерема самъ мнѣ сказывалъ, что было отъ него Ершеву отдано 680 а отъ Ершева Епифанову здано 300 да и всамомъ деле столко летъ у разныхъ байдарщиковъ былъ веренъ за то и медаль отъ Лександра Андревича получилъ и ныне противъ товаровъ компанейскихъ бобры были излишніе, а толко при Ершеве былъ недостатокъ и столь много кудыжъ ему девать, кажется явная лошъ,

Писмо ввоаламъ когда будетъ возможно благолите отослать

Прощай прощай милостивой нашъ благодетель, более писать время не позволяеть, извинитежъ что худо писано, поверте и то едва кой какъ спревеликою нуждею, глаза совсемъ почти отказываются отъ службы, а за милость и благодѣяніе ваше извините платить нечемъ кромѣ одного благодаренія вообще стоварищемъ Іоасафомъ мы ваши благотворныя милости принимаемъ не толко счув-

ствомъ но и со удивленіемъ и со вседушевною благодарностію остаюсь,

Вашего Благородія
Покорный слуга
Убогій Германъ.

Благородной и любезной Барыне Анне Александровной іслюбезнымъ сынкомъ Александромъ Семеновичемъ приношу мое почтеніе убогій Германъ.

А присемъ прошу засвидѣтельствовать и Кириле Тимофеевичу мое почтеніе.

ч: 20-е іюнь
1820-го года
Новый валамъ.

№ 5.

Списанная въ Валаамскомъ монастырѣ копія съ письма отца Германа къ Семену Ивановичу Яновскому, отъ 28-го декабря 1818 года.—Помѣтка: Получено въ Ситхѣ 1819 года.

Ваше Благородіе
Милостивый Государь
Семенъ Ивановичъ!

Какъ свойственно благотворнымъ душамъ изливать вездѣ свои добродѣтели, такъ вы невидавши и отнюдь незнавши кромѣ разве какихъ нибудь слуховъ, меня убогаго и весьма мало или ничего незначущаго, не возгнушались столь благорасположительнымъ своимъ писаніемъ удостоить посѣщенія, за которое по долгу возблагодарить я средствъ не имѣю, но для изъявленія сильнымъ удивленіемъ пораженнаго чувства, простыми только словами осмѣлюсь сказать всеусердно приношу мою благодарность, купно же со вступленіемъ вами въ должность всепочтеннѣише приношу мое поздравленіе дай Боже корабля сего кормило держать вамъ незыблемо.

А какъ вы сами изволили открыть мнѣ къ вамъ путь смѣлости и дерзновенія, теперь уже въ надѣждѣ на ваше великодушіе говорить буду.

Любезному нашему отечеству Творецъ какъ будто новорожденнаго младенца дать изволилъ край сей, который еще неимѣетъ ни силъ къ какимъ нибудь познаніямъ, ни смысла, требуетъ не только покровительства, но по безсилію своему и слабаго ради младенческаго возраста самаго поддерживанія; но и о томъ самомъ неимѣетъ онъ еще способности къ кому либо здѣлать свою прозьбу; а какъ зависимость сего народнаго блага небеснымъ провидѣніемъ неизвѣстно до какого то времени отдана въ руки находящемуся здесь Россійскому начальству которое теперь вручилось вашей власти: сего ради

Я нижайшій слуга здѣшнихъ народовъ и нянька отъ лица тѣхъ предъ вами ставши кровавыми слезами пишу вамъ мою просьбу, Будте намъ отецъ и покровитель, мы всеконечно краснорѣчія незнаемъ, но съ немотою младенческимъ языкомъ говоримъ, отрите слезы беззащитныхъ сиротъ, прохладите жаромъ печали тающіе сердца, дайте разумѣть что значитъ отрада.

Милостивейшій Государь въ семъ маломъ изображеніи вы тонкостію вашего разума и проницательнымъ вниманіемъ сами можете пространство и обширность народныхъ горестей съискать. Мы остаемся въ ожиданіи какое Творецъ изліетъ благоволеніе вашему сердцу на участь бедныхъ. однако—болѣе въ надеждѣ отъ новаго нашего господина новыхъ милостей новыхъ радостей, вообще всему здешнему краю новаго оживотворенія, взаимно благодарныя молчаливыя вздохи, восхитительныя радостныя восклицанія проникши облака возлетятъ къ престолу всемогущаго царя со испрошеніемъ вамъ нашему милостивому отцу и благодѣтелю при всемъ благополучіи продолженія дней, и полученія вѣчныхъ благъ.

А я въ последнихъ последнейшій увѣряю себя что вы какъ на первый случай, еще мое убожество невидавши изволили оказать толь великую благосклонность такъ и впредь того не исключитѣ, въ надеждѣ сего

и остаюсь Вашего Благородія
Милостиваго моего Государя
Покорный слуга
убогій Германъ.

ч. 28 Декабря
1818 года.

№ 6.

Изъ письма С. И. Яновскаго Игумену Дамаскину, отъ 3-го сентября 1866 года.—На письмѣ помѣтка: „№ 181.—Въ Монастырѣ получено 18-го сентября 1866 года".

Достопочтеннѣйшій и душею уважаемый Отецъ Дамаскинъ!

При всей моей немощи, за ваши святыя молитвы, Господь помогъ мнѣ нарисовать двѣ картинки. Одна изъ нихъ представляетъ мѣсто уединенной жизни о. Германа. За ваши святыя молитвы, Господь оживилъ мою память, и возобновилъ воспоминаніе: я нарисовалъ на Еловомъ острову, въ лѣсу келію о. Германа, недалеко нарисована часовня, въ которой, по воскресеніямъ и праздникамъ, о. Германъ служилъ обѣдницы или читалъ часы, Евангеліе, Апостолъ и поученія: для посѣщающихъ его обоего пола алеутъ и русскихъ, такъ-же дѣтей; которыхъ онъ очень любилъ и иногда дарилъ имъ своего печенія: крендельки и пряники. Другая картинка представляетъ видъ Трехъ-Святительской гавани и всего селенія, гдѣ представленъ видъ монастыря, или церкви. Усердія моего было много; ко совсѣмъ тѣмъ, вы не найдете тутъ большаго искуства и тщательной отдѣлки. Глаза у меня

слабы, я вижу только однимъ глазомъ, да и тотъ слабъ, и руки не тверды и вообще часто посѣщаютъ болѣзни; довольно что эти рисунки представляютъ похожую по воспоминаніямъ мѣстность. Подлинно, только за ваши святыя молитвы Господь, умудряющій слѣпцы,—помогъ мнѣ въ такой преклонной старости исполнить это безъ всякой сторонней помощи и поправки; чему я и самъ дивлюсь.—Чтобы лучше было можно видѣть и понимать мѣстность; то къ рисункамъ приложены описанія.

(Подпись)

№ 7.

Описаніе острова Кадьяка, сдѣланное С. Яновскимъ.—(Къ предъидущему письму).

Островъ Кадьякъ лежитъ къ востоку отъ полу-острова Аляски; онъ простирается въ длину отъ сѣвера къ югу болѣе нежели на сто верстъ и въ ширину отъ востока на западъ—отъ 80 до 100 верстъ. Гористъ, покрытъ лѣсомъ; но есть хорошіе долины изобильные пастьбищами; на немъ разведено болѣе пятидесяти штукъ рогатаго скота. Хлѣбъ неродится ни какой; отъ влажной погоды; но огородная овощь; какъ-то: картофель, рѣпа, капуста и морковъ родится хорошо. Островъ Кадьякъ обитаемъ алеутами: которые окрещены всѣ въ христіанскую вѣру. Въ первый разъ, изъ русскихъ, Кадьякъ занятъ былъ купцами Шелеховымъ и Барановымъ — въ концѣ прошлаго столѣтія. Они на юго-восточной сторонѣ острова открыли прекрасную гавань, заселили ея и назвали гавань Трехъ-Святителей; потому что въ этотъ день была открыта. Въ послѣдствіи, прислана была духовная миссія и построенъ монастырь, который былъ названъ Новый Валаамъ; а церковъ во имя Трехъ-Святителей. Гавань Трехъ-Святителей весьма спокойна

для стоянки; отъ волненія закрыта островами. Въ концѣ 1819 года, сюда завезено было изъ Ситхи страшное моровое повѣтріе, истребившее осьмую долю народа. Здѣсь была прежде главная контора Россійско-Американской Компаніи, которая въ 1807 году переведена г. Барановымъ на островъ Ситху, въ крѣпость Ново-Архангельскъ; это около 1,500 верстъ отъ Кадьяка къ востоку. На о-вѣ Кадьякѣ ловится много лисицъ, добывается много рѣчныхъ бобровъ и нѣсколько выдръ; а морскіе бобры рѣдки. Климатъ умѣренный. (Подпись).

№ 8.

Письмо Высокопреосвященнаго Петра, Епископа Новоархангельскаго, Викарія Камчатской Епархіи, отъ 12-го мая 1866 года, къ Игумену Дамаскину. — Помѣтка на письмѣ: „№ 190. Въ Монастырѣ получено 4-го октября 1866 года“.

Ваше Высокопреподобіе,
Достопочтеннѣйшій Отецъ Игуменъ!

Посланныя вами при писмѣ отъ 25 октября 1864 года описаніе Валаамскаго Монастыря и собраніе видовъ мѣстностей Валаама въ 2-хъ экземплярахъ я получилъ 29 октября 1865 г. Покорнѣйше благодарю васъ за этотъ даръ. Описаніе Монастыря, особенно жизнь и ученіе старцевъ Валаамскихъ я читалъ съ большимъ удовольствіемъ и назиданіемъ. Экземпляръ описанія и собранія видовъ нынѣ лѣтомъ будетъ препровожденъ въ Благовѣщенскъ на Амуръ къ Его Высокопреосвященству, Архіепископу Иннокентію; раньше этого времени не было случая послать; потому что отъ насъ корабль плаваетъ къ восточному берегу Сибири только одинъ разъ въ годъ лѣтомъ.

Вы просите доставить вамъ біографію старца отца Германа, подвизавшагося на Еловомъ островѣ близъ

Кадьяка. Въ 1860 г., точно, я поручалъ креолу Герасиму Зыранову написать мнѣ все, что онъ знаетъ объ отцѣ Германѣ. Но онъ, къ сожалѣнію, ничего особеннаго не сообщилъ мнѣ, написалъ очень мало, — съ пол-листа. Эту запись я отдалъ Кадьякскому Священнику съ порученіемъ дополнить ее свѣдѣніями, какія можетъ собрать отъ старыхъ людей, которые ближе знали отца Германа; нѣсколько разъ напоминалъ я ему—скорѣе доставить мнѣ эти свѣдѣнія; но и доселѣ ничего не получилъ, да и надежды нѣтъ — получить полныя свѣдѣнія. Впрочемъ, если получу что-нибудь дѣльное, то постараюсь послать вамъ. Я слышалъ, что отецъ Германъ, по прекращеніи миссіи, заботился особенно объ устройствѣ училища, въ которомъ подъ наблюденіемъ благонравной женщины обучались грамотѣ алеутскія дѣвочки-сироты. Отецъ Германъ что пріобрѣталъ своими трудами, все то употреблялъ на пропитаніе, одежду для дѣвочекъ, на книги для нихъ, самъ училъ ихъ церковному пѣнію, благонравію. Но въ послѣдніе годы онъ велъ жизнь болѣе сокровенную, совершенно уединенную въ своей маленькой кельѣ не очень далеко отъ часовни, при которой жили семейства три, гдѣ было и училище. Въ свою келью онъ вовсе никогда никого не принималъ, чѣмъ онъ занимался, это одинъ Богъ знаетъ. Лѣтомъ онъ около своей кельи самъ обдѣлывалъ гряды, удобрялъ морскою капустою, которую собиралъ на берегу моря, сажалъ преимущественно картофель. Вотъ, кажется, и все его внѣшнее дѣло! А главное его дѣло было упражненіе въ духовныхъ подвигахъ въ уединенной кельѣ, гдѣ никто не видѣлъ, что онъ дѣлалъ, только внѣ кельи слышали, что онъ пѣлъ,—совершалъ Богослуженіе по монашескому правилу. Отъ многихъ я слышалъ, что онъ имѣлъ

отъ Бога и даръ прозорливости, предвѣдѣнія; напр. предсказывалъ, что въ Америкѣ будетъ свой Архіерей, тогда какъ объ этомъ никто и не думалъ, да и надежды не было, чтобы въ Америкѣ былъ свой Архіерей; также предвидѣлъ и предсказалъ время своей смерти и обстоятельства ея, — говорилъ: я скоро умру, вы священника не дожидайтесь, да и не дождетесь его, а похороните меня въ свое время". Когда онъ померъ, то подулъ сильный вѣтеръ съ дождемъ, при которомъ не было никакой возможности плыть съ Еловаго острова въ Павловскую гавань для приглашенія священника на погребеніе; (плыть нужно часа два или три на легкой байдаркѣ чрезъ проливъ довольно широкій). Вѣтеръ непрерывно дулъ 12 дней, и жители о. Еловаго принуждены были сами безъ священника похоронить отца Германа. какъ онъ предсказалъ. Вообще всѣ мѣстные жители имѣютъ благоговѣйное уваженіе къ отцу Герману, какъ святому подвижнику, вполнѣ увѣрены въ его богоугодности.

Желая вамъ отъ Господа всѣхъ благъ, и покорнѣйше испрашивая вашихъ святыхъ молитвъ, остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію

Вашего Высокопреподобія
покорнѣйшимъ слугой
Петръ, епископъ Новоархангельскій,
Викарій Камчатской Епархіи.

12-го маія 1866 года.
Ост. Ситха.

№ 9.

Изъ письма С. И. Яновскаго къ Игумену Дамаскину, отъ 12 декабря 1866 года.—На письмѣ помѣтка: „№ 246. Въ Монастырѣ получено 24-го декабря 1866 года“.

Достопочтеннѣйшій и высокоуважаемый, Отецъ Дамаскинъ!

Драгоцѣнное письмо ваше, отъ перваго числа октября, — имѣлъ счастье получить. Не имѣю словъ достойно благодарить васъ: за великую любовь вашу и искреннѣе расположеніе ко мнѣ недостойнѣйшему грѣшнику! Чтобъ спасти меня, Онъ побезпредѣльному милосердію взыскалъ меня на концѣ свѣта, въ отдаленномъ краю Россіи—послалъ мнѣ святаго старца, отшельника о. Германа; который по многихъ трудахъ и молитвѣ — привелъ меня отъ заблужденія и вольнодумства: къ познанію истиннаго Бога, научилъ истинной вѣрѣ — отъ тьмы къ свѣту! Когда же я разлучился съ этимъ Богодохновеннымъ наставникомъ и много разъ уклонялся съ истиннаго пути—по великое милосердіе Божіе не отринуло меня до конца.

По вашей вѣрѣ и за святыя ваши молитвы — я не усумнился приняться исполнить ваше желаніе: нарисо-

вать о. Германа! Прежде всего я усердно помолился Богу: чтобъ Онъ возобновилъ въ умѣ моемъ образъ почтеннѣйшаго о. Германа. и Господь столько милосердъ: что память моя оживилась воспоминаніями, я припомнилъ всѣ черты сіяющаго благодатію лица его: — пріятную улыбку на устахъ, кроткій взоръ, смиренный тихій нравъ, привѣтливое слово;—его ростъ, походку, привлекательный взоръ; голубо-сѣрые глаза—все Господь возобновилъ по вашимъ святымъ молитвамъ!—Я какъ самовидецъ этого св. Старца; при написаніи портрета, былъ только руководителемъ и указателемъ: какъ изобразить; а рисовала, по моему наставленію—вторая дочь моя, послушница Елизавета; которая хорошо рисуетъ, что видно и по этому портрету. Много мы занимались, перепортили и перерисовали болѣе десяти портретовъ — все я находилъ несходство. — Наконецъ Господь помогъ намъ изобразить похожій; какъ я его припомню какъ бы теперь его видѣлъ! Посылаю Вамъ почтеннѣйшій Батюшка этотъ портретъ.

Полагаю что вы: въ видѣ прибавленія къ описанію Валаамскаго монастыря; или особой брошюркой — издадите (чего и я-бы желалъ) жизнеописаніе: бывшаго въ миссіи, на берегахъ сѣверо-западной Америки, на островѣ Кадьякѣ—монаха Валаамскаго Монастыря Отца Германа; подвизавшагося въ уединеніи на необитаемомъ острову близъ о. Кадьяка! Къ этому изданію приложить бы его портретъ и рисуночки; которыя я вамъ прислалъ.—Мнѣ кажется это хорошо бы было?

(Подпись).

№ 10.

Изъ письма С. И. Яновскаго Игумену Дамаскину отъ 19-го декабря 1866 года. — На письмѣ помѣтка: „№ 251. Въ Монастырѣ получено 31-го декабря 1866 года“.

Достопочтеннѣйшій и душею-уважаемый,
Отецъ Дамаскинъ!

О. Германъ въ своей жизни много терпѣлъ непріятностей; а послѣ моего отъѣзда черезъ годъ туда былъ присланъ изъ Иркутска бѣлый священникъ, съ большими полномочіями отъ Архіерея; который надѣлалъ больтіе непріятности О. Герману; онъ вызвалъ его на Кадьякъ, обошолся весьма грубо, переписалъ и отчасти отобралъ его имущество и хотѣлъ выслать старца въ Иркутскъ. Но мой преемникъ: Главный правитель — Муравьевъ, узнавъ объ этомъ—не позволилъ его высылать; но все, до конца жизни онъ тѣснилъ его и тотъ вскорѣ черезъ годъ скончался; кажется въ 1824 или 1825-мъ году. Я думаю теперь тамъ все пусто, разорено и знаку не осталось послѣ О. Германа!—Прошло болѣе 40 лѣтъ! Вотъ какими великими скорбями достигается небесное царствіе! Что претерпѣлъ во всю жизнь этотъ Святой Старецъ: лишенны, скорбяще, озлобленны, скитающеся

въ горахъ и вертепахъ—на необитаемомъ острову—ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ! — За то теперь онъ наслаждается небесною радостію. Почему знать, пройдетъ еще полъ вѣка, и если будетъ угодно Господу прославить Своего подвижника: то Онъ явитъ его мощи. — Мнѣ всегда пріятно воспоминать объ о. Германѣ: я заполночь просиживалъ съ нимъ слушая его неумолкаемые поучительные, весьма занимательные разговоры: о вѣчности, о спасеніи, о любви Божіей!—Никогда празднословія не было у насъ!

(Подпись).

№ 11.

Изъ письма С. И. Яновскаго Игумену Дамаскину, отъ 24 января 1867 года. — На письмѣ помѣтка: № 23. Въ Монастырѣ получено 7 февраля 1867 года.

Достопочтеннѣйшій и душею уважаемый.
Отецъ Дамаскинъ!

Драгоцѣнное письмо ваше отъ 27 декабря имѣлъ счастіе получить!—Объ о. Германѣ имѣю честь сообщить вамъ что узналъ: Произхожденіе его изъ купцовъ города Серпухова; поступилъ въ монастырь 16-ти лѣтъ, сперва въ Сергіевскую пустынку, которая подъ Питербургомъ; и пробывъ тамъ пять или 6-ть лѣтъ — перешелъ на Валаамъ—кажется при о. Назаріи, котораго онъ мнѣ очень хвалилъ. Изъ Валаама два раза уходилъ съ товарищемъ и жилъ нѣсколько времени—въ лѣсахъ. Два раза его хотѣли посвятить въ Іеромонахи, даже обѣщали въ Архимандриты и послать въ Пекинъ — но онъ по смиренію отказался. Изъ какой онъ былъ фамиліи и какое его было имя въ міру—я не могъ узнать. Однакожъ я написалъ въ Серпуховъ къ моему знакомому купцу (бывшему моему крестьянину); который постоянно лѣтъ 30 тамъ живетъ и занимается торговлею — чтобъ

онъ постарался узнать и поразвѣдать объ о. Германѣ и что онъ напишетъ; то я немедленно сообщу вамъ. Полагаю. что въ архивахъ Сергіевской пустынки есть: какая его была фамилія и прежнѣе имя—но гдѣжъ теперь искать. Въ 1822-мъ году я доставилъ отъ о. Германа къ Игумену о. Іоанафану большое письмо, оно должно быть у васъ есть.

Разбирая свои старые бумаги, я нашелъ морской журналъ плаванія на Кадьякъ, изъ него узналъ что гавань на Кадьякѣ называется Святаго Павла; а не Трехъ Святителей, какъ я по ошибкѣ назвалъ—это поправте на моей картинкѣ. Какъ то она названа на вашей картѣ? — Еще выставтѣ при описаніи вашей картинки что мною вычислена широта мѣста Кадьякской гавани:— 57°, 47′, 10″—N-я.

Долгота отъ Гренвича 152°, 36′, 13″ -W-я

№ 12.

Изъ письма С. И. Яновскаго къ Игумену Дамаскину, отъ 6 марта 1867 года.—На письмѣ помѣтка: „№ 45. Въ Мрѣ получено 18 марта 1867 года“.

Достойнѣйшій и всею душею уважаемый батюшка
Почтеннѣйшій Отецъ Дамаскинъ!

Прилагаю, при этомъ, еще одно письмо незабвеннаго, святаго старца о. Германа, найденное въ моихъ бумагахъ.—Оставте его у себя; только увѣдомте о полученіи.

№ 13.

Письмо отца Германа къ С. И. Яновскому, отъ 10 августа 1821 года.—На письмѣ помѣтка: „получ. 1-го декабря 1822 года черезъ Охотскъ изъ Главн. прав. въ С.-Петербургѣ“.

Ваше Благородіе
Милостивый Государь
Семенъ Ивановичь.

Всемогущій Богъ непостижимыми своими судбами благоизволилъ мне свами па короткое время иметь знакомство и видеть ревностные и усердные (и усердные) добродетелной вашей души ко святой вечности расположенія, и любовь къ Богу, и знаніе писанія, чемъ можете разогнать всякой туманъ и тму неведенія пройтить прямымъ путемъ кнебесному отечеству, Но признаю себя предвами виновнымъ что вовремя вашего изъ Америки отправленія не позволила мне погода переслать въ гавань приготовленнаго писма ко изъявленію вамъ моего почтенія и благодарности коихъ напечатленіе вмоемъ серце всегда пребудетъ.

1820 года весной вы прислали мне две книжки стемъ чтобъ я сказалъ вамъ свое мненіе о сочинителе; но я тогда не успелъ въ нихъ заглянуть а послѣ читавши увидалъ что онъ западнаго мненія гордостію залетевши выше облакъ включаетъ себя вчисло пророковъ думаетъ что можно ему чрезъ высокія его познанія и вычисленія также писать какъ пророки писали о со-

стоянiи государствъ, дивно и предивно какъ гордость ослепляетъ, Говоритъ что не всемъ сочиненiя его понравятся что могутъ и осмеевать а не видитъ что онъ самъ себя прежде осмеялъ, думаетъ что утверждаетъ истину но споритъ сама съ собою и сосвященнымъ писанiемъ, много говорить о немъ скучно а можете изъ сихъ малыхъ словъ видить мое о немъ мненiе, таковыхъ книжекъ кто естли не можетъ твердо знать истинну весма нужно удалятся,

Писмо ваше последнее отъ 3-го числа маия 1821 года и при немъ посылку чрезъ Матвея Ивановича имелъ честь получить приношу мою всеусердную благодарность,

О состоянiи нашей Америки много говорить не могу народныхъ печалей мера перевесъ имеетъ доволной а што далее Творецъ изволитъ устроить неизвѣстно, моя тишина со одной стороны кажется приходитъ къ лучшему, аздругой предвидятся возникающiя возмутительныя тишину притчины, но какъ промыслъ Всемогущаго изволитъ неизвѣстно буди Его святая воля,

Милостивый Государь Семенъ Ивановичъ и слюбезною барынею Анною Александровною и со Александромъ Семеновичемъ за все ваши милости и ласковости принося мое премногое благодаренiе и усердное почтенiе остаюсь,

Вашего
Высокоблагородiя
Милостиваго моего Государя
Покорный слуга
убогiй Германъ.

ч. 10-го августъ
1821-го года.
Новый Валамъ.

№ 14.

Письмо Высокопреосвященнаго Иннокентія, Архіепископа Камчатскаго, Игумену Дамаскину, отъ 1 марта 1867 года.— На письмѣ помѣтка: „№ 66. Въ Монастырѣ получено 10 мая 1867 года“.

Возлюбленный мой о Господѣ Братъ
Отецъ Игуменъ Дамаскинъ!

Прежде нежели я буду отвѣчать на посланіе ваше отъ 27 декабря за № 345 касательно о. Германа, долгомъ считаю свидѣтельствовать Вашему Высокопреподобію съ братіею мою благодарность за присланные мнѣ виды Валаамскаго Монастыря.

Въ разсказѣ о покойномъ о. Германѣ есть правда, но не все.

Дѣйствительно было, что мы въ 1842 году плывя въ Кадьякъ долго были въ морѣ и находились въ крайности, такъ что у насъ на 52 пассажира оставалось менѣе полубочки воды. И предъ входомъ въ Кадьякскую гавань насъ встрѣтилъ противный вѣтръ, который дулъ ровно трои сутки. Въ это время судно наше ходило взадъвпередъ (или по морскому лавировало) отъ южнаго мыса Кадьяка до Еловаго острова, гдѣ жилъ и скончался о.

Германъ. На третій день къ вечеру, когда судно наше опять подошло къ Еловому острову (можетъ 20-й или 30-й разъ), я глядя на оный, сказалъ въ умѣ своемъ: „Если ты отецъ Германъ угодилъ Господу, то пусть перемѣнится вѣтръ". И точно не прошло кажется и четверти часа, какъ вѣтръ вдругъ сдѣлался попутный; и мы въ тотъ же вечеръ вошли въ заливъ и стали на якорь. Молебна же въ то время не служили. Потомъ чрезъ нѣсколько я ѣздилъ на могилу и служилъ панихиду—но видѣнія ни какого я не видалъ.

Болѣе этого я ничего не знаю и ни отъ кого ничего подобнаго не слыхалъ объ о. Германѣ.

Затѣмъ поручая себя молитвамъ вашимъ имѣю честь быть съ искреннею о Господѣ братскою любовію

Вашего Высокопреподобія
Вседоброжелательный слуга
Иннокентій Архіепископъ Камчатскій.

Марта 1 дня
1867.
Г. Благовѣщенскъ.

№ 15.

Письмо Высокопреосвященнаго Петра, Епископа Якутскаго, Викарія Камчатской епархіи, Игумену Дамаскину, отъ 9 сентября 1867 года за № 55. — На письмѣ помѣтка: „№ 155. Въ Монастырѣ получено 18 ноября 1867 года“.

Ваше Высокопреподобіе,

Достопочтеннѣйшій Отецъ Игуменъ!

Не знаю, доставитъ ли вамъ Кадьякскій креолъ Герасимъ Зыряновъ какія нибудь свѣденія объ отцѣ Германѣ; а я съ своей стороны поручалъ Кадьякскому Священнику, и Кадьякскому урожденцу, креолу Константину Ларіонову написать мнѣ все, что они знаютъ, или отъ другихъ слышали объ отцѣ Германѣ. Что могъ собрать, то при семъ препровождаю къ вамъ. Если еще понадобятся какія либо свѣденія, то относитесь къ Преосвященнѣйшему Павлу, который поступилъ на мое мѣсто— въ Новоархангельскъ; а я переведенъ пока въ Якутскъ. Желая вамъ отъ Господа всѣхъ благъ, и прося вашихъ святыхъ молитвъ, съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего Высопреподобія

Покорнѣйшимъ слугой

Петръ Епископъ Якутскій, Викарій Камчатской епархіи.

9-го Сентября
1867 года.
Г. Якутскъ.

№ 16.

Тетрадь подъ заглавіемъ: „Свѣденіи объ отцѣ Германѣ“.

Свѣденіи объ отцѣ Германѣ, собранныя отъ разныхъ лицъ.

1-е. По поселеніи отца Германа на о-въ Еловой въ первыя годы было наводненіе или приливъ моря (должно быть отъ землетресеніи), и народъ, жители онаго испугавшись дали знать старцу, который изъ своей кельи пришедъ въ домъ воспитаниковъ своихъ, гдѣ каждое Воскресеніе служилъ часы за неимѣніемъ часовни или церкви, поднявъ Икону Божія Матери съ мѣста унёсъ къ лайдѣ и, куда послѣдній разъ подымалась вода, поставивъ икону сталъ молится Богу, когда же кончилъ моленіе, объявилъ присудствовавшимъ чтобы они не боялись говоря: что болѣе и далѣе сего мѣста, куда поставлена святыня не пойдетъ море что и было! О чемъ утвердительно разсказывали слышавшія сего событія.

Когда же нужно было понести Икону назать, послѣ наставленія людямъ, будьто сказалъ Германъ Софьи Власовой (котора была уже смотрительницею воспитывающихся дѣвицъ), въ случіи если когда еще будетъ такое же возвышеніе моря, то ставить сію Икону на лай-

ду, и обѣщалъ что море непойдетъ далѣе онаго мѣста. Икона сія Божія Матери находится до днесь на Еловомъ прозванномъ Новымъ Валаамомъ.

Осемъ событіи желая слышать еще нынѣ отъ кого нибудь, спрашивалъ нѣкоторыхъ:

Пелагея жена Степанова говоритъ такъ: что она въ молодости слыхала о семъ, но только многое не помнитъ.

Колоніяльный гражданинъ креолъ Петръ Гавриловъ говоритъ: что онъ слыхалъ о наводненіи бывшемъ въ гавани св. Павла въ бытность отца Афонасія, который будьто неотходилъ съ лайды всю ночь по опасенію. А отецъ Германъ жилъ ли тогда на Еловомъ не знаетъ.

Алеутъ Игнатій Алигьяга отзывается, что онъ въ долге по поселеніи отца Германа на о-въ Еловой былъ посланъ изъ Игакской бухты къ отцу Герману, и что онъ ни отъ кого не слыхалъ о семъ событіи! почему и сомнѣвается.

При мысляхъ моихъ, что должно быть я слыхалъ ложъ, Богъ послалъ какъ бы утѣшеніе, алеута Василія Гагарина который пріѣхавъ изъ Орловскаго селенія съ женою Ириною пришли ко мнѣ въ гости, которыхъ спрашивалъ объ отцѣ Германѣ и не слыхали ли о наводненіи бывшемъ въ живности Германа; начто утвердительно отвѣчали оба, что они слыхали и о вѣрности не сомнѣваются потому что слыхали отъ такихъ добрыхъ и старыхъ людей которыя солгать никогда не могли и что еще слыхалъ (Василій) будьто говаривалъ отецъ Германъ, что на о-вѣ Кадьякѣ скорѣе случится что либо опасное чѣмъ на Еловомъ.

2-е. Разсказъ старухи Пелагеи жены креола Степанова, самовидѣцы произшествіи при жительствѣ ея во услуженіи у правителя Никифорова.

Приходившія изъ Ситхи бывшія главными правителями колоніи гг. Честяковъ и Муравьевъ ѣзжали на Еловой по ночамъ крадучи отъ людей на байдаркахъ съ бывшимъ Кадьякскимъ правителемъ Никифоровымъ и священникомъ Фурументьевымъ и приставали къ Еловому тамъ гдѣ люди подозрѣвать не могли, гдѣ притаившись какъ въ засадѣ между лѣсомъ слѣдили какое жительство препровождаетъ отецъ Германъ! и, покуда не были замѣченными отъ людей, возвращались назать также ночью въ тихомолку конечно не видавъ ничего предразсудительнаго, не могли очернить и обеславить старца.

3-е. Въ 1825 году по прибытіи на Кадьякъ священникъ Фурументій Мордовской, по какому только случаю или поводу не знаю, поѣхалъ на Еловой и сталъ обыскивать (какъ говорятъ и нынѣ) пожитки отца Германа! Съ нимъ былъ правитель Никифоровъ и русскіе служители компанейскія. Когда же не нашли ничего цѣннаго, то одинъ изъ числа русскихъ Пономарьковъ, взявъ топоръ началъ выворачивать плахи съ пола, (навѣрно съ дозволенія старшихъ), тогда будьто отецъ Германъ вздохнувъ и смиреннымъ духомъ сказалъ: несчастный, напрасно ты взялъ топоръ; и тутъ же предсказалъ ему такъ: сіе орудіе лишитъ твою жизнь. Что же? въ долге послѣ того попадобились люди въ Николаевскомъ редутѣ, тогда изъ Кадьяка послали служителей русскихъ въ томъ числѣ и упомянутаго Пономарькова, гдѣ въ скоромъ времени кенайцы у сонпаго отсѣкли голову топоромъ! такъ сбылось предсказаніе обиженнаго.

4-е. Въ 1834 году въ бытность главнаго правителя Ф. П. Врангеля въ Кадьякѣ, отецъ Германъ былъ въ гостяхъ у него по приглашенію его (какъ дѣлали и предшественники его, ибо старецъ былъ краснорѣчивъ

и неутомивъ въ назидательныхъ бесѣдахъ). Постелю стлали для Германа въ кабинетѣ, когда же приходили по утрамъ убирать постелю, находили совершенно нетронутымъ и старца постоянно бдящимъ! заставали.

Во время оно, въ одинъ день отецъ Германъ проситъ Г. Врангеля написать что-то (что въ послѣдствіи слыхалъ будьто письмо Митрополиту, только незнаю которому), съ просьбою неупотреблять никакого краснорѣчія а просто какъ будетъ сказываемо. Когда же было кончено письмо но просилъ прочесть, и когда нашелъ вѣрнымъ по его диктовкѣ, старецъ всталъ со стула поблагодаривъ сказалъ: за вѣрный трудъ Ф. П: поздравляю васъ съ Адмиральскимъ чиномъ, Г. Врангель соскочилъ съ мѣста съ видимымъ испугомъ кланяясь говорилъ: что вы Батюшка, на что Германъ повторилъ, что онъ получитъ. Когда же Г. Врангель выѣхалъ въ С.-Петербургъ, то сіе предсказаніе сбылось! Можетъ быть сей добрякъ еще здравствуетъ и незабылъ бывшее.

Также я слыхалъ, что отецъ Германъ за годъ до извѣстія въ Кадьякѣ, предсказывалъ о успѣніи Московскаго Митрополита, о чемъ не обинуясь сказывалъ алеутамъ, что ихъ большой начальникъ оставилъ земной жизнь.

Также будьто предсказывалъ насчетъ 12-го года.

5-е. Отецъ Германъ очень часто бывалъ въ гаванѣ въ бытность правителя В. Ив. Кашеварова, который любилъ и уважалъ и онъ бывалъ виновникомъ разъѣзды старика, правда и самъ Кашеваровъ нерѣдко бывалъ у него на Еловомъ особенно когда строили первую часовню.

Однажды между разговоромъ Германъ говоритъ Кашеварову, любезный кумъ, (отецъ Германъ принималъ

отъ купели единаго сына Кашеварова), жаль мнѣ тебя, смѣна тебѣ будетъ непріятная. Кашеварова смѣнили послѣ смерти Германа чрезъ годъ или два, а предсказаніе сбылось, Кашеварова отправили на Ситху связанымъ!

Петръ Гавриловъ о справедливости сего также подтверждаетъ доказывая что онъ самъ слышалъ и видѣлъ какъ сіе было (онъ тогда былъ навѣстяхъ у Кашеварова) и говоритъ такъ: когда Кашеваровъ былъ въ послѣдній разъ на Еловомъ, между разговоромъ провожая Кашеварова на лайду, отецъ Германъ остановилъ противъ часовни, предсказалъ что по смѣнѣ встрѣтитъ непріятности, и многое что то отецъ Германъ говорилъ Кашеварову, только Гавриловъ немогъ все слышать, во первыхъ былъ въ хлопотахъ и притомъ боялся прислушиватся боясь начальника своего, и притомъ семейство Кашеварова ждали на лайдѣ.

Другіе говаривали такъ: что Германъ предсказалъ Кашеварову смѣну позорную за то что онъ безъ человѣчно наказывалъ людей, правда, Кашеваровъ если случалось кого отучать отъ какого порока, дѣлалъ такъ чтобы было памятно, за то люди уважали и боялись старшихъ.

6-е. Въ одно время въ бытность мою на Еловомъ, былъ я К. Ларіоновъ у него въ келіи, сомною былъ алеутъ Степанъ прозываемый Штулукъ. Когда мы пришли къ келіи, какъ былъ предваренъ, у дверей сотворилъ молитву: Господи Іисусе Христе сынѣ Боже помилуй насъ, когда же услыхали отзывъ, аминь, тогда мы вошли въ келью, гдѣ застали старца сѣдящимъ на полу, рубящимъ сѣчкой на корытцѣ картофель (что впослѣдствіи узналъ для хлѣбовъ). Это было въ 1835 году, мнѣ

было тогда не болѣе 12 лѣтъ, онъ мнѣ велѣлъ достать съ полки книгу и заставилъ находитъ статьи о которомъ былъ предмѣтъ его расказа, а какъ я тогда небегло читалъ, то онъ мнѣ сказывалъ или указывалъ страницы объяснялъ церковныя цифры, самъ же кажется былъ слѣпъ, а въ книгахъ повидимому помнилъ слова всѣ наизусть, потому что онъ по отдаль сидѣлъ отъ насъ.

Между расказами, сдѣлалъ мнѣ вопросъ, что передаю въ точности: миленькой, какъ думаешъ; строемая часовня будетъ ли оставлена въ тунѣ? на что отвѣчалъ: Апа (какъ мы всѣ жители Кадьяка называли, въ переводѣ обозначаетъ: дѣдъ или дѣдушка) не знаю дѣйствительно значеніе вопроса тогда я не понималъ, но онъ вздохнувъ и немного помолчавъ сказалъ: дитя мое, помни, на этомъ мѣстѣ современемъ будетъ монастырь, и просилъ меня перевести товарищу моему Степану, который былъ немного менѣе моего роста, что я и исполнилъ изъ слова въ слово.

Не знаю и до днесь, для чего стары деньми и украшены сѣдинами удостоилъ меня такимъ предсказаніемъ, или предвидѣлъ что во время свое, хотя и недостоинъ я, буду передателемъ слова его.

Старецъ бывалъ и въ нашемъ домѣ, однажды по прибытіи нашемъ изъ Ситхи, въ живности еще маменьки моей, я былъ тогда малъ, что конечно не помню, держа въ рукѣ бумажку подошелъ къ нему (какъ мнѣ разсказывалъ родитель мой), положивъ бумажку старцу на колѣни, сталъ что то лепетать, отецъ Германъ долго посмотревъ на меня, сказалъ будьто родителямъ моимъ такъ: берегитѣ сына, я вижу въ немъ, что то будетъ отъ него. Быть можетъ, его молитвами благословилъ меня Богъ.

7-е. Однажды былъ пожаръ на Еловомъ, отъ пущен-

наго вала для огородовъ. когда объявили отцу Герману, онъ приступилъ къ работѣ и пришедшій къ нему Игнатій, сталъ пособлять, работа была такого рода: мохъ сталъ сдирать между густымъ лѣсомъ, шириною неболѣе одного аршина, котораго простеръ до подошвы горы, который болѣе походилъ на черту, какъ говоритъ Игнатій. И потомъ отецъ Германъ будьто сказалъ: что огонь неперседетъ сей черты и огонь на другой день подошелъ какъ бы съ напоромъ, отецъ Германъ же отправился въ свою келью, на вѣрно припасти предъ милосердіемъ Бога. Огонь дошедъ на развороченый мохъ и пробѣжавъ въ даль онаго непайдя себѣ прохода, привсемъ своемъ неистовствѣ, некоснувшись густаго лѣса, возвратился въ спять т. е. назать! да, истинно было чудо.

Бывшій сотрудникъ Игнатій Алигьяга. находится еще въ живыхъ, который говоритъ: что небыло возможности спастись.

8-е. Предсказаніе о. Германа алеутамъ: которымъ будьто говаривалъ: что въ скорѣ послѣ смерти его будетъ повальная болѣзнь и что много умрутъ люди, послѣ чего алеутъ соберутъ русскія воедино. Сіе предсказаніе сбылось въ скоромъ времени послѣ смерти Германа, кажется чрезъ полгода, именно оспѣнная повѣтрія, отъ коего умерло много алеутъ, такъ что въ иныхъ селеніяхъ оставалось понѣскольку дѣтей! на что и было обращено вниманіе колоніяльнымъ начальствомъ. гдѣ также содѣйствовалъ протоіерей Петръ Литвинцевъ (тогда онъ былъ священникомъ на Кадьякѣ). Такъ изъ 20 селеній сдѣлались 7 селеній, и предсказаніе отца Германа сбылось въ точности.

9-е. Изъ словъ Игнатія, который находится доднесь на Еловомъ, отецъ Германъ бутьто предсказывалъ ему:

что живущія на Еловомъ люди всѣ умрутъ, и что онъ Игнатій останется одинъ и будетъ старъ и беденъ, и что чрезъ 30 лѣтъ по смерти отца Германа въ спомнятъ и въ это время будетъ живымъ Игнатій, чему удивляется говоря: какъ подобный намъ человѣкъ могъ знать на долгое время въ передъ, да, истинно онъ былъ непростой человѣкъ, потому что мысли наши видалъ, которыхъ невольно открывали ему, когда онъ (отецъ Германъ) доводилъ до того, начто получали отъ него наставленія.

Еще говаривалъ (Германъ) хотя долгое время пройдетъ послѣ смерти его, его незабудутъ и мѣсто его бывшее жительствомъ не будетъ пусто, что подобный ему монахъ убѣгающій славы человѣческой придетъ и будетъ жить на Еловомъ, и Еловой не будетъ безъ людей.

Также предсказывалъ: что землетресеніи на Кадьякѣ будутъ частыя и усилятся, и что будутъ являтся кометы изъ коихъ одинъ будетъ страшной.

10-е. Просьба отца Германа передъ смертію, что подтверждаетъ и Игнатій.

Отецъ Германъ просилъ окружающихъ себя, когда умредъ, недоноситъ Правителю покаместь непогребутъ его тѣло (должно быть во избѣжаніе чествованія) предсказывая что его лица изъ гаванскихъ никто неувидитъ. Но жители Еловаго неисполнили просьбу старца боясь русскихъ, какъ говаривали алеуты.

Какъ скоро Кашеваровъ извѣстился о смерти достопочитаемаго всѣми, озаботился сдѣлать гробъ, который былъ сдѣланъ къ доброй памяти Кашеварова въ лучшемъ видѣ. Только вѣтръ задувшій недалъ Кашеварову и священнику приготовившимся ѣхать самимъ (тогда какъ до Еловаго отъ гавани всего 2 часа ѣзды), и гробъ былъ

съ великомъ трудомъ отправленъ чрезъ мѣсяцъ съ опытнымъ старикомъ Козьмою Училищевымъ.

Еловскія какъ скоро получили гробъ, положивъ въ оный останьки добраго нашего старца, предали къ землѣ, и въ тотъ же разъ вѣтръ стихъ и море сдѣлалось какъ зеркало! такъ послѣднее предсказаніе отца Германа сбылось.

Просьба же старца была такого рода, какъ говоритъ Игнатій:

По окончаніи своей жизни невелѣлъ себя мыть, а положитъ просто на доску, положитъ обѣ руки на грудь, ничѣмъ не одѣвать кромѣ своей мантіей и отъ полу снявъ полосъ въ ладонь ширины, и спеленать его онымъ, а лицо покрыть воскриліями. Если же кто пожелаетъ простится, то заповѣдалъ положить на голову, т: е: колбу крестъ который онъ носилъ (толи съ четками или какой, я Игнатія не могъ понять), коего велѣлъ цѣловать, лица же строго запретилъ ни показывать никому.

Похоронитъ же велѣлъ себя подъ дерево или подъ пѣнь закрывъ себя бывшимъ своимъ одѣяломъ, котораго люди незнали кромѣ стариковъ Игнатія и Исаія, одѣяло это было въ ростъ отца Германа, доска!! На что Игнатій прибавляетъ: что трудную жизнь велъ Апа и никто неможетъ подражать его жизни.

По смерти Германъ находился въ домѣ воспитанниковъ своихъ ровно мѣсяцъ, гдѣ было тепло но у отца Германа лице не измѣнилось, даже неполучилъ никакого запаха! какъ не старались изслѣдовать живиія въономъ домѣ. На что прибавляетъ Игнатій: да, мы передержали противъ завѣщаніи его.

Еще передъ смертію завѣщалъ жителямъ около часовни или воспитанникамъ своимъ, когда оставитъ земной

жизнь, то чтобы *они одного большаго быка употребили на пищу*, Исай умеръ послѣ смерти отца Германа.

И только что разстался съ душею Германъ, этотъ самый назначенный на убой быкъ съ баламутился и сталъ бѣгать и въ этомъ бѣганіѣ стукнулся объ лесину и упалъ! почему люди должны были дорѣзать. Чему видѣвшія расказывали и самъ Игнатій съ удивленіемъ... Конечно люди сіи сдѣлали бы приказаніе сіе, только наранѣе какъ по донесеніи мѣстному Правителю, но старцу можетъ неугодно было такъ. Это также достойна своего вниманія, ибо нѣтъ ничего случайнаго, а все дѣлается поволѣ Бога.

11-е. Отъ словъ самовидицы старухи Анны вдовы Вологдиной, и попоказанію ея есть еще въ живыхъ алеутка также старуха Анна Ныцмышкнакъ, которую я нынѣ видать не могъ поодаленности жительства ея.

Во время жительства нашего въ селеніи „Катаніи" (на Афогнакѣ), въ одинъ вечеръ былъ видѣнъ отъ Еловаго къ небу необыкновенно свѣтлый столбъ, тогда же опытныя старики и мужъ Анны, креолъ Герасимъ Вологдинъ сказали: видно отецъ Германъ оставилъ ихъ, и тотчасъ стали молится Богу. Въ послѣдствіи когда извѣстились о смерти Германа, то узнали что въ ту самую ночь было видѣніе. (Въ спискѣ подъ страницей рукою преосв. Петра приписано: „Отецъ Германъ умеръ 13 декабря 1837 года").

О семъ я слыхалъ отъ многихъ людей, которыя видѣли съ разныхъ мѣстъ, другіе видѣли на море ѣдучи на байдаркахъ.

Въ тотъ же вечеръ, съ другаго селенія также съ Афогнака, видѣли человѣка на воздухѣ ниже облаковъ надъ Еловымъ.

12-е. Часть изъ келейной жизни.

Въ бытность мою въ кельи отца Германа, видѣть я удостоился какъ его назвать одръ или опочивальну, менѣе $^3/_4$ арш. лавочку покрытый олѣньей шкурой безъ шерсти, не знаю почему а можетъ быть и отъ времени, одѣяло же небыло, и я грѣшный сидѣлъ на ономъ, что считаю верхъ моего счастія. Сія лавочка стояла въ плоть къ печкѣ, а напечкѣ сія доска лежала и никто незналъ значеніе ея, къ чему и для чего, я даже и незамѣтилъ. Знали о сей доскѣ только двое Игнатій и Саін.

На возглавіи же лежали 2 кирпича вмѣсто подушекъ покрытыя также голой шкурой или ровдугой! также незамѣтныя для приходящихъ.

Неподалѣку отъ кельи, протѣкаетъ рѣчужка у которой постоянно ометается устье буруномъ. Отецъ Германъ, вѣсною когда появится рѣчная рыба, возметъ огребетъ песокъ такъ что только только пройти рыбѣ, и что же; рыба перво приближавшаяся къ берегу, стрѣмится въ нее! Откуда пользовался старецъ такимъ родомъ, какъ Игнатій говоритъ: прикажетъ Апа (старецъ) достать рыбу и дать заснуть, потомъ велитъ распластать надвое, часть очень малую употребить для себя, а остальное положить на доску, нарѣзавъ пластинками и кормить птицъ, которыя не отходили отъ его кельи. А что всего замѣчательнѣе, гарностаевъ которыя жили подъ его кельей и щепились! Странно, сей звѣрекъ когда ощепится бываетъ недоступенъ, а отецъ Германъ кормилъ изъ рукъ, ни чудо ли мы видѣли, какъ говоритъ Игнатій. Послѣ смерти Германа, птицы и звѣрьки отшетились! Если же посторонный человѣкъ самовольно держитъ бывшія огороды отца Германа, недаютъ никакого урожая! утверждаетъ Игнатій.

Отецъ Германъ носилъ желѣзныя вериги, которыхъ

нашли въ долге посмерти Германа, въ часовнѣ позать Иконы Божія Матери, другіе говаривали что они сами упали изъ за образа. Которыя и доднесь хранятся въ оной часовнѣ.

Креолъ Константинъ Ларіоновъ.

P. S. Отецъ Германъ лѣтомъ занимался огородствомъ: распахавъ самъ землю, сѣялъ: рѣпу и рѣдьку. Садилъ картофель и частнокъ не бороня землю, а просто, собравъ землю въ одну кучу въ сыпалъ въ сдѣланную яму картофель. а честнокъ въ гряды. Распложалъ хрепъ. И воспитанникамъ своимъ давалъ средства къ умноженію огородства, и отъ урожая содержалъ оныхъ людей. Обучалъ грамотѣ и къ церковному пѣнію, которыя при молитвословіи отца Германа мальчикъ замѣнялъ чтеца а продчія дѣвицы бывали пѣвчими, которыя пѣвали очепно пріятно ибо я самъ бывалъ нѣсколько разъ при служеніи: заутрени въ Свѣтлую недѣлю и часовъ.

Запасеніе къ зимѣ дѣлалъ старецъ собираніемъ грибовъ разныхъ. которыхъ сушилъ а иныхъ солилъ. Соль же варилъ самъ изъ морской воды или расола.

Землю одобрялъ морской капустой въ мѣсто на-воза. которую носилъ въ коробѣ. Видѣвшія величину онаго разсказывали: что одному сію плетёнку трудно было поднять, а онъ этотъ трудъ дѣлалъ всегда безъ людей. Почему люди удивлялись, какъ могъ такой старецъ переносить такую тяжесть на большое разстояніе.

Мяса отецъ Германъ неупотреблялъ. и потому когда бывалъ въ домѣ Кадьякскаго правителя или когда гостилъ у прибывшихъ изъ Ситхи гг. главныхъ правителей, готовили для него особенное постное кушанье. которую отвѣдавъ оставался безъ обѣда или безъ ужин. Чай употреблялъ своевременно. т: е: два раза въ день.

Бесѣдующія снимъ увлекались его разговоромъ, такъ что поутрамъ когда расвѣтаетъ день, приходили какъ бы въ себя, и тогда оставляли старца на покой, но и тогда отецъ Германъ непредавался къ сну.

(Слѣдуетъ приписка рукою преосвященнаго Петра):

„Свѣденія эти, по моему порученію, собиралъ и написалъ Кадьякскій житель, Константинъ Ларіоновъ, стоющій довѣрія. Петръ, епископъ Новоархангельскій, Викарій Камчатской епархіи.

21-го маія 1867 г.
Ос. Ситха."

№ 17.

Записка объ о. Германѣ Кадьякскаго священника о. Петра Кашеварова, озаглавленная „Отецъ Германъ“, отъ 7 сентября 1866 г. — На запискѣ помѣтка рукою преосв. Петра: „Получено въ Ситхѣ, 11-го сент. 1866 г.“

Отецъ Германъ.

Въ 1798 году пришли изъ Россіи миссіонеры, состоящіе изъ 7 монаховъ подъ начальствомъ Архимандрита Іоасафа, который поручилъ Кадьякскую церковь монаху Герману, жившему въ то уже время на островѣ Еловомъ.— Онъ устроилъ тамъ мужскую и женскую училища, былъ преподавателемъ въ обоихъ училищахъ Закону Божію, также пріучалъ ихъ и къ общественной жизни, самъ же живя отъ нихъ далеко, занимался своими трудами какъ-то: строеніемъ себѣ келіи, въ которой онъ жилъ, а которую ему келію строили онъ пророчески сказалъ „мнѣ не надо“ и дѣйствительно онъ умеръ спустя нѣкоторое время недождавшись достройки келіи.

Поучалъ неоднократно посѣщавшихъ его какъ-то: священниковъ, правителей конторы Кадьякской и другихъ лицъ, которые хотѣли у него взять богатство (чего не было) и даже порывались къ нему съ топорами; до-

стопримѣчательное слово было сказано имъ „ты что пришелъ, то на тебя будетъ“, это сбылось съ бывшимъ правителемъ Кадьякской конторы В. П. Капеваровымъ, который имѣлъ дерзость ломать у него въ келіи полъ (съ однимъ изъ служителей компаніи) и искать золота, котораго у него не было;—озлобленныхъ укрощалъ своимъ смиреніемъ.

Много разъ предсказывалъ погоды рубившимъ тогда лѣсъ на строеніе, нынѣ существующее въ Кадьякѣ, также предсказалъ быть архіерею въ Америкѣ (чѣмъ насъ Господь Богъ наградилъ) и еще (что еще неисполнилось) что будетъ на островѣ Еловомъ (гдѣ онъ лежитъ) большой монастырь.

Теперь можно сказать, что я самъ видѣлъ надмогильный памятникъ отца Германа, до сихъ поръ какъ будто сегодня сколоченный и нетронутый временемъ.

Вериги носилъ онъ на голомъ тѣлѣ желѣзныя вѣсомъ въ 15 фунтовъ, которыя до сихъ поръ хранятся въ часовнѣ на Еловомъ, равно и схима находится въ цѣлости.

Кадьякскій священникъ Петръ Капеваровъ.

7-го сентября 1866 г
Павловская гавань
на ос. Кадьякѣ.

№ 18.

Письмо архимандрита Іоасафа къ отцу Герману, отъ 8 іюня 1798 года.

О-цъ Германъ!

Должности церковные, такъ же и присмотръ за благоустройствомъ и службой церковною препоручены мною отцу Нектарію, а чтобъ излишно неотяготить ево домашними економическими должностями; то лавка съ имуществомъ оставляется въ смотрѣніи у тебя съ отцомъ Іоасафомъ, ибо вы незанимаетеся по церквѣ, то и будете имѣть время, поразобравшися съ имуществомъ, по временамъ просушивать оное, нужное на продолженіе времени выдавать братіи съ отмѣткою что и куда израсходуете, вразсужденіи провіанту и другихъ жизненныхъ припасовъ, уже вы навыкли какъ то употреблять, чай и сахаръ такъ же можете употреблять сообразно съ нынѣшнимъ расходомъ, церковное вино выдавать можно по штофу разчисляя время, свѣчи такъ же выдавайте по целому ящику кои и будутъ содержатся въ церквѣ; ежели бы когда и случилось пороптать кому изъ братіи вы внимать тому не должны, а въ случае и утѣшать чемъ либо, но по вашему разсмотренію а не по ихъ прихотямъ. платье и обувь потребное всѣ выдавайте, а въ излишнихъ требованіяхъ отказывайте рѣшительно. Для пересушки имущества подъ вашимъ присмотромъ можете занимать безъ изъятія всѣхъ. ибо имущество есть общее всѣхъ; а

сколько чево при домѣ и въ лавкѣ остается тому сообщается здесь фактура. Видится что недостатка имѣть ни въ чемъ не будете на долгое время, а ежели въ чемъ нужда будетъ; то можете относится къ г-ну Правителю здѣшней Компаніи, и ежели требованіе ваше будетъ справедливое а онъ то имѣетъ; то надѣюсь, что ни въ чемъ вамъ отказано небудетъ. А ежели и Компаніи или и самому Правителю нужда возтребуется занятся чѣмъ либо и отъ васъ, то можете подъ росписку давать изъ такихъ вещей коихъ у насъ избыточно, какъ то прядино можно въ Компанію отдать все оставя только для собственнаго употребленія часть китаекъ, холста, сумъ порожнихъ провіантскихъ протравной водки, а протчево отпускать по вашему разсужденію. Осипу Андреичу такъ же подъ росписку давать можете соразмѣрно, чаю, холста китаекъ дублены, и чево вы сами разсудите по потребамъ сво и по избытку вашихъ вещей смотря.

Іонѣ, Гаврилу и Ивану Чорному давать нужную одежду и обувь, и имѣть за ними хорошой присмотръ; такъ же и Куликалову во время недостачки выдавать какъ на рубашки такъ и на обувь.

О многомъ вамъ напоминать щитаю за излишнѣе вы сами можете все располагать сообразно обстоятельствамъ, каковыя съ вами встретиться могутъ.

А единаго сего сердечно желаю, да пребудетъ съ вами благодать Божія, и страхъ Его да вселится въ сердцахъ вашихъ, о семъ моля благость Божію пребуду и есмь вашъ доброжелатель

Архимандритъ Іоасафъ.

1798-го года
Іюня 8-го дня.

№ 19.

Изъ письма С. И. Яновскаго Игумену Дамаскину, отъ 10-го декабря 1867 года. — На письмѣ помѣтка: „№ 190. Въ Монастырѣ получено 23-го декабря 1867 года".

Прилагаю вамъ, благодѣтель мой, весьма замѣчательную копію съ письма о. Германа, писаннаго въ 1819 году въ декабрѣ къ игумену о. Іонафану самимъ о. Германомъ, мнѣ присланную изъ Москвы, найденную въ бумагахъ недавно умершей родственницы его въ Страстномъ монастырѣ. Интересно будитъ для васъ читать, — изъ копіи сей много вы увидите: островъ уединеннаго жилища о. Германа находится недалеко отъ гавани — всего въ 10 верстахъ — это на байдаркѣ одинъ часъ ѣзды, — почти въ самомъ томъ мѣстѣ какъ я его назначилъ на рисункѣ. Хижина его, рѣчка и огороды, какъ онъ пишитъ и какъ я изобразилъ на моей картинкѣ. Я очень радъ, что это совершенно согласно съ моимъ описаніемъ — этотъ документъ вы можете оставить у себя.

№ 20.

Копія письма отца Германа Валаамскому игумену Іонафану, отъ 13 декабря 1819 года.

Копія изъ Америки писмо отца Германа.

Ваше Преподобіе Милостивый Государь Батюшка Отецъ Іонафанъ и со всею о Христе любѣзною и прелюбѣзною братіею о Господѣ радоватися вамъ желаемъ.

Къ великому нашему удивленію многожеланное и многолюбѣзное по неожиданное, въ другъ сверхъ чаянія, какъ радостная молнія, ваше писаніе насъ убогихъ многимъ растояніемъ удаленныхъ, и во многомъ времени какъ темной ночи глубокою тмою, забвеніемъ покрытыхъ светомъ радости озарило, отъ васъ ноября 8-го числа 1818-го года посланное, а къ намъ ноября 10-го 1819-го года.

Любви вашей какое принести благодареніе никакихъ средствъ ни способовъ не находимъ, кроме сего ничто же значущаго убогаго нашего начертанія, коимъ за первое нынѣшнее ваше писаніе всеусердное приносимъ благодареніе, и просимъ естли будетъ свашей стороны возможно, удостоить насъ, какъ и нынѣ вашего чрезъ писаніе посещенія, и увѣдомить какимъ образомъ отецъ

Назарій изъ Валаамской въ Саровскую обитель вышелъ по нужде ли какой, или своею волею въ какомъ году, и мѣсецѣ скончался, такоже и во святой Валаамской вашей обители, сколко Іеромонаховъ Іеродьяконовъ, и кто они, естли изъ какихъ прежде бывшихъ знакомыхъ или уже все новые.

Просимъ же какъ вы изволили въ спомнить насъ и посетить своимъ писаніемъ, такъ въ спомнить насъ и помянуть убожество наше, предъ всесилнымъ Богомъ, во святыхъ вашихъ молитвахъ; мы не въ морскихъ волнахъ обуреваемъся, но среди прелѣстнаго и многомятежнаго міра страждемъ и скитаемся по Апостольскому слову, хотя и неимѣемъ той Благодати каковую имѣли Святые Апостолы, но сраженіе наше къ темже безъ плотнымъ началомъ и властемъ, къ миродержителемъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебѣснымъ, кои всехъ путешественниковъ къ небѣсному нашему отечеству стараются перехватить, и удержать, и недопустить по слову святаго Петра зане супостатъ нашъ діяволъ яко лѣвъ рыкая ходитъ ища како поглотити, въ томъ случае мы слабые и немощные всеконечно имѣемъ нужду искать помощи отъ вашихъ Святыхъ молитвъ.

Незабутте вселюбѣзнѣйшіи Наши Отцы, незабутте нашу нищету помянуть, предвсемогущимъ Небѣснымъ Царемъ, всехъ во святей вашей обители просимъ.

А онашей странѣ и мѣсте и онашемъ состояніи и пребываніи имѣемъ честь донести, страна известная вамъ Америка.

Островъ Главной Кадьякъ, внемъ Компанейская Гавань, и церковь воскресенія Христова, тутъ отъ компаніи данъ намъ домикъ, съ самаго начала нашего пріезда, страна холодная, зимы бываютъ нетакъ холодные, но

непостоянны, снеги и дожди по перемѣню, лѣто начинается нерано и холодно, овощи огородные только репа, ретка, картофель, а более ничего не вызревает, хлѣпъ неродится нотъ нють никто не сеютъ, А толко мало бываетъ привознаго. Самородные Овоща, коренья, первой называется сарана несколько горьковатъ, но очень у насъ въ почтеніи, Ево вопервыхъ сваривши потомъ мешаютъ съ ягодами называются пикшею и наливаютъ китовымъ жиромъ и бываетъ по привычке нашей изряднымъ кушаньемъ, другой макарша мелкой и къ собиранію трудной Употребляется сырой и вареной, въ кусъ имеетъ несколько на Ареховой но только мало ево бываетъ, ягоды малина неруская, по другова роду, бываетъ же брусника и марошка но очень мало черника годомъ довольно а болѣе всего шикша въ довольномъ собирается количествѣ, въ зиму заготовляется скитовымъ жиромъ, а иногда и ссараною у васъ на валамѣ она есть но не употребляются, а называется вороницею. Рыбы разныхъ родовъ превеликое у насъ множество, такъ же и китовъ изнихъ пища почитается лудшею, есть же и другія водяные животные кои такъ же служатъ намъ ко употребленію. Народы у насъ накадьяке, инодругимъ островамъ мало на зываются Олеуты, смирны, и весма бѣдны, многія говорятъ поруски, къ намъ ласковы и многія знакомы, матерая земля отъ насъ съ северной стороны верстъ засорокъ А съ восточной стороны болѣе, тамъ народы Кенайцы, Чугачи, Калоши по названію, и другіе многіе изнихъ знакомыхъ намъ довольно.

А сами мы Валамскіе все, вамъ известные трое, живемъ невъ месте, отецъ Афонасій, отъ церкви верстъ засорокъ или болѣе на островѣ Афогнаке которой отъ Кадьяка отъ деляется уским проливомъ, отецъ Іоасавъ

о коемъ вы упоминаете бывшей у васъ послушникомъ въ гаване при церкви въ томъ домикѣ о которомъ я выше сего упомянулъ для храненія библіотеки и ризницы, а въ воскресные дни съ некоторыми изъ школы мальчиками отъ правляетъ церковную службу, а я отъ гавани верстъ за десять на особливомъ маленькомъ островке, имя ему Новой Валамъ, близко подлѣ меня самая маленкая речка, въ ней летомъ довольно бываетъ рыбы. живу одинъ только версты задве отъ меня семьи три Американцевъ они мнѣ съ великою любовію въ нуждахъ помогаютъ. отецъ Іоасафъ часто ко мнѣ ездитъ въ кожаныхъ американскихъ лотачкахъ, кои называются по здешнему Байдарки, въ месте у насъ огороды иво всемъ общество. Живущіе подле меня американцы почитаютъ зародныхъ иво всемъ намъ помогаютъ.

А о продчихъ нашихъ братіяхъ думаю изволили слышать въ первый годъ нашего пріезда два Іеромонаха. отецъ Макарій, и отецъ Ювеналій въ нашей же обители бывшей послушникомъ на зывался Яковъ Өедоровичъ изъ офицеровъ, и въ нѣвскомъ постриженъ на званъ Ювеналіемъ, отъ правились для проповѣди. Макарій на алеутскіе острова Лисьей гряды. А отъ толь Выехалъ въ росію. Ювеналій навосточной берегъ матерой земли. вопервыхъ въ Чугатскую бухту крестивши вней народъ. пустился къ северу по берегу океяна. перенесясь чрезъ горы въ Кинайскую губу, перезимовалъ крестивши тамошней народъ. далѣе приближаясь къ северу перешелъ Аляксу. и тамъ отъ некоторыхъ народовъ убитъ, какимъ образомъ слухи несогласныя и отъ какихъ имянно народовъ инонынѣ Верпаго известія еще нѣтъ. После техъ Отецъ нашъ Архимандритъ былъ требованъ Вроссію для производства Во Архіерея и принятыя въ городѣ Иркут-

скѣ посвященіе возвращался обратно, аснимъ и вышепомянутой Іеромонахъ Макарій, и были уже отъ Кадьяка, по признакамъ Выкинутыхъ Судовыхъ частей, судно въ море разбилось неизвестно, а нынѣ мы одни трое толко остаемся живы, благодаря всемогущаго Бога, при всехъ нашихъ печалныхъ обстоятельствахъ и приключеніяхъ живемъ весело и спокойно одни, только печаль какъ бы небѣснаго достигнуть Отечества, для того васъ просимъ и молимъ Преподобные Отцы Любѣзные батюшки помогите убогимъ намъ Вашими Святыми молитвами. въ надѣжде чего остаюсь

Вашего Преподобія
Покорный слуга и усердный послушникъ
Убогій Германъ.

Присемъ прошу засвидѣтельствовать усердное мое почтеніе отцу Іякову бывшему Ивану Алексіевичу нашего монаха Іоасафа брату хотя лично мнѣ знать и не было случаю, такъ же Гавріилѣ Терентьевичу много и премного о нихъ радуюся и благодарю Бога.

Убогій Германъ.

Ч—13-го, Декабря
1819-го года.
Америка Островъ Кадьякъ.

Приложеніе II.

Изъ рукописи соборнаго іеромонаха Александро-Невской лавры о. Гедеона.

(Точная копія).

1804. Іюнь. 8-го числа въ 1 часъ по полуночи при Брамсельномъ (ровномъ или посредственномъ) вѣтрѣ отъ сѣверо-востока прошли мы 122 версты, и въ полдень находились въ широтѣ 23.6. долготѣ счислимой 160.18. По хронометрамъ 160.10.—Отъ насъ восточная сторона острова Уналашки была разстояніемъ въ 467-ми Нѣмецкихъ миляхъ. Въ 5-мъ часу по полудни миновали тропикъ рака.

Отъ 8-го до 19 числа имѣли плаваніе при благополучномъ вѣтрѣ и перемѣнной погодѣ, то при ясной и пасмурной, то при небольшемъ дождѣ и сырости; а 17 въ 5-мъ часу по полудни терпѣли штормъ, который только продолжался до утра слѣдующаго дня. Въ оные 10-ть сутокъ пробѣжали 2033 версты, и были въ широтѣ обсервованной 42.18, долготѣ счислимой 164$^1/_2$. По хронометрамъ 163.13.

Съ 19 числа начались частые туманы, дождь, пасмурность, мокрота, сырость и продолжались почти до окончанія сего мѣсяца. Отъ сего числа до 26-го къ сѣверовостоку прошли 1372 версты.

26-го въ началѣ 3-го часа по полудни увидѣли островъ Укамокъ или Чириковъ; 27-го въ 2 часа по полудни еще Троитскіе острова—Ситхинокъ и Тугидокъ; въ 12 часу легли въ дрейфъ.

28-го въ половинѣ 3-го часа по полуночи открылся глазамъ нашимъ Кадьякъ съ высокими своими горами, кои чрезъ все лѣто бываютъ покрыты снѣгомъ. По мѣрѣ нашего приближенія къ нему то встрѣчали, то провожали величавые киты. Въ 5-мъ часу подняли Россійскій купеческій флагъ и въ разные часы выпалили изъ пушки три раза. Въ 2 часа по полудни пріѣхалъ къ намъ изъ Трехъ-Святительской гавани въ трехъ-лючной байдаркѣ Старый Байдарщикъ Острогинъ, который остался у насъ на суднѣ для показанія входа въ Павловскую гавань.

29-го покрылъ насъ густой туманъ, и во весь день продолжалось маловѣтріе: 30-го въ 12-мъ часу туманъ нѣсколько прочистился; тогда увидѣли Чиніатскій мысъ (на Англискихъ картахъ мысъ Греивиль) въ 10-ти Италіанскихъ миляхъ. Въ 5-мъ часу по полудни при брамсельномъ вѣтрѣ миновавъ оный мысъ выпалили изъ пушки съ ядромъ; по таковому знаку пріѣхала къ намъ двухлючная байдарка, которую тогдажъ отправили обратно съ письмомъ къ Правителю Баннеру для присылки байдаръ, чтобъ буксировать наше судно. Ибо въ это время насталъ штиль. Съ 9-го до 2-го часа палили изъ пушекъ, и звонили въ колоколъ, дабы посланныя съ берега байдары насъ не миновали по причинѣ густаго тумана.

Іюля 1-го числа въ началѣ 2-го часа по полуночи

закрѣпивъ всѣ паруса остановились на верпѣ при глубинѣ 5-ти саженъ и грунтѣ илѣ. Тогда жъ пріѣхалъ къ намъ Г. Баннеръ на ялѣ, и съ нимъ двѣ 14-хъ весельныя байдары. Въ 11-мъ часу прочистился, — подняли верпъ, и пошли буксиромъ въ Павловскую гавань. Въ 1-мъ часу прошли стоящее на рейдѣ Американское судно *Океинъ*. Во 2-мъ часу съ Павловской крѣпости салютовано изъ 11-ти пушекъ. Въ 2 часа прошедъ оную крѣпость, положили якорь. — Отъ Сандвическаго острова Овиги до Кадьяка плаваніе наше продолжалось 26-ть дней.

Въ Павловской гавани все строеніе изъ еловаго леса. На берегу, близъ котораго на якоряхъ стоятъ суда, Такелажная съ другими большими для поклажи горницами. Противъ оной на горѣ новый правительскій Домъ съ Библіотекою; а отъ него въ видѣ продолговатаго четвероугольника восемъ разныхъ семѣйственныхъ домовъ. Противъ правительскаго Дома при самой оконечности мыса стоятъ церковь и колокольня съ ветхими крышами. Предъ самымъ входомъ въ церковь по правую сторону общая компанейская поварня, а по лѣвую сарай для байдаръ и разныхъ подѣлокъ; позади сарая кладовыя для кормовъ и балаганъ, т. е. сарай на столбахъ для юколы и качемаза, въ которомъ полъ изъ жердей для свободнаго проходу воздуха. Въ кладовыхъ содержатся китовое, сивучье и нерпячье мяса, жиръ китовый и сивучій, сарана, и ягоды шикша, брусница, морошка. Всѣ кормовые припасы привозятся изъ артелей. Противъ церкви за ручьемъ на возвышенномъ мѣстѣ прежде бывшая деревянная полуциркулемъ крѣпость, коей третья часть за ветхостію уже отломана, а остались только покои для конторы, казармы для промышленныхъ, магазинъ для

пушныхъ товаровъ, лавки съ погребами и не много въ отдаленности кузница съ слѣсарнею. Все оное строеніе ветхо. За симъ подъ горою старый правительскій домъ, гдѣ теперь находится Россійско-Американское Училище, ветхіе покои для духовной миссіи, общая компанейская баня, круглый кажимъ, гдѣ живутъ компанейскія каюры и больные, и новый сотскій дворъ. Отъ сего послѣдняго въ недальнемъ разстояніи находится домъ правительскаго помощника Баннера и гостинные покои.

Кромѣ онаго селенія на Кадьякѣ находятся слѣдующія артели:

1) Сапожникова близъ Павловской гавани, въ коей построена одна деревянная казарма для рускихъ, скотскій дворъ, балаганъ и алеутскіе юрты. Здѣсь содержится болѣе коровъ, нежели въ другихъ артеляхъ. Съ великимъ трудомъ и неудовольствіемъ сѣютъ не много ячменя и овса. Соху таскаютъ алеуты вмѣсто быковъ.

2) На южной сторонѣ Кадьяка Игатская артель въ бухтѣ того-жъ имени. Въ ней все строеніе изъ тополоваго и ольховаго лѣса. Домъ для байдарщика и русскихъ промышленныхъ, кормовая барабара (кладовая), поварня для китоваго жира, кухня, баня, анбаръ, новый скотникъ, алеутскій кажимъ, сараи и два лабаза, т. е. столбы съ перекладинами, на коихъ для сушки развѣшиваютъ рыбу. Отъ артели въ разстояніи трехъ верстъ на устьѣ озера—запоръ,—сарай на 8 саженяхъ длины съ тремя лабазами и земленая юрта. Здѣсь заготовляется до 60.000 юколы. Съ 10-го Апрѣля *гольцы* идутъ изъ озера въ море; *Красная* подходитъ къ запору 23-го Апрѣля и ранѣе; *Горбуша* и *Хайко* приходитъ съ моря въ половинѣ іюня. Изъ сихъ трехъ послѣднихъ рыбъ пріуготовляется юкола, посредствомъ женщинъ, кои сво-

ими американскими ножами на подобіе нашихъ сѣчекъ сперва разрѣзываютъ по-поламъ рыбу, по томъ отнявъ голову вынимаютъ всю хребтовую кость, и таковыя пластинки вѣсятъ для сушки на лабаза, а съ оныхъ относятъ высушенныя въ балаганъ. — *Кижучь* изъ рода лососей приходитъ къ запору въ половинѣ сентября и ранѣе; изъ него такъ же пріуготовляютъ юколу и *кочемазъ*, въ коемъ хребтовая кость не вырѣзывается.

3-я артель въ Трех-Святительской гавани. Въ ней строеніе изъ таполоваго и ольховаго леса. Покои для байдарщика и пріѣзжающихъ, казарма для десяти семѣй, кузница, поварня, три барабары (кладовыя) на 15-ти саженяхъ длины. Въ первой хранится жиръ и производится рѣзка китовины. — Части свѣжаго кита сперва изрѣзавъ на малые кусочки, кладутъ въ большія кади, и даютъ отстояться безъ прибавки воды 10-ть дней, а съ водою еще 20-ть дней; потомъ вытапливаютъ жиръ умѣреннымъ огнемъ въ большихъ котлахъ около 20-ти ведръ, прибавляя въ каждый котелъ по 8-ми ведръ воды. Естьлижъ китъ долго пробудетъ въ морѣ и начнетъ портиться, отъ солнечнаго жара и морскаго воздуха; то изрѣзавъ таковаго кита не кладутъ въ кади, а скорѣе къ котелъ, прибавляютъ болѣе воды и вытапливаютъ самымъ легкимъ огнемъ. А сивучій и нерпячій жиръ вытапливаютъ не прибавляя воды. Въ хорошій ловъ запасается до 50-ти бочекъ китоваго жира. Брюховыя части свѣжаго кита особенно парятъ въ котлахъ и для предохраненія намазавъ икрою съ вареною кислицею, кладутъ ихъ въ кади. Таковая китовина называется *павлиною* и заготовляется оной здѣсь для однихъ русскихъ болѣе 200 пудовъ. *Провѣсною* называется та, которую рѣжутъ прутьями изъ ластовъ свѣжаго кита и

изъ брюховыхъ частей и ластовъ пробывшаго долго въ морѣ. Оную китовину употребляютъ для каюръ и каюрокъ. Въ средней барабарѣ (кладовой) юкола, коей въ хорошее время заготовляется до 90.000. Въ третей 4 чана ягодъ шикши съ китовымъ жиромъ, изъ коихъ выходитъ болѣе 30 бочекъ. Между вторую и третьею барабарами сдѣланъ сусекъ или ларь (закрамъ) для сараны, коей собирается въ урожай болѣе 600 ведръ. Ея копаютъ въ iюнѣ, по томъ отваривъ толкутъ и высушивъ кладутъ въ вышеупомянутый закрамъ. Таковая сарана водою разведенная называется бурдукомъ. Близъ барабаръ скотникъ, сарай для сѣна, сарай для байдаръ и байдарокъ и юрта для каюръ.

4-я артель Алитатская на западной сторонѣ Кадьяка. Она построена на горѣ подлѣ не большей рѣчкѣ слѣдующимъ образомъ: одна для байдарщика горница изъ достокъ, кругомъ окладенная дерномъ, другая подлѣ ея, съ двумя урунами для русскихъ промышленныхъ; сѣни, поварня и кладовая; не много подалѣе поварня для жира, китовины и сараны, двѣ барабары для кормовыхъ припасовъ. Въ 1-ой двѣ большихъ кади сараны, 15 бочекъ кикши съ жиромъ и двѣ кади Павлиной китовины; во 2-ой хранится китовый жиръ въ 25-ти сивучьихъ пупузыряхъ—около 150 ведръ; сарай для разныхъ подѣлокъ, скотникъ, свинарникъ, сѣнникъ, балаганъ съ юколою, коей здѣсь заготовляется до 70.000, и подъ горою еще сарай для байдаръ и байдарокъ.

5-я Карлукская артель на Сѣверной сторонѣ Кадьяка.—На горѣ подлѣ рѣчки *Карлукъ* крѣпость обнесена небольшимъ земленымъ валомъ съ морской стороны 27-ми саженъ, а съ протчихъ трехъ около 50-ти. Въ ней строенiе слѣдующее: довольно чистая и свѣтлая казарма

изъ достокъ, кругомъ окладенная дерномъ, 7 саженъ длины и четыре ширины съ 11-ю урунами для рускихъ промышленныхъ, покоп для байдарщика, и на верху двѣ лѣтнія горницы, сѣни, поварня, балаганъ 8-мь саженъ длины, 4 ширины. Здѣсь юколы въ доброе лѣто припасаютъ до 300.000. Двѣ барабары, одна для кормовыхъ припасовъ, изъ коихъ сараны 200 пикатовъ, шикши 20 бочекъ 25-ти ведерныхъ, три кади китоваго жира, и двѣ бочки моропки, а другая для поклажи разныхъ вещей; погребъ для сбереженія картофеля и рѣпы; поварня для лѣта, баня, сарай для разныхъ подѣлокъ, бутка или караульня. За крѣпостію, въ недальнемъ разстояніи отъ воротъ, скотникъ, сѣнникъ, свинарникъ, 3-хъ сажен. квадратный кажимъ съ юртою 3-хъ саженъ длины, 4-хъ ширины для каюръ, коихъ при одной здѣшней артели состоитъ на лицѣ 20-ть, а каюрокъ 18-ть, и для чистки рыбы 25-ть женщинъ съ разныхъ жилъ.—Подъ горою сарай для байдаръ и байдарокъ.

Кромѣ сихъ Кадьякскихъ артелей, находятся еще на островѣ Афогнакѣ двѣ съ подобными постройками и заведеніями; на лесномъ островкѣ одна, гдѣ юкола не заготовляется по тому, что нѣтъ ни одной рѣчки. На семъ островкѣ дѣлаютъ кирпичи и вываривают соль. При каждой артели, кромѣ скотоводства, имѣютъ огороды, въ которыхъ садятъ только картофель и сѣютъ рѣпу.

Нѣкоторые изъ таіоновъ Кадьякскихъ по пріѣздѣ Г. Резанова построили себѣ по одной руской горницѣ— безъ печей, хотя и всѣ ему дали обѣщаніе строиться по примѣру рускихъ, но они не имѣютъ къ тому довольныхъ силъ и способовъ. — Обыкновенное жъ ихъ строеніе состоитъ въ слѣдующемъ: Прихожая или сѣни поалеутски *Чиклюакъ* въ 12 аршинъ длины, 8 ширины и 2 вышины

обставлена досками съ продолговатымъ отверстіемъ для входа; потомъ на поставленныхъ по угламъ стойкахъ начинаются по три со всѣхъ четырехъ сторонъ перекладины очень отлого положенныя клеткою, и на нихъ еще по три покруче—такъ что на верху остается отверстіе не много болѣе аршина; снаружи покрыта травою и насыпана землею. По сторонамъ съ малымъ круглымъ въ прихожую отверстіемъ (какъ только можно человѣку пролесть) придѣланы небольшія квадратныя отдѣленія подобной постройки съ однимъ на боку окошечкомъ, гдѣ они спятъ, работаютъ, и парятся наносивъ туда накаленныхъ въ прихожей каменьевъ. Въ оныхъ спальняхъ укладены на стенахъ вмѣсто украшенія стрѣлки и для памяти промышленныхъ звѣрей висятъ нерпячьи грудные позвонки или уринные пузырки и бобровыя головки; а на-низу лежатъ разныхъ величинъ блюдца, чашечки, ложки и калужки, т. е. продолговатая посуда для воды. Въ прихожей хранятся въ особенномъ отгородкѣ кормовые припасы, какъ-то: юкола, красной рыбы, икра, ягоды съ жиромъ и сарана — только всего въ очень маломъ количествѣ.

У богатаго и семѣйнаго таіона въ 8 и 10 арш. квадратный кажимъ; въ $2^1/_2$ арш. вышины обставленъ толстыми неотесанными досками со входомъ въ прихожую; по угламъ утверждены толстыя стойки, съ которыхъ отлого начинается квадратнымъ уменьшеніемъ склоненіе сводовъ числомъ до 6-ти перекладинъ разстояніемъ немного менѣе аршина одна отъ другой клеткою положенныхъ такимъ образомъ, что на верху остается одинъ квадратный люкъ покрытый сивучьими или нерпячьими кишками, отъ котораго во всемъ кажимѣ очень свѣтло бываетъ; снаружи по крытъ травою и по томъ при сы-

пан̆ землею. Внутри по всѣмъ сторонамъ сдѣланы лавки для гостей. Таковыхъ кажимовъ видѣлъ я только три на всемъ Кадьякѣ. Въ нихъ бываютъ игрушки.

Таіоны учреждены по пріѣздѣ Шелехова на Кадьякъ, а до него на каждомъ жилѣ начальствовалъ *Анаюгакъ* хозяинъ. Онъ непремѣнно долженъ былъ имѣть собственный кажимъ: Сіе достоинство было наслѣдственное для дѣтей и для ближнихъ его сродниковъ, какъ-то: сынъ, братъ, дядя, племянникъ и зять постепенно заступали его мѣсто. Анаюгакъ назначалъ по себѣ наслѣдника еще заблаговременно до своей смерти. Для сего онъ всѣхъ созывалъ въ кажимъ, куда самъ приводилъ и назначаемаго, нарядивъ его въ лучшее платье. Тутъ предъ всѣми обьявлялъ его своимъ наслѣдникомъ, который непремѣнно долженъ подчивать и угостить всѣхъ собравшихся. Въ это время женщины не бываютъ, а тѣ дѣвицы, коимъ дано имя мужское, и содержаны были вмѣсто сына, имѣли право находиться въ собраніи. За таковый ихъ входъ въ кажимъ отецъ каждогодно обязанъ дарить *Анаюгаку* въ трое больше нежели другіе дарятъ за мущинъ. По окончаніи собранія и угощенія, на игрушку приходятъ всѣ женщины уже вечеромъ. Власть Анаюгака состояла въ томъ, что отлучающійся долженъ объявить ему притчину своей надобности, и что онъ еще дѣлалъ приказанія относительно посылокъ; а наказывать другихъ ничемъ не могъ, развѣ за собственную свою обиду, управлялъ только своимъ семѣйствомъ, воспитанниками и калгами (плѣнниками); на войну склонялъ совѣтами и подарками; при собраніяхъ занималъ первое мѣсто и давалъ разныя наставленія. Въ присутствіе его наблюдалось глубокое молчаніе, — и малый ребенокъ не долженъ ходить. Вотъ отличительная примѣта его чести!

Богатымъ между Алеутъ тотъ почитался, кто кромѣ одѣтаго семѣйства имѣлъ только для себя одну бобровую, 5 еврашачьихъ, 5 тарбаганыхъ или оленьихъ, 5 урильихъ и 5 топорковыхъ парокъ, дватцативесельную байдару, три байдарки, много лавтаковъ, т. е. сивучьихъ и нерпячьихъ кожъ, у коихъ шерсть по выпаренiи снята, довольно китовины, два сивучьихъ пузыря китоваго жира, двѣ калуги для воды, 5-ть *калюкахъ* (изъ дерева согнутыхъ на подобіе нашего лукошка) шикши съ жиромъ и столько же сараны, сивучій пузырь икры изъ красной рыбы, 10-ть большихъ связокъ юколы, такъ же нѣсколько палтусовой и тресковой. За всемъ симъ, выключая различныя стрѣлки и протчія домашнія орудія для каждаго необходимыя, должны у него находиться еще служащія къ украшенію слѣдующія вещи: 1-ое 4 и болѣе янтарей, которые находили они иногда сами на островѣ Укамокѣ и свѣтло-бѣловатый цѣнили и теперь цѣнятъ дороже желтаго. 2-ое *Айминáкъ* (сукли) т. е. тонкія косточки, червяку подобныя въ длину болѣе и менѣе полутора вершка. 3-е *Кукáкъ* т. е. тонкія дощечки съ вершокъ длины и ширины, вырѣзанныя изъ самой средины перламутовой ракушки; и 4-ое довольное количество различныхъ бисеровъ.

На войнѣ употребляли щиты *кубахкинахъ* изъ деревянныхъ толщиною менѣе полвершка, шириною въ вершокъ и длиною на спинѣ въ 3½, а на переди въ 2 четверти, крѣпко между собою жильными нитками связанныхъ дощечекъ, къ которымъ еще прикрѣпляется нагрудникъ *хакáть* изъ тоненькихъ палочекъ въ одну четверть длины такъ искусно и прочно между собою тѣмиже нитками переплетенныхъ, что копье сильнаго ратника удобно удерживать могъ. Бывали такъ же и всѣ

щиты подобные нагруднику. Ими прикрывали одно только туловище. Сверхъ сихъ щитовъ надѣвали еще плащь *улихтáть* такимъ-же образомъ изъ длинныхъ дощечекъ сдѣланный, смотря по росту человѣка. Ошейникомъ служила урилья сѣтка, коею обвертывали шею крѣпко ея скрутивъ. Шапку имѣли или изъ тополоваго дерева или изъ толстой звѣриной кожи. Вымаравъ краскою лице, выходили на войну, держа въ правой рукѣ костяное копье, а въ левой лукъ. Колчанъ со стрѣлами повѣшанъ такъ-же на лѣвой сторонѣ. Лукъ обыкновенно бываетъ сдѣланъ въ 2 аршина длины изъ Американскаго кипариса, который иначе называется душнымъ деревомъ. У стрѣлокъ древко бываетъ длиною въ 3 четверти и болѣе съ наконечникомъ оленей кости при трехъ въ одну четверть насѣчкахъ и съ каменнымъ или мѣднымъ на немъ копьецомъ въ полтора вершка.

Съ таковымъ снарядомъ въ лѣтнее время смѣлые и предпріимчивые по здѣланному прежде позыву съѣжжались на жило къ главному начинщику или своему воеводѣ. По собраніи достаточнаго числа таковыхъ ратниковъ, входятъ они въ кажимъ и садятся на лавкахъ по распоряженію своего предводителя какъ хозяина кажима. Самъ же онъ садится на полу близъ входа. По томъ жена его съ самымъ скромнымъ видомъ приноситъ въ калугѣ воды—приседетъ на минуту подлѣ мужа и вдругъ выдетъ для того, что женщины не должны быть при таковыхъ собраніяхъ. А мальчики изъ родныхъ или калги (плѣнники) подаютъ воду пить по старшинству каждому гостю. За симъ опять жена при помощи другихъ женщинъ ближней родни приноситъ въ большихъ четвероугольныхъ и круглыхъ деревянныхъ мисахъ талкуши т. е. 1) расколоченной съ жиромъ красной рыбы икры;

2) растертой и перебитой съ водою и жиромъ сараны и 3) шикши съ жиромъ; по томъ подаютъ вареннаго сивучьяго или нерпячьяго мяса и сырой изрѣзаной палтуеины, которую ѣдятъ для того, чтобъ не отрыгалось жиромъ. Въ продолженіе таковаго пиршества никто не смѣетъ говорить, кромѣ стариковъ, и строгій во всемъ наблюдается порядокъ. Кто даже въ собраніи протянетъ ногу, тотъ повиненъ заплатить штрафъ. По окончаніи обѣда жена еще приноситъ воды; а ближніе родные вносятъ изготовленные на сей случай подарки, и кладутъ ихъ на полу среди кажима.—Тутъ встаетъ одинъ только — самъ воевода (первый ихъ анаюгакъ) — беретъ въ руки побрякушки, т. е. не большіе обручики съ привязанными во кругъ ихъ красными носками морской птицы топоркомъ называемой, — и начинаетъ плясать. Въ тужъ самую минуту родные его бьютъ въ бубны, т. е. большіе съ ручкою обручи обтянутые тонкою кожею, и поютъ воспоминая дѣла своихъ праотцовъ и отцовъ славно воевавшихъ. По окончаніи таковой военной пѣсни хозяинъ изъ своихъ рукъ даритъ гостей по старшинству,—Анаюгаковъ (таіоновъ) бобрами или Еврашечьими парками, стариковъ лавтаками или урильими парками, молодыхъ—нѣкоторыхъ янтарями, а прочихъ суклями или бисеромъ и проситъ извиненія въ томъ, что мало одарилъ, обнадѣживая при томъ большею добычею, каковую они имѣютъ получить у непріятелей. На другой день изготовляются къ отъѣзду безъ всякой церемоніи; жены провожаютъ ихъ, сидя на берегу. Мущины съ ними растаются очень хладнокровно. Ни одинъ изъ нихъ не выронетъ ни одной капли слезы и даже не вздохнетъ, что почлось бы знакомъ трусости и не воина. Садясь въ байдару, едва удостоитъ однимъ словомъ сквозь зубы: *фай*—прощай.

Отправлялись для таковаго похода въ 30-ти байдарахъ, въ каждой по 20-ти человѣкъ (иногда болѣе или менѣе), сѣверные жители съ западными противъ Аляксинцовъ, а южные съ восточными противъ Кинайцевъ или Чугачь. Отъ острова Шуяка въ два дни при хорошей погодѣ переѣжжали въ Кинайскую губу, стараясь нападать на сонныхъ; стариковъ и взрослыхъ убивали, женъ молодыхъ, дѣвицъ и подростковъ брали въ полонъ; малолѣтныхъ оставляли съ старухами и всѣ нужныя вещи обирали въ добычу. Когда побѣжденный таіонъ пожалѣетъ дѣтей и женъ, то при посредствѣ другихъ жилъ получаетъ миръ. Побѣдители никогда въ томъ не отказывали; давали съ обоихъ сторонъ въ аманаты изъ знатныхъ и по согласію вымѣнивали плѣнниковъ. Аманатовъ содержали у себя отлично, одѣвали самымъ лучшимъ платьемъ. оказывали имъ великую учтивость; постилали для принятія ихъ бобры, и дарили лучшими вещами, когда они приходили въ гости. Во время непріятельскаго нападенія Кадьякскіе жители защищались не оружіемъ своимъ, а побѣгомъ на большіе высокіе или почти неприступные приморскіе камни, на коихъ они еще прежде приготовляли себѣ жилище и запасшись всемъ для себя и семѣйствъ нужнымъ выдерживали долговременную осаду, или съ великою выгодою отбивали нападающихъ. У которыхъ жилъ не было близко таковыхъ каменьевъ, тѣ уходили въ горы—и тамъ спасались.

Осенью, по заготовленіи кормовыхъ припасовъ, алеуты обыкновенно исправляютъ свои зимники;—для прикрытія ихъ траву рвутъ руками и обсыпаютъ землею; такъ же заготовляютъ траву и на зиму для постели въ своихъ спальняхъ. Въ обдѣлываніи кажима всѣ помогаютъ хозяину, который по окончаніи работы, того жъ вечера

угощаетъ трудящихся съ подобнымъ вышеупомянутому обрядомъ. Женщины исключены изъ сей работы.

Желающій сдѣлать игрушку созываетъ всѣхъ сосѣдей своихъ въ кажимъ. Когда они сядутъ на лавкахъ по своимъ мѣстамъ, и онъ принеся талкушу, поставитъ на срединѣ, и самъ станетъ у дверей; тогда всѣ начинаютъ пѣть похваляя его сродниковъ. По окончаніи таковой пѣсни садится на полу и объявляетъ всѣмъ, кого онъ намѣренъ позвать на игрушку, какой ему сдѣлаетъ подарокъ, и когда за нимъ пошлетъ; по томъ вставъ даритъ хозяина кажима и того старика, который вовремя игрушки своими разговорами долженъ забавлять гостей, а особливо, когда по окончаніи одной пѣсни и пляски еще не такъ скоро другая начинается. На конецъ самъ подноситъ талкушу каждому по старшинству. Ѣдятъ учтиво—по немногу—чтобъ всѣмъ досталось. — За таковое угощеніе поблагодаривъ его расходятся по домамъ.

Игрушки ихъ обыкновенно продолжаются въ концѣ Осени и въ началѣ Зимы до тѣхъ поръ, пока у нихъ находятся кормовые припасы. Дѣлаютъ ихъ по причинѣ разныхъ обстоятельствъ и случаевъ. Иной отправляетъ игрушку желая съ кѣмъ познакомиться, и свести теснѣе дружбу, которая за велико между ими почитается; другой по причинѣ женидьбы; третій изъ благодарности къ одолжившему чемъ-нибудь; четвертый изъ обыкновенія; пятой для щегольства предъ другими, что онъ богатъ и довольно у него корму и проч. — Производятся онѣ въ кажимѣ, а на которомъ жилѣ его нѣтъ, въ алеутской прихожей, или въ большемъ отдѣленіи, гдѣ спятъ. Сходятся всѣ — мущины, женщины, дѣвицы и малые. Мущины въ кажимѣ сидятъ на лавкахъ, а женщины подъ лавками на полу; каждая подъ своимъ мужемъ. Ста-

рики бьютъ въ бубны и начинаютъ пѣсни въ честь своихъ праотцовъ и отцовъ, воспоминая, что у нихъ байдары бывали, бобры бывали и проч.—За ними всѣ поютъ; а мущины въ своихъ нарядныхъ шапочкахъ и узорчатыхъ колпакахъ, нарочито для таковыхъ случаевъ сдѣланныхъ, въ тожъ время пляшутъ по одиночкѣ съ побрякушками въ рукахъ, то подпрыгивая, то присѣдая, то уклоняясь во всѣ стороны—размахивая побрякушками въ тактъ;—въ таковыхъ движеніяхъ представляютъ разные свои промыслы, на пр. какъ китовый промышленикъ колетъ стрѣлкою кита, и отъ него увертывается, какъ гоняютъ бобра и проч.—по томъ скинувъ нарядные колпаки надѣваютъ странныя личины разныхъ видовъ и разныя маски и въ оныхъ такъ же подъ пѣсни пляшутъ съ побрякушками или по одиначкѣ или по два, —тоже представляя. Женщины и дѣвицы танцуютъ всегда однѣ— безъ мущинъ, важно вставъ въ прямую линію плотно одна подлѣ другой, то присѣдая тихо, мало, почти непримѣтно и подобнымъ образомъ выправляясь, то склоняясь такъ же на правую и на лѣвую сторону. Онѣ при началѣ своей пляски сперва нѣсколько выставивъ впередъ лѣвую руку согнувши пальцы, держатъ ея въ таковомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока всѣ поютъ безъ рѣчей. Когда же тѣ, которые бьютъ въ бубны и продолжаютъ пѣсню въ честь своихъ умершихъ, чуть упомянутъ имя и смерть своего сродника; тогда онѣ вдругъ стройно оборачиваютъ ладонью къ землѣ. Во время ихъ пляски веселые старики различнымъ образомъ стараются довести ихъ до того, чтобъ другія изъ нихъ разсмѣялись, для того, что по ихъ обыкновенію тотъ отецъ или мужъ непремѣнно обязанъ платить штрафъ въ пользу старыхъ или бѣдныхъ; чія дочь или жена хотя чуть улыбнулась во время пляски.

И мнѣ отецъ подарилъ лавтакъ, и мужъ нерпячью кожу за нарушеніе дочерью и женою таковаго ихъ древняго преданія; а я отдалъ сіи вещи въ пользу бѣдныхъ; за что получилъ отъ всѣхъ предсѣдящихъ стариковъ великую похвалу и благодарность.—Таковыя игрушки продолжаются чрезъ всю ночь — почти до самой зари. По окончаніи дѣлающій игрушку даритъ парками, янтаремъ и суклями, или чемъ богатъ, того, кого звалъ въ гости, такъ же хозяина кажима, говоруна, и кого еще за благо разсудитъ. Расходятся безъ всякихъ обрядовъ, по скромно— безъ шума—молча.

Вотъ пѣсня двоюродною сестрою острова Ситхинака жила *Убагуикъ* таіона Аѳанасія 68-ми лѣтнею старухою Василисою *Кинуанъ* сочиненная по случаю смерти ея брата!

Что я плачу смерть эта вездѣ
Амчѝ хвѝ кеннѐгли; тугỳ маннѝ нууг-найтòкъ.
Что я кручинюсь смерть эта вездѣ
Амчѝ хвѝ палюнѐгли: тугỳ маннѝ нууг-найтòкъ.
Что я чернюсь *) смерть эта по всѣмъ мѣстамъ
Амчѝ хвѝ иканѐгли; тугỳ маннѝ шундокъ.
Самые соб. имя отъ смерти не изъяты
Иканкутлю *кужиктагмютъ* тугумъ нунытей.

Кужиктагмютъ по ихъ мнѣнію такіе жители, далѣе которыхъ уже нѣтъ никого на свѣтѣ. Подъ симъ именемъ разумѣли отдаленныхъ Лисьевскихъ алеутъ.

Вотъ еще старинная ихъ пѣсня сообщенная мнѣ Аехталитскимъ таіономъ Алексѣемъ *Икуйкъ*!

Дѣдушку исправно ищу
Апàка кашкакля ивахпàгака.

*) Надъ словомъ *иканегли* было сперва написано *мараюсь; мараюсь* зачеркнуто и написано *чернюсь* тѣмъ же, повидимому, почеркомъ, но болѣе свѣжими, болѣе черными чернилами. Прим. переписчика.

У дѣдушки байдары бывали Аминака ищу
Апàка *анишакля*; Аминакъ ивахпàгака
Дѣдушку исправно ищу у Агнака бобры бывали
Апàка кашкàкля ивахпагака, Агнакъ ахнякля.
Дѣдушка Кигилякъ промышленникъ
Апàка Кигилякъ нахщàгля.
Дѣдушка Ухатаякъ крикивалъ
Апàка Ухатаякъ *катлiакля*.

Сiю пѣсню кадьякцы очень любятъ и на игрушкахъ часто ее поютъ съ крайнею жалостiю. Ибо въ ней упоминается, 1-ое) что прежде у нихъ байдары бывали, а теперь рѣдкой таiонъ имѣетъ и трехъ-лючную байдарку; 2-ое) что у нихъ бобры бывали и носили бобровыя парки, а теперь съ великимъ трудомъ иной едва успѣваетъ добыть и топорковую парку, которую прежде носили ихъ калги; и 3) что прежнiй ихъ Анаюгакъ, по прiѣздѣ съ байдарами къ жилу или при встрѣчѣ гостей, чуть только закричитъ громко, то вдругъ выбѣгало великое множество народа и выносили на себѣ байдару и байдарки, а теперь весьма многiя жила совсѣмъ опустѣли, хотя впротчемъ повальныхъ болѣзней не было.

На другой день игрушки въ 9-мъ или 10-мъ часу по полуночи опять всѣ собираются въ кажимъ и бываетъ угощенiе талкушами и ягодами съ жиромъ отъ женщинъ съ подобными вышеписанными распоряженiями, скромностiю и порядкомъ.—За таковую игрушку тотъ, для кого она была сдѣлана, непремѣнно долженъ послѣ отблагодарить таковоюжъ игрушкою, хотя и на другой годъ или далѣе.

Когда женщинѣ приходило время родить; тогда, призвавъ бабушку, отводили ея въ особую, не много поотдаль прихожей сдѣланную юрточку. Тамъ, по разрѣшенiи женщины отъ бремени, бабушка холодною водою об-

мываетъ младенца и перевязавъ пупокъ уходитъ домой. Имя давали новорожденному по согласію мужа и жены въ честь дѣда или отца или ближняго сродника или пріятеля, когда младенецъ былъ мужескаго пола; а младенцу женскаго пола въ честь бабки или матери или родницы или подруги. По исходѣ 5-ти дней пожилой родильницѣ, а молодой по исходѣ 10-ти дней топятъ баню для обмытія ея съ младенцемъ и изъ бани прямо уже переводятъ ея въ обыкновенную ихъ спальню. Когда женщина лежитъ въ вышеупомянутой юрточкѣ, въ то время никто изъ мущинъ не долженъ туда входить. — Относительно таковаго отлученія родильницъ отъ жилища, сдѣлано мною должное таіонамъ наставленіе по тому, что въ холодное время или зимою мать съ младенцемъ удобно можетъ получить поврежденіе въ здоровьи.

Воспитаніе дѣтей въ томъ состоитъ, чтобъ не допустить до плача не только младенца, но даже и семилѣтняго ребенка; по сему можно заключить, что матери и отцы весьма нѣжно любятъ дѣтей. Они никогда ни чемъ тѣлесно не наказываютъ ихъ, какъ малолѣтныхъ, равно и взрослыхъ, а только совѣтуютъ. Когдажъ примѣтятъ неисправленіе, тогда выговариваютъ и стыдятъ при собраніи стариковъ. Есть-ли и сіе послѣднее средство не подѣйствуетъ, то презирая его, всѣ почитаютъ дуракомъ или дикимъ. Теперь отцы и матери пріучаютъ уже маленькихъ кланяться другимъ и молиться Богу. Дѣвочки съ 6-ти лѣтъ начинаютъ работать, сучать ниточки, вяжутъ плетіоначки (маутки) съ довольнымъ искуствомъ и порядочною чистотою. Мальчики съ 7-ми лѣтъ вмѣсто забавы занимаются дѣланіемъ стрѣлокъ, байдарочекъ, веселочекъ, на берегу бросаютъ стрѣлки, а чрезъ то пріучаются заблаговременно къ будущимъ промысламъ,

помогаютъ на рѣкахъ въ заготовленіи кормовыхъ припасовъ; съ 14-ти лѣтъ пріучаютъ ихъ ѣздить въ байдаркахъ въ тихое время удить рыбу и по бухтамъ стрѣлками гонять птицъ; съ 16-ти лѣтъ берутъ съ собою отцы и родные въ партію для промысла бобровъ.—Женятся въ то время, когда опи собственными своими промыслами заготовятъ для себя и будущей своей жены нужное одѣяніе и свадебные подарки. Женихъ старается по большой части выбирать ту невѣсту, которая бъ умѣла шить байдарку, парки, и камлейки; хотя бъ она была и гораздо старѣе жениха.

Сынъ проситъ прежде у отца позволеніе жениться обьявляя имя невѣсты. Отецъ иногда одобряетъ таковое его намѣреніе, иногда назначаетъ по своему выбору другую. Естьли сынъ на то согласенъ, то онъ посылаетъ своего близкаго сродника обьявить о семъ невѣстину отцу. Получивъ же желаемый отвѣтъ, на другой день женихъ самъ приходитъ ночью къ невѣстѣ,—ложится подлѣ ея во всей одеждѣ; по утру вставъ идетъ за дровами, накаливаетъ въ прихожей каменья для бани, гдѣ моется вмѣстѣ съ невѣстою. По выходѣ изъ бани, родные принесутъ жениховы подарки, которые прежде состояли въ бобровыхъ, еврашечьихъ, тарбаганьихъ и урильихъ паркахъ, калгахъ, янтаряхъ и сукляхъ. Ими даритъ тестя и протчихъ его сродниковъ. Въ слѣдующій день приходитъ сынъ съ своею женою къ отцу, который подаритъ ей одну парку, одну камлейку и нѣсколько суклей, бисера или корольковъ, попотчуетъ талкушею и при прощаніи скажетъ сыну: люби свою жену. Послѣ сего новобрачный съ молодою опять возвращается къ своему тестю, у котораго живетъ столько времени, сколько пожелаетъ. Новобрачные должны хранить цѣломудріе до 5-ти дней.

Осенью, естьли богатъ, дѣлаетъ молодой игрушку. Сей обрядъ наблюдали еще до крещенія.—Иные съ малолѣтства назначали жениху невѣсту; и это происходило только между самими искренними друзьями.

Мужья съ женами обходятся очень ласково; въ присудствіи другихъ не смѣютъ даже другъ другу выговаривать и показать суровый видъ. Иначе съ обѣихъ сторонъ причтено будетъ къ несносной обидѣ. Когда жена примѣтитъ, что мужъ не соотвѣтствуетъ ея любви, то рассердясь по причинѣ ревности, бросается ему въ лице и ногтями царапаетъ его; виновный мужъ сидитъ повеся голову на лѣвую сторону, не отваживаясь даже поднять руки на сію правосудную мстительницу. Теперь случается нерѣдко, что мужъ наказываетъ жену, усмотрѣвъ ея непорядочную жизнь.—Мужья прежде воздерживались отъ наказанія женъ по той причинѣ, что сіи послѣднія угрожали побѣгомъ въ утесы, лишеніемъ себя жизни, или утопленіемъ въ водѣ; сіе самое и дѣйствительно иныя выполняли.

Случалось такъ же нерѣдко, что естьли кто изобличивъ жену свою въ невѣрности, не видѣлъ ни малаго ея исправленія; то отгоняя ея отъ себя, давалъ тотъ другимъ на замѣчаніе о ея невѣрности, отрѣзывая конецъ носа, а сердитой откусывалъ зубами. Женажъ примѣтивъ и изобличивъ невѣрность своего мужа, имѣла право свободно его оставить и отойти къ другому.—У иныхъ проворныхъ и рукодѣльныхъ бабъ бывали половинщики, кои жили между собою дружно и мирно.

Женщинъ и дѣвицъ отлучали и теперь отлучаютъ отъ жилищъ въ особливую юрточку, когда только примѣтятъ немощь ежемѣсячно свойственную ихъ полу, и подаютъ имъ туда пищу въ особыхъ посудинахъ, и воду въ особой калужкѣ.

Отъ колотья въ груди лѣкарствомъ служитъ малая морская рыба — быкъ *каюлюкъ*, которую одну только употребляютъ въ пищу до самаго выздоровленія; да и послѣ такъ же воздерживаются отъ другихъ жирныхъ снѣдей. Притчину колотья приписываютъ внутреннимъ созрѣвающимъ чирьямъ, кои по мнѣнію ихъ происходятъ отъ нечистоты женщинъ. По прорваніи таковыхъ чирьевъ приступаютъ къ другому лѣкарству. Наскобливъ корня растенія *чикиналяхпикъ*, и хорошо отваривъ, даютъ пить по утру и вечеромъ. Таковый отваръ очень противенъ и такъ горекъ, что другой не можетъ снести его употребленія. Въ это время ѣдятъ треску и другую нежирную рыбу.

При самомъ первомъ появленіи наружныхъ чирьевъ разрѣзываютъ своими ножами больное мѣсто и до созрѣнія ихъ для того не допускаютъ, что они тогда бываютъ опаснѣе.

Когда болятъ печіонки; то противъ ихъ въ пахахъ, гдѣ чувствуютъ боль, такъ же разрѣзываютъ тѣло и по выпущеніи дурной крови засыпаютъ пухомъ.

Естьли человѣкъ опухнетъ и покажутся на всемъ тѣлѣ желваки; то прорѣзываютъ до кости пяты. Во время тошноты случающейся отъ многаго изтеченія крови кладутъ между пахами холодные камни; а унимаютъ кровь истертою въ порошокъ еловою гнилушкою. Когда пятки начнутъ заживать; тогда прорѣзываютъ и снимаютъ на верхушкѣ головы кожу въ полтора вершка длины и болѣе полвершка ширины. При семъ случаѣ очень много выходитъ крови, которую унимаютъ или тѣмъ же порошкомъ, или отъ палтуса сырымъ мясомъ, или глиною.— Естьли страждущій каменною болѣзнію отъ страшной боли сдѣлается почти безъ чувствъ, то иногда вынимали

камни,—только малые—разрѣзывая обыкновенными своими ножами оконечность тайнаго уда.

Въ случаѣ застарѣлой глазной болѣзни производятъ иногда страшную операцію: выточенною изъ мѣдвежей кости толщины въ соломинку палочкою прокалываютъ съ обѣихъ сторонъ, начиная не много повыше оконечности бровей, такъ, чтобъ она прошла, минуя глазное яблоко, до самой переносицы. Въ продолженіи таковой ужасной операціи, въ ротъ кладутъ страдальцу елова дерева сукъ для того, чтобъ отъ нестерпимой боли не откусилъ языка. Послѣ сего ничемъ не прикладываютъ и не обвязываютъ.

Отъ головной болѣзни пониже темя прорѣзываютъ кожу до кости съ той стороны, гдѣ болѣе чувствуютъ боли, и по довольномъ истеченіи крови присыпаютъ пухомъ.

Поднявъ иглою жилу и прорѣзавъ своимъ ножемъ, пускаютъ кровь, отъ головной болѣзни, изъ той руки, въ которой сторонѣ чувствуютъ боль, изъ подьязыка отъ кашля и горла, отъ живота изъ ногъ и изъ руки. Примѣчаютъ дурную кровь по цвѣту, а унимаютъ растертою гнилушкою. Судятъ такъ же по цвѣту крови о жизни и смерти человѣка.

Чинкакъ коренья петрушки испаривъ употребляютъ съ жиромъ въ пищу, а столокши горячими припариваютъ опухоль.

Атунать Кислица толченая и отвареная служитъ рвотнымъ, а иногда и слабительнымъ лѣкарствомъ.

Чивыхять Чистякъ (кописчки). Отваръ его кореньевъ бываетъ самымъ лучшимъ слабительнымъ; сей корень ѣдятъ и сырымъ съ великою пользою отъ запора, который часто случается отъ неумѣреннаго употребленія малины.

Таганакъ. Кутагорникъ горькій.—Сей корень изтолокши парятъ на раскаленныхъ каменьяхъ, и потомъ прикладываютъ къ опухшему мѣсту.

Кюйюхатъ. Одни дробные его корешки приготовляя подобно таганаку, употребляютъ отъ опухоли, но гораздо съ большею пользою, нежели первый.

Амаготъ. Отваръ изтолченныхъ его кореньевъ пьютъ по утру и вечеромъ въ венерической болѣзни, а особливо когда болитъ горло. Въ то время не ѣдятъ цѣлой день, а отварками припариваютъ горло. — Сіи послѣдніи двѣ травы обыкновенно растутъ на равныхъ песчаныхъ мѣстахъ приморскаго берега.

Шулялюнакъ. Кровочистительная трава похожа листьями на нашъ подбѣлъ, растетъ на сѣверной сторонѣ острова Кадьяка близъ Карлукской артели. Коренья ея близко подходятъ къ продаваемому въ лавкахъ декокту. Отваривъ ихъ въ закупоренномъ сосудѣ алеуты пользуются отъ венерической болѣзни. Выпивъ немного сего отвара, даютъ жевать сырой корень *черноголовника мжулингокъ* (который не мокнетъ), а слюну глотать, хотя она бываетъ горька и ѣдка.

Вообще во всѣхъ болѣзняхъ наблюдаютъ великую діету. Даже мальчики и дѣвочки примѣтивъ у себя на тѣлѣ маленькій нарывъ не принужденно воздерживаются отъ ѣды, а особливо отъ жирнаго.

Когда кто умретъ изъ Алеутъ, то кромѣ малыхъ дѣтей, созываютъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, кои собравшись садятся вокругъ умершаго, плачутъ, приговаривая, надъ мущиною, что онъ уже не будетъ промышлять звѣрей, дѣлать игрушки, ѣсть талкуши, китовины, ѣздить на войну и проч. Надъ женщиною или дѣвицею, что она не будетъ носить парокъ, янтарей, суклей и би-

сера, танцовать на игрушкахъ, шить байдарки и ѣсть китовины, сараны и ягодъ съ жиромъ, какъ-то: морошки, княженики и калины (это ихъ лакомство) и проч. — Послѣ сего копаютъ яму въ довольномъ разстояніи отъ жилища; гробъ дѣлаютъ въ могилѣ клеткою изъ дровъ, когда случатся,—кладутъ ихъ туда во всей ихъ любимой одеждѣ и украшеніи, прикрываютъ лавтаками, окладываютъ каменьями, по томъ засыпаютъ землею и сверхъ могилы нѣкоторые ставятъ наискось длинныя лесины. Зимою зарываютъ въ снѣгахъ. Послѣ 5-ти дней острыгаютъ себѣ всѣ волосы въ знакъ печали, и по зарямъ ходятъ до полгода и болѣе на могилу, гдѣ плачутъ поя жалобныя пѣсни подобныя слѣдующей:

Имена Лисьевскихъ островитянъ.

Акнакъ, Канаюкснокъ, Кашилюкъ, Кинашадакъ,

Имена Кинайскихъ жителей.

Калчача, Ништату, Кахтакъ, Унинука...

Къ каждому изъ сихъ имени прибавляютъ слѣдующіе два стиха:

Полно плакать свѣтъ этотъ не безсмертенъ.

Тава̀нь кеннѐгли; тля̀ уна̀ чакнпльгвидокъ.

Имя предыдущее какъ человѣкъ умеръ оживетъ

Акнакъ каю пухка тугумъ-огми, унуякля.

Сими словами шестидесятилѣтній старикъ Никифоръ *Шипа*—житель Алитатскій оплакивалъ во время утренней зари смерть сына своего въ бытность мою на томъ жилѣ. Стонъ его или лучше сказать унылый ревъ почти у всѣхъ соседей отнималъ сонъ.

Кадьякцы съ сосѣдями живутъ мирно и дружелюбно, въ нуждахъ другъ другу помогаютъ и во время недостатка охотно ссужаютъ одинъ другаго кормовыми припасами; для пріѣжжающихъ нарочито оставляютъ рыбу,

положивъ ея среди прихожей въ то время, когда всѣ уходятъ на работу, женщины для копанія сараны и собиранія ягодъ, а мущины для промысла звѣрей; въ обхожденіи наблюдаютъ учтивость, и осуждаютъ такъ же того, который не встрѣтитъ и не проводитъ другаго. Естьли кто къ кому обратится спиною, то сіе почитаютъ знакомъ неучтивства, и занявшійся работою проситъ извиненія.—Когда хозяинъ поставитъ гостю толкушу или ягоды съ жиромъ, то долженъ непремѣнно прежде самъ откушать. Жена не должна къ мужу протягивать ногъ, хотябъ и вмѣстѣ сидѣла, а отворотясь свободна отъ сего закона. Кто пріѣзжаетъ въ гости, тотъ обязанъ съ собою привести корму въ гостинецъ хозяину; равномѣрно и хозяинъ во напутствіе снабжаетъ гостя кормомъ, да и тѣ остатки, чемъ былъ потчиванъ, долженъ онъ взять съ собою; въ противномъ случаѣ почитается пренебреженіемъ и неучтивостію. За обиду вмѣняли, естьли приходящій начнетъ непристойно поступать и съ другими ссориться;—таковаго не толчкомъ, а болѣе стыдомъ выгоняютъ вонъ.

Кто несправедливо назоветъ другаго бѣднымъ, непроворнымъ, лѣнивымъ и непромышленникомъ; того обиженный вызываетъ вонъ, при свидѣтеляхъ разсказываетъ свою обиду другимъ, и на конецъ удовольствуется тѣмъ отмщеніемъ, что при постороннихъ выругаетъ и наплюетъ въ глаза.—У нихъ никакихъ нѣтъ особенныхъ для ругательства словъ. Въ самомъ великомъ жару гнѣва скромный кадьячанинъ съ важнымъ видомъ скажетъ: „Твой отецъ не имѣлъ байдарки, былъ не промышленникъ, а я не носилъ перпячей парки“.

За воровство тѣлесно не наказывали, а по отнятіи украденной вещи, стыдили при всѣхъ, и упрекали во-

ромъ. Случалось, что у того, который не признается и не отдаетъ добровольно украденной имъ вещи, отнимали силою, и для большаго стыда въ примѣръ другимъ снимали съ него парку. Калговъ же (плѣнниковъ) за воровство наказывали палочными побоями, а за большую вину даже ломали руки и ноги.

Ревностный промышленникъ ночью часто выходя, смотритъ на облака, примѣчаетъ погоду, и, судя по своимъ наблюденіямъ, выѣзжаетъ для промысла очень рано. Жена любя и почитая своего мужа не употребляетъ пищи до тѣхъ поръ, пока онъ возвратится. При постороннихъ мужъ обѣдаетъ прежде, — по томъ жена въ особенныхъ своихъ посудинахъ, безъ постороннихъ же часто ѣдятъ вмѣстѣ, — ничего не говоря. Во время обѣда дѣти не должны ходить. Женщина, принимаясь приготовлять какую нибуть пищу, непремѣнно должна умыть прежде руки. Женщинъ такъ же долгъ принесть воды для мужа въ особой его калугѣ.

Ловятъ бобровъ на островѣ Тугидокѣ совокупно выѣжжая въ тихое время отъ 8-ми до 15-ти двух-лючныхъ байдарокъ за 10-ть верстъ и болѣе въ море. Первой увидѣвъ бобра, дѣлаетъ знакъ другимъ, поднявъ вверхъ весло: прочіе стараются окружить то мѣсто разстояніемъ какъ можно стрѣлкою попасть въ звѣря. Одни только сидящіе въ переднихъ люкахъ бросаютъ стрѣлки наперерывъ другъ передъ другомъ, а сидящіе въ заднихъ люкахъ управляютъ байдарками. Бобръ тому достается, кто первѣе поранитъ его. Иногда вдругъ ранятъ двумя стрѣлками, — въ такомъ случаѣ тотъ получаетъ бобра, чія стрѣлка поранила звѣря подлѣ головы или по выше другаго стрѣлки. Естьлижъ ровно попадутъ стрѣлки, то получаетъ бобро тотъ, кто прежде начиная стрѣлять кри-

чалъ: *ку—ко—ко*. Это обыкновенно дѣлаютъ для того, чтобъ другіе вѣдали что онъ первой начинаетъ бросать стрѣлку. Непроворный бобръ отъ 5-ти ранъ ослабѣваетъ, а проворный получаетъ до 10-ти.

Нерпъ ловятъ сдѣланною изъ сего звѣря чучалою — (или шуàкъ), которую надувъ поставляютъ на лайдѣ. т. е. на отмеломъ прибрежномъ мѣстѣ, кое во время морскаго прилива бываетъ покрыто водою, а во время отлива сухо, — тамъ, гдѣ выходятъ сіи звѣри. Ловецъ сидя за сею чучалою въ деревянной подобной нерпячей головѣ шапкѣ кричитъ подражая хрипловатому голосу сего звѣря: *уа*. По мѣрѣ приближенія звѣря къ чучалѣ, бросаетъ въ него стрѣлу на маутѣ 10-ти саженъ и вытянувъ на берегъ добиваетъ дригалкою *пикхудакъ*. — Ихъ промышляютъ еще сѣткою изъ жильныхъ нитокъ 30-ти саженъ длины, 3-хъ ширины съ привязанными къ ней сверху поплавками, а снизу малыми камнями. Ловецъ проѣжжая въ байдаркѣ старается весьма тихо разтянуть таковую сѣтку почти чрезъ всю бухточку въ то время, когда спятъ сіи звѣри или на самомъ берегу и на высокихъ прибрежныхъ камняхъ; потомъ кричитъ изъ всего горла. Звѣрь испугавшись бросается въ воду и попадаетъ въ сѣть.

Сѣверные и западные обитатели Кадьяка производили торгъ мѣною по большой части съ аляксинскими американцами, а южные и восточные съ кинайскими и чугачьскими. Первые у аляксинцевъ вымѣнивали на сукли и янтари оленьи рога для стрѣлокъ, оленьи парки, и еще длинную отъ груди оленью шесть. которую кадьякскія женщины употребляютъ для вышиванія разныхъ на паркахъ и камлейкахъ узоровъ, и на тѣхъ колпачкахъ и шапочкахъ, въ коихъ мущины танцуютъ только на игруш-

кахъ. Олепей иногда и сами стрѣляли подкрадываясь къ нимъ противъ вѣтра, равно какъ мѣдведямъ и нерпамъ потому, что сіи звѣри имѣютъ острое обоняніе.—Послѣдніе на еврашачьи парки вымѣнивали у кинайцевъ тарбаганьи парки, а у чугачь сукли и ложки. Оть ситхинскихъ жителей получали пластинки перламутовыхъ ракушекъ. Часто такъ же мѣнялись и между собою, особливо естьли кому другаго вещь понравится. А теперь за опромышленныя звѣриныя кожи, коихъ они въ своихъ рукахъ, кромѣ лавтаковъ, никогда не имѣютъ, получаютъ изъ рускихъ товаровъ то, что имъ дадутъ. Рускіе товары по большой части выходятъ на рускихъ промышленныхъ; а кадьячане еще при отправленіи въ партію въ долгъ подъ бобры забираютъ то лавтаками для байдарокъ, то топорковыми парками, то кишочными камлейками,—такъ, что рѣдкой остается не должнымъ Компаніи по окончаніи въ партіи промысла.

Кадьякскіе американцы роста средняго, собою рѣдкіе статны, по большой части сутуловаты, лице имѣютъ немного широкое, смуглое, иные румяно-бѣлое, носъ посредственный, глаза и волоса черные, брови густыя, уши широкія, губы нѣсколько толстыя, и зубы бѣлые. У мущинъ и у женщинъ около всей почти окружности обоихъ ушъ пропяты дырочки, въ коихъ носятъ бисера, сукли, вышеупомянутыя пластинки, корольки, а богатые еще два янтаря. У стариковъ нижняя губа прорѣзана, такъ же и хрящь въ носу.—Прежде сего у каждой женщины борода была вытотована, а у иныхъ на тѣлѣ еще двѣ широкія полосы чрезъ оба плеча на крестъ такъ же разными вытотованы узорами; что почиталось отмѣннымъ знакомъ щегольства. Таковыя полосы имѣли нѣкоторые и изъ мущинъ. Сію татувку производили подиявъ остріемъ иглы

не много кожи—такъ, чтобъ кровь выступила; по томъ намазывали черниломъ изъ еловаго угля, кои смѣшивали съ кровью, представляетъ на тѣлѣ темно-синій цвѣтъ. У женщинъ на нижней губѣ пронято до 5-ти и 6-ти дырочекъ, изъ которыхъ въ каждой повѣшана ниточка бисеру въ полчетверти длины, а подъ носомъ въ пронятой хрящь вкладывали тонкій кривый зубъ нѣкотораго звѣря; уши унизаны бисеромъ, суклями, а у богатыхъ еще двумя янтарями, кои у рѣдкихъ находятся; на шеѣ, на рукахъ и на ногахъ носятъ изъ разноцвѣтнаго бисера ожерелья въ вершокъ ширины, а другія на рукахъ и на ногахъ по пяти желѣзныхъ или мѣдныхъ колецъ. На игрушкахъ, особливо когда потчиваютъ талкушею и въ другое радостное время расписываютъ или просто намазываютъ лице красною и другою какою нибудь краскою, кромѣ черной, коею мараются во время печали. Да и мущины для тѣхъ же притчинъ мажутъ лице, а особливо при возвращеніи изъ промысла подъѣжжая къ жиламъ.

Народъ кадьякскій, по преданію старыхъ людей, перешелъ на Кадьякъ съ Аляски. Предки ихъ жили прежде на сѣверной сторонѣ Аляски близъ большой рѣки *Квигнакъ*. У нихъ Анаюгакъ (хозяинъ) былъ именемъ *Атлюватý;* онъ имѣлъ одну только любимую дочь, которая безъ вѣсти пропала. Для поиску ея взявъ свою команду и согласивъ съ собою другаго Анаюгака по имени *Якунáка,* ходили довольное время по разнымъ мѣстамъ; приближившись же къ южной сторонѣ Аляски, увидѣли землю и назвали ея *Кигихтакъ,* что собственно на ихъ языкѣ значитъ *островъ*. Симъ именемъ назывался Кадьякъ до самаго прибытія руских. — По томъ *Атлювату* и *Якунакъ* за хотѣли полюбопытствовать,—и увидѣвъ тамъ свои выгоды, согласили прочихъ со всѣми семействами

переселиться на *Кигихтакъ*. Сходство языка аляскинскаго съ кадьякскимъ довольно подтверждаетъ справедливость таковаго событія.

О сотвореніи міра имѣли слѣдующее понятіе: Былъ нѣкто *Кашшахилюкъ* (мудрецъ или хитрецъ). Въ то время не было ни дня, ни ночи. Онъ началъ дуть соломиною; отъ чего постепенно выходила изъ воды земля и непримѣтно расширялась; по томъ когда онъ еще не преставалъ такъ же дуть, то открылось небо, явилось солнце, а послѣ вечера показались звѣзды и взошелъ мѣсяцъ. На конецъ увидѣли звѣрей и людей.

О круглости земли заключали изъ слѣдующаго происшествія:—предки ихъ послали двѣ байдарки, въ которыхъ для таковаго пути поѣхали молодые, назадъ возвратились уже стариками, а конца земли не нашли. — Слѣдовательно у земли, утверждаютъ, нѣтъ конца, а по тому она и кругла.

Шаманства ихъ походили на дѣтскія забавы. Шаманъ, иногда голый, иногда нарядясь или намараясь самымъ страннымъ образомъ, прыгаетъ, ломается, реветъ изо всего горла, упоминая имя злаго духа, бѣгаетъ вокругъ жилища, и въ такомъ чрезмѣрномъ движеніи до того себя доводитъ, что глаза нальются кровью,—и отъ усталости упадетъ безъ чувствъ на землю. Иной при таковыхъ случаяхъ употреблялъ разные обманы; на прим. отгадывалъ другимъ то, что прежде у кого видѣлъ самъ или узналъ посредствомъ своихъ учениковъ. Естьли кто нибудь требовалъ того, что ему не возможно сдѣлать; то и въ семъ случаѣ отклонялъ обманомъ или чемъ-нибудь удивительнымъ, на пр. увѣряя, что онъ весь изойдетъ кровью, когда только примется за такое дѣло. Для сего нарочито заготовляли кожаные пузырки наполненные

кровью, и носили съ собою. — Въ сіе состояніе отцы и матери назначали дѣтей своихъ еще при рожденіи, давая имъ имя женское и обучая тому рукодѣлію, которое прилично только одному полу, а напослѣдокъ шаманы ихъ поручали извѣстному шаману. По таковой притчинѣ всѣ были не женаты, и бороды имѣли вытотованныя.

О шаманствѣ подробно узнать мнѣ было не возможно по тому, что многіе изъ старыхъ шамановъ померли во время бывшей въ іюнѣ 1804-го года на всемъ Кадьякѣ болѣзни, а другіе скрывали. Въ бытность мою на Игатскомъ жилѣ одинъ шаманъ притворился, что буд-тобы у него отнялся языкъ отъ испугу страшнаго во снѣ видѣнія.

Вышеупомянутая болѣзнь случилась предъ самымъ нашемъ на Кадьякъ пріѣздѣ по приходѣ съ Калифорнскихъ береговъ Америко-Бостонскаго судна *Океинъ*, на коемъ находились Кадьякскіе американцы для промысла бобровъ.—Сперва болѣла голова до двухъ недѣль;—а по уменьшеніи головной боли слѣдовалъ насморкъ съ кашлемъ, по томъ закладывало всѣ уши, и производилось въ грудяхъ колотье; наконецъ лишался человѣкъ позыву на пищу,—и ослабѣвалъ. Кромѣ шамановъ, умершихъ было очень мало.

Китовые промышленники прежде тайно выкапывали недавно зарытыя умершихъ тѣла, уносили въ хребты горъ и вытапливали жиръ для намазыванія тѣхъ стрѣлокъ, коими кололи китовъ. Для таковагожъ предмета собирали и черви отъ мертвыхъ тѣлъ,—и тайно высушивъ привязывали къ тѣмъ же стрѣлкамъ.

Смирнаго, не сердитаго, веселый и ласковый видъ показывающаго почитали добрымъ человѣкомъ. — Между двоюродными братьями сохранялась самая искренняя

дружба и всякая тайна чистосердечно другъ другу была открываема.

О сохраненіи здоровья правила ихъ слѣдующія: Кои хотятъ здорово и долго жить; тѣ должны вопервыхъ ѣсть не-досыта, во вторыхъ зари не просыпать, въ третьихъ отъ женъ воздерживаться, и на конецъ быть по большей части въ движеніи.

Всѣ знаютъ, что они отъ неумѣреннаго употребленія бань преждевремѣнно старѣютъ, теряютъ зрѣніе и слабѣютъ; но по привычкѣ отъ сего трудно имъ отвыкать. Молодые теперь въ семъ поступаютъ умереннѣе.

Кадьякцы по большой части молчаливы, а въ отвѣтахъ скоры, замысловаты и шутливы. Одинъ на вопросъ мой: гдѣ сыскиваетъ лѣкарство отъ болѣзней? вдругъ отвѣтствовалъ: во мнѣ, въ женѣ, въ водѣ и на берегу.

Увидѣвъ на высокомъ утесѣ великое множество чаякъ, когда спросилъ я у другаго: можетъ ли онъ перещитать сихъ птицъ? отвѣтствовалъ: я бы ихъ пересчиталъ, естьли бъ они каждогодно не клали яицъ.

Каюры. Каюрами называются тѣ алеуты, кои для разныхъ работъ по артелямъ и въ гаваняхъ берутся по произволу Компаніи съ разныхъ жилъ. Они въ половинѣ марта по приказанію Байдарщика утверждаютъ на рѣчкахъ запоры для промыслу рыбы, пріуготовляютъ лобаза для сушки оной, и начинаютъ неводить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по бухтамъ рыба появится. Когдаже рыба пойдетъ въ рѣчки; тогда уже неводить перестаютъ, а отпираютъ въ запорѣ ворота, гдѣ поставляютъ садки. По наполненію оныхъ рыбою, запираютъ ворота для того, чтобъ она вверхъ только не проходила. Ибо рыба оная назадъ въ море никогда не возвращается, но всегда силится пробраться на самой прѣснецъ воды. — Каюры

рубятъ дрова, носятъ на плечахъ лѣсъ, гдѣ близко, а изъ отдаленныхъ мѣстъ возятъ въ байдарахъ, косятъ сѣно; во время осени разсылаются по одиночкамъ промышлять въ Компанію клепцами лисицъ; зимою доставляютъ кормъ въ главную квартиру или гавань. Иные употребляются для варенія соли, дѣланія кирпичей и собиранія еловой смолы, и прочія работы, какія бъ въ Компаніи не случились, исполняютъ. Въ награду за все сіе выдается имъ отъ Компаніи одежда, т. е. птичья парка, рубаха съ портками и для зимы лавтакъ на торбаса.—инымъ сверхъ сего суконный куртъ съ шароварами.

Жены ихъ и каюрки т. е. работницы безмужныя употребляются для заготовленія юколы, копаютъ сарану, папоротное коренье на квасъ, рвутъ крапиву, выдѣлываютъ изъ нея прядено на сѣти и невода, собираютъ разныя ягоды, рѣжутъ китовъ, топятъ изъ жирныхъ частей китовыхъ жиры, выдѣлываютъ птичьи кожи, кусая зубами и высасывая ротомъ жиръ, шьютъ изъ нихъ парки; изъ китовыхъ, сивучьихъ, нерпичьихъ и медвѣжьихъ кишокъ шьютъ камлейки, кои обыкновенно употребляются отъ дождя, и къ веснѣ шьютъ компанейскія байдары и байдарки. Таковымъ работницамъ выдается отъ Компаніи чрезъ цѣлой годъ за труды на каждую одна птичья парка, рубаха и торбаса.

Партіи. 1) По повелѣнію Правителя пріуготовляется со всѣхъ жилъ лучшая часть Американцовъ для бобраваго промысла, въ первыхъ числахъ Апрѣля съ южной стороны Кадьяка и прилежащихъ ей острововъ. Каждый таіонъ съ назначеннымъ числомъ байдарокъ высылается отъ Байдарщика въ Павловскую гавань, а оттуда отправляется къ Американскому берегу. Съ сѣвер-

ной же стороны Кадьяка и съ Аляски высылается другая часть партіи подъ управленіемъ особеннаго Байдарщика, которая соединяется съ первою на устьѣ Кинайской Губы въ Александровской крѣпости, гдѣ берется еще нѣкоторое число байдарокъ съ промышленниками бобровъ изъ тамошнихъ обитателей; по томъ дополняется оная партія въ путеслѣдованіи отъ Байдарщика изъ воскресенской и съ Нучека ближними и дальними чугачами. На Нучекѣ производится всей партіи главный смотръ. Иныя байдарки за ветхостію, а Американцы за слабостью здоровья оставляются для промыслу около Нучека. Оттуда партовщикъ съ полною уже партіею, которая прежде состояла до 800 байдарокъ, въ 1799-мъ году около 500, а въ 1804-мъ до 300, простирается вдоль береговъ Америки достигая своего для промыслу предмета. Въ ночное время и за погодами Байдарщики поставляютъ для себя палатки, Американцы же укрываются подъ своими байдарками; по утрамъ очередно отряжаются таіоны съ командою доставать на партовщиковъ и на свою партію кормъ, какъ-то: рыбу, нерпу, выкидную китовину, птицъ и что попадетъ; а въ случаѣ недостатка Американцы питаются ракушками, морскими ежами, байдарками и морскою капустою. Когда главно-партовщикъ найдетъ довольное количество бобровъ; тогда, при воспослѣдовавшей на морѣ тишинѣ вся партія раздѣляется по своимъ жиламъ, и каждое особо производитъ бобровый промыслъ. Звѣрь сей не можетъ долго пробыть въ водѣ по причинѣ переводу дыханія; по чему очень удобно его промышлять во время тишины моря. Сперва даетъ онъ большую понырку, а по томъ ослабѣвъ даетъ одна другой меньше; въ которую жъ сторону нырнетъ показываютъ то пускаемые изъ роту его пузырки. Про-

Бобровый промыселъ.

мышляютъ ихъ по большой части въ заливахъ за островомъ Барановымъ, гдѣ нынѣ стоитъ портъ *Ново-Архангельскъ*, самое дальнее заведеніе компаніи на Американскомъ берегу (Ситка).—Бобровыя кожи по просушкѣ берутся въ Компанію. — По возвращеніи въ началѣ Сентября и позже на Кадьякъ, вся партія распускается по своимъ жиламъ. Тѣхъ только молодыхъ, кои ѣздили въ сотоварищахъ, не имѣя своихъ байдарокъ, берутъ въ лисій промыслъ и находятся въ немъ до весны; выдается имъ изъ Компаніи по птичей парки, естьли у кого собственной нѣтъ, но вычитаютъ изъ промысла ихъ по 5-ти лисицъ или выдръ. Кои промышлятъ сверхъ вычитаемаго числа за парку, тѣмъ платятъ табакомъ для одного только виду. А хозяева байдарокъ по повелѣнію изготовляютъ къ будущей партіи, для которыхъ промышляютъ нерпячьи лавтаки. Ктожъ не можетъ оныхъ промыслить достаточно (на одну байдарку выходитъ 10-ть лавтаковъ), тотъ беретъ ихъ изъ компаніи подъ бобры.

2-ая партія изъ Кадьякскихъ жителей до 150-ти байдарокъ отряжается для боброваго промыслу въ Западную сторону къ *Унгѣ*. Она посылается съ первыхъ чиселъ Марта подъ смотрѣніемъ промышленнаго изъ старовояжныхъ на островъ *Тугидокъ*, около котораго и производится промыселъ до Іюня мѣсяца. Съ первыхъ чиселъ Іюня по притчинѣ нерѣдко случающагося на морѣ безвѣтрія, новыя байдарки и здоровые промышленники отправляются на островъ *Укамокъ*, гдѣ такъ же производится бобрамъ ловъ; по томъ переѣжжаютъ на *Сѣмиду*, съ оной на *Сутхумъ*, и на конецъ на *Аляску*. Съ половины Іюля промыселъ у оныхъ оканчивается. Распускаются для себя промышлять птицъ на парки и лав-

таки на байдарки. Одежду имѣютъ по большой части отъ того, что достанется за бобры. Въ половинѣ сентября они возвращаются на Кадьякъ.

3) Третій малый отрядъ для боброваго промысла состоитъ изъ Аляксинцовъ и жителей сѣверной стороны Кадьяка. Въ сей отрядъ помѣщаются тѣ, у коихъ байдарки ненадежны ѣхать въ Ситку, такъ же старики и немощные, промышляютъ бобровъ подлѣ береговъ южной стороны Аляски между Кинайскою губою и Сутхума.

4-ый отрядъ для боброваго промысла установленъ съ 1797-го года. Оный состоитъ около 50-ти байдарокъ изъ Кадьякскихъ жителей; они промышляютъ около островъ Евращечья, Афогнака, Шуяка и Перегребныхъ, и по Кинайской губѣ. Въ семъ отрядѣ находятся только тѣ, кои первые начали ѣздить въ Колошинскую партію, т. е. въ Ситку или за островъ Баранова; и по тому для отличности употребляются по близости къ Кадьяку.

Птичій промыселъ.

5) Изъ оставшагося числа обитателей Кадьякскихъ мужескаго полу, Компанія еще набираетъ престарелыхъ мужиковъ и ребятъ до 100 человѣкъ. Ребята берутся отъ 12 до 15-ти лѣтъ, а старики тѣ только увольняются, кои уже ходить не могутъ. Учиня таковый наборъ, отправляются на южную сторону Аляски по немощи не въ байдаркахъ, но въ компанейскихъ байдарахъ для промыслу птицъ морскими топорками называемыхъ. По пріѣздѣ разсылаются они по два и по три человѣка на прилежащіе къ Аляскѣ небольшіе островки и отпрядыши. Налагается отъ Компаніи каждому добыть птицъ на семь паракъ. Въ каждую парку выходитъ 35-ть птицъ. Ловятъ ихъ силками на высокихъ утесахъ и острыхъ камняхъ. Къ тѣмъ камнямъ, на которые взлесть никакъ не возможно, подставляютъ лѣстницы. Откуда нерѣдко

падаютъ и вредятъ послѣднее свое здоровье, а иные вовся лишаются жизни. Въ продолженіе промысла питаются той птицы мясомъ, а кожу съ перьями сушатъ. Съ половины Іюля оный Компанейскій промыселъ оканчивается по тому, что птица высидя дѣтей уже отъ своихъ гнѣздъ отлетаетъ. Тогда-то симъ трудникамъ позволяется на себя промышлять до половины Сентября. — По возвращеніи, партовщикъ отобравъ у нихъ вышеупомянутый оброкъ птицъ, привозитъ въ Павловскую гавань и отдаетъ его компанейскому старостѣ съ роспискою. Потомъ раздается оная птица каюркамъ при артеляхъ находящимся и всѣмъ Кадьякскимъ женщинамъ выдѣлывать и шить изъ нея парки, которыя продаются за бобры ихъ же родственникамъ, т. е. отецъ отправляется для промыслу птицъ, а сынъ для промыслу бобровъ; или меньшій братъ для промыслу птицъ, а большій для промыслу бобровъ. У всѣхъ оныхъ отобравъ птицу, ихъ же женами, или матерями или сестрами выдѣлавъ и сшивъ парки, отдаютъ имъ самимъ и другимъ за бобры. — По возвращеніи изъ сей партіи, проворные берутся промышлять лисицъ или выдръ. Есть ли кто сверхъ положеннаго оброку не добылъ себѣ птицы на парку, тому выдаетъ Компанія изъ его же добычи, но за то долженъ онъ промыслить 5-ть лисицъ или выдръ. Ктожъ для компанейскаго вышеупомянутаго оброка не поймаетъ птицы, тотъ дополняетъ недостатокъ или на другой годъ или займомъ у другихъ. Въ случаѣ смерти за таковыя долги выплачиваютъ родственники.

Работа жен

Жены всѣхъ кадьякскихъ обитателей, по отъѣздѣ мужей въ разныя партіи, принуждены копать сарану съ такимъ разборомъ: должны накопать каждая по 4 шиката жены и дочери тѣхъ, кои ѣздятъ въ партію въ сотова-

рищахъ, не имѣя собственныхъ своихъ байдарокъ; а которыхъ мужья собственныя свои имѣютъ байдарки, тѣхъ жены по 2 шиката, дочери же по 4 на каждую. Когда поспѣютъ ягоды, то въ запасъ для зимы, Компанія заставляетъ брать, налагая на каждую по одному искату брусницы и по другому шикши; а прочіе роды ягодъ, какъ-то: малина, черница, голубица, морошка и княженика собираемы бываютъ, смотря по урожаю, сколько приказано будетъ отъ Байдарщика. Кои изъ нихъ не могутъ выполнить наложеннаго оброку или за слабостью здаровья, или за грудными дѣтьми, тѣ покупаютъ у подругъ своихъ и вносятъ въ Компанію. По окончаніи ягоднаго сбора, который въ послѣднихъ числахъ сентября совершенно рѣшается, наступаетъ имъ другая работа: возвращаются къ тому времени птичники, и получивши Компанія отъ нихъ промыслъ, раздаетъ по всѣмъ жиламъ (какъ выше упомянуто) алеутскимъ женамъ и дочерямъ выдѣлывать и шить парки. За симъ сыскивается имъ еще другая работа; т. е. изъ китовыхъ, сивучьихъ, нерпячьихъ и мѣдвѣжьихъ шить камлеи, и дѣлать изъ жилъ плетешки для нерпячьихъ сѣтокъ, такъ же изъ китовыхъ жилъ сучить нитки. Такимъ-то образомъ почти во весь круглый годъ онѣ занимаются компанейскими работами!—Когда на Кадьякѣ получено извѣстіе, что въ 1803-мъ году отправлена имѣетъ быть экспедиція кругомъ свѣта, тогда начали платить иголками, бисеромъ и другими мелочами, да и то на нѣкоторыхъ только близкихъ къ Павловской гавани жилахъ,—для однаго вида.

Компанія съ 1792-го года запретила всѣмъ обитателямъ въ занятіи ея состоящимъ шить парки изъ бобровъ и лисицъ, и отдала строжайшее приказаніе, что естьли кто будетъ носить таковое платье, то станутъ съ того

сдирать и брать въ Компанію безцѣнно. Сіе въ самомъ дѣлѣ случалось. По чему всѣ жители вообще начали носить птичьи парки, которыя прежде употребляли одни только бѣдные и калги (плѣнники).

Въ 1798-мъ Компанія запретила жителямъ кадьякскимъ на островѣ Укамокѣ (Чирипова) промышлять еврашекъ, которыхъ они тамъ ловили для себя довольное число. Парки сего звѣрька у нихъ въ великомъ уваженіи. Для промыслу оныхъ звѣрьковъ тогожъ года отправила Компанія съ разныхъ кадьяскихъ жилъ до 25-ти человѣкъ, кромѣ женъ, дѣтей, и 15 каюрокъ подъ командою одного старо-вояжнаго рускаго промышленнаго, возложа оброку на каждаго изъ оныхъ по 10-ти парокъ, которыя и продаются отъ Компаніи алеутамъ за бобры. Жены же ихъ и каюрки посланы для шитья парокъ изъ сихъ звѣрьковъ. Зимою мущины промышляютъ еще перпъ, коихъ въ одну зиму доставляется въ Компанію иногда болѣе ста; во время жъ погодливое смотрятъ около острова выкидныхъ бобровъ на берегу. Кожи сихъ звѣрей отдаются въ Компанію, а трудящіеся пользуются мясомъ. Съ весны они начинаютъ промышлять птицъ урилами называемыхъ, изъ коихъ доставляется въ Компанію каждогодно до 200 парокъ. Лѣтомъ они находятся въ промыслѣ птицъ топорковъ вмѣстѣ съ прочими птичниками. А на островѣ остается только женской полъ для собиранія ягодъ и копанія сарапы подъ защитою тѣхъ старичьковъ, кои сами ходить не могутъ. Въ зимнее время, когда китовыхъ выкидовъ не случится, претерпѣваютъ тамъ великій голодъ, питаются одними кореньями, ракушками и морскою капустою. Ибо рѣчекъ на семъ островѣ хотя находится много, но рыба въ оныя не идетъ; а приходитъ годомъ въ осенѣ въ одну только рѣчку, да и то въ маломъ

Еврашачій промысель.

количествѣ,—что самое во время прохожденія употребляется въ пищу. — Промышляютъ еще еврашекъ на *Семидѣ*.

Китовый промыселъ.

Оставляются каждо-годно промышлять на Компанію китовъ изъ самыхъ лучшихъ кадьякскихъ обитателей до 30-ти человѣкъ около островов Кадьяка и Афогнака. Разсылаются они по разнымъ бухтамъ отъ 2-хъ до 4-хъ человѣкъ, смотря по удобности мѣстъ. Стрѣльцы выѣжжая въ одноолючныхъ байдаркахъ, выбираютъ китовъ годовыхъ по тому, что мясо ихъ и тукъ бываютъ мягче и пріятнѣе. Замѣтивъ таковаго кита, приближаются къ нему разстояніемъ не болѣе 3-хъ саженъ, стараясь вонзить стрѣлку подъ боковое перо, ластъ по здѣшнему называемое и увертываясь отъ него весьма проворно и осторожно для того, чтобъ китъ давъ понырку, не раздавилъ стрѣльца, или волною отъ него идущею не опрокинулъ бы его байдарку. Естьли не подадетъ въ боковое перо, то бросаетъ стрѣлку подъ заднiй ластъ или хвостъ. По полученіи раны китъ уходитъ на дно моря. Когда стрѣлка пала мѣтко, тогда китъ въ третьи сутки непремѣнно всплыветъ мертвой; когда стрѣлка поранила немного далѣе боковаго пера къ хвосту, тогда онъ всплываетъ мертвой въ пятыи или шестыи сутки. Естьлижъ стрѣлка пущена подъ задній ластъ или хвостъ, то неранѣе, какъ въ 8-мый и 9-ый день всплываетъ онъ. Промышленикъ, увидѣвъ на мори таковаго мертваго кита, тотъ-часъ даетъ знать о томъ ближней артели Байдарщику; и чей окажется по стрѣлкѣ, тому положено отъ Компаніи за работу взять меньшую половину кита, но въ самомъ дѣлѣ сіе рѣдко выполняется. Сдѣлано жъ таковое положеніе для одного только виду. Ласты, т. е. боковое перье и хвостъ, брюховая часть и все, что почитается за самое лучшее

въ китѣ, берутъ въ Компанію, да и часть жилы отдается промышленику такая, которая едва годится на употребленіе. Иной изъ нихъ въ лѣто застрѣливаетъ китовъ по 8-ми, рѣдко случается по 10-ти.—Кто промыслитъ болѣе четырехъ—положеннаго оброку,—тому платится отъ Компаніи товаромъ рублей на пять.

Изъ числа 70-ти семей съ Лисьихъ острововъ заведенныхъ 1786-го года осталось до 30-ти человѣкъ, кои въ лѣтнее время употребляются въ промыселъ птицъ на перегребныхъ островахъ. и отъ устья Кинайской губы около матерой,—до воскресенской гавани и чугачь и по прилежащимъ островкамъ. Они производятъ сей промыслъ совокупно такъ же съ Кинайцами и Чугачами. Налагается имъ отъ компаніи оброкъ по 10-ти парокъ. Сверхъ того должны уже промышлять на себя, женъ и дѣтей. Кто для себя не успѣетъ промыслить, тому изъ Компаніи выдается парка, за которую по вышеупомянутому установленію вычитается изъ зимняго его промысла пять лисицъ или выдръ, не считая того что каждое лѣто въ Компанію безъ всякой платы доставляетъ таковый по 10-ти парокъ, изъ коихъ за каждую Компанія получаетъ бобра. Ктоже изъ нихъ сверхъ упомянутыхъ пяти звѣрей промыслитъ болѣе, тому отъ Компаніи платится столько, сколько по произволу своему дадутъ. Жены ихъ употребляются подобно каюркамъ. Переведенцы.

1801-го года Компанія выгоняла алеутъ въ Ситкинскую партію для боброваго промысла слѣдующимъ образомъ: Надѣлавъ прежде колодокъ на ноги и накладныхъ рогатокъ на шею, изготовя для молодыхъ розги. для тритцати-лѣтнихъ липки, а для стариковъ палки. отправлена была байдара съ пушкою и ружьями. На западномъ мысѣ Кадьяка, по выходѣ на берегъ промыш-

ленные Рускіе стали въ фрунтъ съ заряженными ружьями, говоря: „Ну! естьли не ѣдите въ партію, сказывайте? (взводя курки) стрѣлять станемъ".—При таковомъ страхѣ кто можетъ обнаружить свое неудовольствіе?—По приходѣ къ острову Стихинаку, выпалили изъ пушки, и стоя съ заряженными ружьями, расклали подлѣ жилъ розги, линьки, палки, колотки и рогатки, говоря: „кто не хочетъ ѣхать въ партію, тотъ пусть себѣ избираетъ любое". Въ сіе время нѣкто началъ отговариваться; вдругъ его схватили, обложили желѣзными кандалами, сѣкли до тѣхъ поръ, пока захрипѣлъ, и едва могъ сказать: *ѣду*.

Того жъ года въ первыхъ числахъ Маія одинъ изъ стариковъ собранныхъ для птичей партіи, выслапъ былъ такой, который не могши доползти до ночлегу на сто саженъ разстояніемъ, ночевалъ съ женою на берегу. По утру позванъ или лучше сказать отнесенъ для освидѣтельствованія болѣзни въ правительскій домъ, гдѣ ему сказано: „хотя, де, ты ходить не можешъ, но можешъ тамъ караулить, чтобъ собаки не съѣли байдару".

Въ 1798-мъ году изъ числа Ситхинской партіи потонуло до 20-ти человѣкъ, немало также померло въ дорогѣ и въ путеслѣдованіи.

Въ 1799-мъ изъ числа тойже партіи по притчинѣ голода отъ ракушекъ—померло 140 человѣкъ и во время путеслѣдованія 40 человѣкъ.

1800-го года въ партіи на Тугидокѣ во время сильной погоды отъ промышленнаго Лопатина были высланы въ море, не взирая на ихъ прозьбы—и потонуло 32 байдарки, т. е. 64 человѣка.

1805-го года въ птичью партію Убагуитской житель высланъ былъ очень больной, о которомъ просилъ я правительскаго помощника, Г. Баннера, слѣдующимъ письмомъ:

Милостивый Государь,
Иванъ Ивановичъ!

Острова Ситхинака жила Убагуика Николай Чунагонакъ—кривой болепъ опаспо горломъ, отъ котораго провалилась рана уже на затылкѣ, пижняя губа отгнила, еще раны на ногахъ, въ груди хрипъ и потому говоритъ нѣмо. Таковаго-то несчастнаго страдальца выслалъ Артамоновъ въ партію для промыслу птицъ. Посудите сами, Милостивый Государь, какой онъ ловецъ въ столь жалостномъ положеніи, и какую онъ принесетъ прибыль Компаніи? Сжальтесь пожалуйте надъ симъ разслабленнымъ,—прикажите лучше отослать его въ цѣлительную купель, т. е. кажимъ. Онъ человѣкъ молодой,—по излѣченіи, будетъ Компаніи полезенъ; А вы таковымъ сострадательнымъ поступкомъ сдѣлаетѣ честь человѣчеству, и меня чувствительно одолжите, не презрѣвъ моего прошенія. Твердо уповая на великодушіе ваше, съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ имѣю честь быть,

и проч.

1805-го. Іюня 8-го дня.

Сегожъ года въ послѣднихъ числахъ Октября при возвращеніи партіи изъ Ситки потонуло до 300 человѣкъ.

По причинѣ вышеописанныхъ отяготительныхъ Компанейскимъ работъ, Алеуты по всѣмъ жиламъ въ зимнее время претерпѣваютъ великій голодъ; съѣдаютъ перпячьи пузыри, въ коихъ хранятъ жиръ и кислую икру красной рыбы, лавтаки, мауты, и прочія изъ жилъ сдѣланныя вещи, за неимѣніемъ ракушекъ и морской капусты, когда лайда покроется льдомъ. Сострадательный

человѣкъ едва можетъ удержаться отъ слезъ, увидѣвъ въ въ таковомъ положеніи сихъ несчастныхъ, кои болѣе походятъ на мертвецовъ, нежели на живыхъ людей.— По отъѣздѣ мужей въ партію жены съ малолѣтными дѣтьми, дряхлыми стариками и старухами, какъ за неимѣніемъ байдарокъ, такъ и за наложенными отъ Компаніи на лѣто оброками, относительно чистки рыбы, копанія сараны и собиранія ягодъ, не могутъ и не имѣютъ времени запасти для себя нужнаго на зиму корма; и потому часто случается, что многіе умираютъ отъ голода.—Все сіе не есть-ли отяготительнѣе и разорительнѣе ясака, который съ 1794-го года не собирается? и есть ли знакъ ласковаго и дружескаго обращенія? Слова: *ласковое и дружеское обращеніе* всегда обращаютъ первое мѣсто на губахъ и на бумагахъ Компаніи, а не на самомъ дѣлѣ.

1805-го года имѣлъ я щастіе послать къ Вашему Святѣйшеству съ Г. Лейтенантомъ Арбузовымъ и съ Г. Лейтенантомъ и Ковалеромъ Новалишинымъ слѣдующія донесенія:

1)

Копія.

Святѣйшій Архипастырь!

По прибытію моемъ 2-го Іюля 1804-го года въ главное занятіе Російско-Американской Компаніи первымъ и священнѣйшимъ почелъ долгомъ принесть въ Америко-Кадьякской церквѣ подателю всѣхъ благъ искреннее благодареніе о благополучномъ совершеніи нашего плаванія около половины свѣта. Слабо перо мое къ объясненію тѣхъ душевныхъ изліяній, кои вполнѣ ощущалъ я,

сладцѣ услышавъ, что въ Новомъ Свѣтѣ — странѣ толь удаленной отъ свободнаго сообщенія преизобильной Россіи, странѣ еще дикой, благоговѣйно прославляется имя Триупостаснаго Бога, — и превознесенное паче всякаго имени на земли живыхъ—имя Всеавгустѣйшаго Его Помазанника, достойно обожаемаго генія обширной Россіи— Александра Перваго.—Оставивъ для меня невозможное, — позвольте, Святѣйшій Архипастырь приступить къ слѣдующему:

Нареченнымъ епископомъ Кадьякскимъ Іоасафомъ здѣсь оставлены изъ числа духовныхъ—четыре человѣка: при священнослуженіи іеромонахъ Аоанасій, ризничимъ іеродіаконъ Нектарій, при экономической должности монахи Германъ и Іосафъ,—люди соотвѣтствующіе своему званію; всѣ они по мѣрѣ силъ своихъ старались о ученіи здѣшняго народа; собственными трудами развели огороды, съ коихъ въ иной годъ получали до осмидесяти четвериковъ картофеля,—рѣпы и рѣдьки также въ довольномъ количествѣ. Изъ картофеля дѣлали муку; рѣпу изрубивъ въ мелкія части, квасили, недостатокъ соли пополняя морскою водою и употребляли чрезъ всю зиму и лѣто вмѣсто капусты. Остающимися избытками своихъ трудовъ вспомоществуя бѣднымъ жителямъ и по должности проповѣдниковъ имѣя ласковое обращеніе впечатлѣли въ умахъ американцовъ доброе о себѣ мнѣніе. Прошлаго 1804-го года посѣяли на унавоженной землѣ для опыта 4 фунта ячменю, сняли полтора пуда. Земля на тѣхъ только мѣстахъ способна къ плодородію, гдѣ были прежде Алеутскія жила, коихъ по всему Кадьяку и прилежащихъ къ нему острововъ очень довольно.

6-го числа вышеупомянутаго мѣсяца перешелъ съ корабля въ покои духовной миссіи, — и по осмотрѣ всей

церковной утвари, ризницы, книгъ и домашней экономіи, 26-го отправился съ Компанейскимъ переводчикомъ въ двухъ трехъ-лючныхъ байдаркахъ для проповѣди слова Божія во кругъ всего Кадьяка, также и на прилежащіе къ нему острова: Угакъ, Шалидакъ, Аяхталикъ, Ситхинокъ и Тугидокъ. — Бывъ на всѣхъ Алеутскихъ жилахъ, старался по мѣрѣ способности моей внушать новопросвѣщаемымъ то, что необходимо нужно для вѣры, добродѣтелей Гражданскихъ и жизни хозяйственной. Всѣми мѣрами старался вникать въ прежніе ихъ предразсудки, кои непримѣтно разскрывая дружелюбными совѣтами, показывалъ имъ очевидную гнусность, и вредъ отъ вкорененія ихъ происходящія;—и такимъ образомъ доводилъ ихъ къ правиламъ истиннаго Богопочитанія. Судя наружно, кажется, слушали меня охотно; случалось нерѣдко, что болѣе 8-ми часовъ просиживали не вставая и не отходя прочь, ввездѣ принимали ласково; кромѣ рыбы, потчивали сараною съ китовымъ жиромъ, и ягодами: малиною, шикшею, княженикою и черницею съ китовымъ же жиромъ. Я дарилъ ихъ табакомъ, бисеромъ, иголками, стаметомъ, ямшаниной, т. е. длинною козлиною шерстью.

21-го Августа въ проливѣ отдѣляющемъ Аяхталикъ отъ Кадьяка, скорбію было наполнено мое сердце. Ибо послѣ тишины и тумана насталъ сильный вѣтръ съ противнымъ теченіемъ, — гребцы устали, — погода усилилась;—сталъ втупикъ: Но, слава Богу, едва-едва добились до пустаго берега, гдѣ пробыли трое сутокъ; Благодарили Промыслителя всяческихъ, что въ пищѣ, т. е. юколѣ и китовинѣ недостатка не имѣли.

Во все время моего объѣзда т. е. въ два мѣсяца и 5-ть дней, крестилъ обоего пола 503 души отъ 1-го до

10-ти лѣтъ; въ томъ же числѣ 22 души сороколѣтнихъ; 38 паръ обвѣнчалъ.

21-го Ноября отъ лица Россійско-Американской Компаніи учинено празднество о благополучномъ взятіи Калюжской Ситхинской крѣпости на островѣ Баранова и о занятіи тѣхъ мѣстъ къ скиптру Россійской Державы: по окончаніи литургіи принесено благодарственное моленіе ко всещедрому Богу о здравіи Его Императорскаго Величества и всего Августѣйшаго Дома.—На канунѣ того дня отправлена панихида о убитыхъ при взятіи крѣпости, коихъ всѣхъ числомъ до 10-ти человѣкъ, т. е. 3 матроса съ корабля Невы, 3 рускихъ промышленныхъ, и 4 Кадьякскихъ Алеутъ. Ранены: правитель Барановъ, лейтенантъ Повалишинъ, подлѣкарь, подштурманъ, квартермейстеръ, 8 матросовъ; 1 канонеръ и 7 промышленныхъ.

Въ прочее время отъ досуговъ своихъ занимался сочиненіемъ и сказываніемъ проповѣдей на Господскіе праздники, высокоторжественные и нѣкоторые воскресные дни, упражнялся въ переводахъ Бурдалу и Блера съ французскаго на россійскій языкъ; пріуготовилъ учителемъ для Кадьякскаго училища іеродіакона Нектарія, который имѣетъ великую охоту и способность къ наукамъ, особенно къ Механикѣ. До пріѣзда моего онъ самъ безъ руководства другихъ выучилъ Грамматику Россійскую; такимъ же образомъ выучился самъ дѣлать и часы стенные. Я ему показалъ первоначальныя основанія прочихъ наукъ: Ариометики, Исторіи и Географіи, обучается еще и французскому языку.

А 1805-го года открылъ Кадьякское Училище, раздѣливъ на два класса. Въ первомъ 30-ть обучаются словесному чтенію, письму, правиламъ для учащихся, и

краткому катихизису. Во второмъ 20-ть Грамматикѣ Россiйской, Ариѳметикѣ, Священной и Свѣтской Исторiямъ. и Географiи. Кромѣ наукъ не забыты предметы относящiеся до хозяйственной части: занимаются вмѣсто отдыха, какъ прiуготовлять огороды, садить и сѣять овощи. полоть, собирать нужныя травы, коренья и удить рыбу. Есть отдѣленie для сапожнаго и башмачнаго искуствъ.

Для сего малаго возрастающаго Россiйско-Американскаго вертограда необходимо нужно благотворительное окропленiе свыше; по чему Америко-Кадьякская церковь. обративъ умиленный свой взоръ къ Россiйскому Сiону — благоговѣйно взываетъ Тебѣ: Святѣйшiй Архипастырь! востани сѣвере и юже и повѣй въ вертоградѣ семъ, да потекутъ ароматы твоя—для большей пользы ново-просвѣщаемаго сего края.

Азъ же уповая на неизрѣченное милосердiе твое, дерзаю и сiе изрещи: аще воззову въ день скорби моея. услыши мя,—и изми мя—не забуди мене до конца.

Вашего святѣйшества *и проч.*

1805-го года.
Iюня 1-го дня.
Кадьякъ.

Копiя.

2) *Секретно.*

Великодушный Митрополитъ!

Послѣ достовѣрнаго извѣстiя о нещастномъ разбитiи Компанейскаго судна Феникса, на коемъ отправился изъ Охотска Преосвященный Епископъ Кадьякскiй Iоасафъ, происходило съ оставшимся здѣсь Духовенствомъ слѣдующее:

Кромѣ внушенія Алеутамъ многихъ укоризненныхъ нелѣпостей, кои только могли быть выдуманы со стороны Компаніи къ посрамленію чести Духовныхъ, изъ зависти по причинѣ великой любви младенчествующаго народа къ своимъ просвѣтителямъ, Правитель Барановъ проразумѣвая изъ того умаленіе своей власти надъ изнуренными отъ разныхъ работъ и налоговъ Компанейскихъ Американцами, 1800-го года Іюля 14 дня присланнымъ къ эконому Духовной Миссіи монаху Герману письмомъ запрещалъ Духовнымъ имѣть обращеніе съ Американцами и велѣлъ отгонять всѣхъ тѣхъ, кои по долгу проповѣдниковъ приласканы были.

Въ силу Высочайшаго манифеста въ 796-мъ году состоявшагося народъ Кадьякскій за дальними отъ Компаніи посылками и за другими ея недосугами еще не былъ приведенъ къ присягѣ въ вѣрности къ Россійскому Престолу; для того іеромонахъ Аѳанасій 1801-го года Генваря 1-го дня просилъ на то позволенія у Баранова, за что самое іеромонахъ оный былъ обруганъ и выгнатъ вонъ съ запрещеніемъ, чтобъ и впредь не ходилъ.—По томъ собралось съ нѣкоторыхъ жилъ со своими таіонами человѣкъ до двадцати просить Баранова, дабы онъ ихъ освободилъ отъ дальнихъ разъѣздовъ Стихинской партіи, обѣщаваясь производить промыслы около своихъ жилъ; но были прогнаты при жестокихъ угрозахъ,—да и приказано быть всѣмъ готовымъ на весну въ походъ; чѣмъ они безмѣрно огорчась съ отчаяніемъ осмѣлились объявить Духовной Миссіи, что они въ партію ѣхать не хотятъ по тому, что у нихъ тамъ многіе родственники померли и иныя жила опустѣли; А Есть ли Барановъ будетъ за то ихъ убивать, то они привезли съ собою по новой парки, прося Духовныхъ, чтобъ они въ сихъ

новыхъ паркахъ послѣ похоронили и были свидѣтелями тому невинному убійству. Что видя Духовные и при собраніи Г. Офицеровъ Штурмана Талина и переводчика Духовной Миссіи Пряишникова со ужасомъ то слушая, старались уговаривать ихъ въ великодушномъ перенесеніи всѣхъ тягостныхъ приключеній, увѣряли при томъ высоко-монаршими милостями; и едва утишивши предложили о присягѣ въ вѣрности Государю; на что они охотно согласились и обѣщались во всемъ слушаться. По сему они при сопровожденіи тѣми офицерами въ церковь, были къ присягѣ іеромонахомъ Аѳанасіемъ приведены. По выходѣ изъ церкви, когда начали только садиться въ свои байдарки, Помощникъ Правителя Баранова Кусковъ съ своими промышленными схватя одного изъ нихъ знакомаго таіона, отвелъ въ компанейскую казарму, и оковавъ желѣзами, посадилъ въ темной чуланъ, гдѣ не только окна, но скважины были забиты; да и за другими ѣздили съ ружьями въ погоню на байдарѣ, но никого не поймали.

Послѣ сего происшествія Барановъ хотѣлъ такъ же схватя посадить другаго таіона крестника Архіерейскаго, который по дружбѣ пріѣхалъ къ Духовнымъ. Что самое примѣтя, думали они проводить его ночью, но, опасаясь, сперва іеромонахъ Аѳанасій велѣлъ вынести свою байдарку самъ пошелъ къ оной, и хотѣлъ только проѣхать нѣкоторое разстояніе;—вдругъ промышленные, по приказанію Правителя Баранова, остановивъ байдарку, схватили іеромонаха, самъ же Барановъ въ самой великой запальчивости началъ ругать, называя его бѣглымъ Господскимъ человѣкомъ, а Духовныхъ всѣхъ и двухъ вышеупомянутыхъ Офицеровъ бунтовщиками. При таковомъ непріятномъ происшествіи монахъ Германъ просилъ

Баранова объявить порядочно безъ всякихъ ругательствъ причину своего неудовольствія; Правитель же съ крикомъ говорилъ: „вотъ! вы нашли какую-то присягу, развратили всѣхъ Американцовъ".—Смиренный старецъ отвѣтствовалъ: „Высочайшій Манифестъ публикованъ всѣмъ; и что есть ли незаконно духовною миссіею сдѣлано, то лучше бы представить въ Правительство, гдѣ все законно могло быть разсмотрѣно". Но Барановъ не внимая ему кричалъ: Какой вамъ манифестъ? какой вамъ судъ? и въ самомъ пылкомъ жару гнѣва разнообразно грозилъ, то сковавши выслать на Уналашку, то домъ ихъ загородить и забить, чтобъ никто къ нимъ не ходилъ, да и они никуда вытти не могли; по чему тогда въ великомъ находились страхѣ, и только ожидали, что промышленные по приказанію Баранова, или потащутъ куда, или начнутъ бить; — и едва осмѣлились съ берега итти въ свой домъ, около коего по томъ не малое время видали промышленныхъ съ ружьями; по таковой причинѣ не смѣли свободно выходить даже въ церковь, а въ домѣ отправляли всѣ церковныя службы болѣе года, а сверхъ того и по сумнѣнію въ вѣрности ради запрещенія присяги.

Когдажъ наставало время собираться въ партію для промыслу бобровъ, тогда Кусковъ вооружилъ байдару не только ружьями, но и пушкою, ѣздилъ на жила къ тѣмъ, кои были приведены къ присягѣ; а для большей славы приказано было партовщику Кандакову ѣхать впереди, который подъѣжжая къ жиламъ съ непристойнымъ ругательствомъ и разными насмѣшками въ укоризну духовныхъ, громогласно кричалъ: „встрѣчайте, попы ѣдутъ, да Осипъ (такъ называли переводчика) приводитъ васъ къ присягѣ!" И когда на берегъ отъ Байдары выносили руль; въ то время кричали всѣ: „вотъ вамъ крестъ! —

прикладывайтесь!“ — Да и какія дѣлали островитянамъ озлобленія, насилія и безчинства; о томъ стыдно и упоминать.

Барановъ наложилъ злодѣянію сему личину, что будто Американцы по наученію Духовныхъ и вышеупомянутыхъ Офицеровъ взбунтовались и хотѣли всѣхъ побить Руских; чего буд-тобы опасаясь въ томъ своемъ походѣ Кусковъ набралъ аманатовъ. Послѣ сего Барановъ всѣми мѣрами старался притѣснять Духовныхъ, какъ въ заготовленіи кормовыхъ припасовъ, такъ и въ другихъ для жизни потребныхъ вещахъ.

1802-го года на Святую пасху присланный отъ Баранова пьяный промышленный Черновъ съ великою грубостію приказывалъ именемъ Баранова іеродіакону Нектарію отпереть колокольню. Іеродіаконъ не хотѣлъ имъ отдать ключа по тому, что церковь однимъ замкомъ заперта, да и колоколъ большой разбитъ; то вышеупомянутый промышленный съ азартомъ грозилъ вытащить его насильно или выломать у колокольни окны. Между тѣмъ переводчикъ Прянишниковъ по болѣзни своей просилъ запискою іеромонаха и іеродіакона освѣтить домъ Его Святымъ крестомъ; когда они лишь только пришли, то вдругъ прибѣжавъ Барановъ съ своими промышленными въ самомъ сильномъ жару гнѣва срамно кричалъ, ругалъ, грозилъ іеромонаха посадя въ байдарку отправить въ неизвѣстное мѣсто, іеродіакона съ великимъ азартомъ схватя за грудь хотѣлъ повѣсить на колокольни. Чего онъ устрашась принужденъ былъ отдать церковный ключь. При всѣхъ таковыхъ дерзостяхъ, промышленные въ надеждѣ на своего Правители говаривали: „до Бога высоко, а до Царя далеко, только бъ былъ здоровъ нашъ начальникъ“.

По вышеписаннымъ всѣмъ обстоятельствамъ уже какъ Американцы не смѣли явно ходить къ Духовнымъ, такъ и Духовные опасались имѣть съ ними по должности своей обращеніе, въ коемъ они находили удобный случай внушать имъ христіанское ученіе, успѣхъ Духовной Миссіи несоотвѣтствуетъ предполагаемому чаянію. Ибо земляки наши обязавшіеся служить въ Компаніи по большой части самыхъ испорченныхъ нравовъ, какъ самъ здѣшній Правитель безпрестанно въ разговорахъ аттестуетъ ихъ народомъ съ Ками, да съ Волги; а Американцы отягчены безпрерывными работами и такъ раздражены, что вездѣ, гдѣ только начинаютъ заводить заселеніе, навлекаютъ на себя ненависть. Даже въ отдаленныхъ окрестныхъ народовъ имя Рускихъ сдѣлалось ненавистнымъ. Женщины еще во утробѣ, а иногда и послѣ убиваютъ младенцевъ для того, чтобъ избавить ихъ отъ мученія компаніи. Текущаго года зимою на жилахъ острова Шалитока матери отъ 8-ми до 10-ти лѣтъ ребятъ нарочито не стали кормить, и голодомъ уморили пятерыхъ въ томъ намѣреніи, чтобъ не были работники Рускимъ.

Правитель опасаясь о отверженіи присяги и о утѣсненіи Духовныхъ доносовъ отъ пріѣжжающихъ на судахъ компанейскихъ офицеровъ, старался загладить свои поступки; и по сему принужденнымъ себя нашелъ прислать Манифестъ и конверты принадлежащіе Духовной миссіи, кои были прежде удерживаемы, при сообщеніи, въ коемъ просилъ привести всѣхъ къ присягѣ.—Итакъ Духовные, оставивъ прежнее сумнѣніе въ вѣрности, 1802-го года 15 сентября начали производить въ церквѣ священныя службы. А Барановъ началъ оказывать имъ свое благоволеніе: сперва прислалъ два фунта чаю и 4 сахару;

потомъ бочьку китоваго жира, бочьку китовины, и бочку ягодъ шикши съ жиромъ, которая въ сѣверныхъ странахъ Россіи извѣстна подъ именемъ вороницы, но отъ народа не употребляется въ пищу; спустя же нѣсколько времени, прислана бумага, въ коей опредѣлила здѣшняя контора за поминовеніе убитыхъ въ Ситкѣ на щотъ участія ихъ получать какими угодно вещами на 500 рублей; на послѣдокъ изъ той же конторы прислана еще бумага, въ которой отъ усердія нѣкоторыхъ промышленныхъ и правителя при раздѣлѣ положено по произволенію кому сколько разсудилось болѣе трехъ тысячь рублей съ раздѣленіемъ изъ оныхъ большей части на церковь, а меньшей на братію. На счетъ таковой суммы брали они для себя нужныя вещи изъ компанейской лавки по самой высокой цѣны, какъ-то: пудъ табаку 75 рублей, фунтъ сахару 3 рубли 60 копѣекъ, фунтъ чаю 8 и 6 рублей, пудъ сухарей пшеничныхъ 20-ть рублей, штофъ водки 25 рублей, и для домашней надобности пеньковыя веревочки самаго худаго разбора на вѣсъ по одному рублю фунтъ.

Духовные живутъ въ одномъ домѣ данномъ отъ Компаніи въ тѣсномъ мѣстѣ, между Домомъ Правительскимъ и общею компанейскою банею; пропитаніе имѣютъ по большей части отъ своихъ трудовъ; кромѣ обработыванія огородовъ, собираютъ разныя ягоды и грибы, ловятъ рыбу, а отъ части получаютъ изъ Компаніи. Всѣ таковые труды производятъ съ помощію приласканныхъ американцовъ, коихъ Компанія старалась всѣми силами отогнать. Духовные носятъ платье и обувь изъ оставшагося послѣ преосвященнаго епископа Іоасафа имущества, такъ же имѣютъ и хлѣбъ, коего сперва было привезено съ собою отъ Шелихова 250 пудъ аржанаго, 20 пудъ пше-

ничнаго для просвиръ, 20 пудъ разныхъ крупъ; до выѣзда Преосвященнаго на счетъ суммы на Кадьякскій архіерейскій Домъ положенной прислано было 150 пудъ аржанаго.

Іеродіаконъ Нектарій 36-ти лѣтъ, монахъ Іоасафъ 32-хъ лѣтъ крайнее имѣютъ желаніе выѣхать въ Россію; на что съ воздыханіемъ сердечнымъ просятъ и молятъ Твоего, святѣйшій и высокомилостивѣйшій Отецъ, Архипастырскаго благословенія: Да исправится молитва ихъ предъ Тобою, Святителю Христовъ, яко кадило благовонное. Ибо сердца ихъ скорби исполнены. Утѣшь ихъ. Благій Утѣшителю Церкви Россійской!

Іеромонахъ 50-ти лѣтъ, монахъ Германъ 48-ми лѣтъ любители пустыни, имѣютъ желаніе остаться въ Америкѣ; но по причинѣ вплоть со свѣтскими даннаго имъ дома, гдѣ не возможно имъ избѣжать отъ молвы, безмѣрныхъ соблазновъ и всякихъ безобразныхъ и безчеловѣчныхъ отъ руских частію между собою, но много болѣе съ американцами чинимыхъ поступковъ, такъ-же за дальностію къ доставленію дровъ и другихъ нужныхъ для дома вещей, и по неспособности и тѣснотѣ самаго мѣста, — весьма скучаютъ. Но намѣреніе ихъ въ томъ состоитъ, чтобъ, удалясь на какое нибудь разстояніе отъ тѣхъ бурныхъ мѣстъ, имѣть тихое себѣ пребываніе, особую вблизи церковь, и, естьли ни съ какой стороны т. е. казенной или партикулярной не возможно будетъ имѣть въ пропитаніи своемъ и во всѣхъ нужныхъ вещахъ подкрѣпленія, то по крайней мѣрѣ въ надеждѣ на собственные труды, избрать для строенія къ лесу и для пріуготовленія рыбъ къ рѣчкѣ близкое и къ распространенію огородовъ способное мѣсто.

Святѣйшій Архипастырь! Услыши и мой вопль. Не

отврати лица Твоего, высокомилостивый Отецъ, отъ отрока малаго—единаго отъ Святительскаго Твоего Дому. яко скорблю; скоро-скоро услыши мя;—изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени Твоему.

Вашего Святѣйшества и проч.

Іюня 2-го дня
1805-го года.
Кадьякъ.

3) *Копія.*

Высокопреосвященнѣйшій владыко!

Запечатлѣвъ глубоко въ сердцѣ моемъ святительскія вашего высокопреосвященства наставленія, старался вездѣ поступать сообразно онымъ; но неравны характеры людей, съ коими, къ нещастію моему, досталось мнѣ на караблѣ Невѣ провести время нашего странствованія почти чрезъ цѣлый годъ.—Капитанъ Лисянскій и мичманъ Берхъ -люди нрава безпокойнаго много мнѣ причиняли обидъ. отъ коихъ лекарствомъ моимъ было великодушное терпѣніе. Прохожу и теперь молчаніемъ многократное всписщеніе въ воскресные дни и Господскіе праздники отправлять службу Божію, — на морѣ единственную утѣху Бога вѣдущихъ: стыжусь упоминать о разныхъ язвительныхъ насмѣшкахъ на счетъ Религіи. Сынъ Нѣжинскаго протоіерея Лисянскаго, кажется, родившійся и воспитанный въ самыхъ нѣдрахъ Религіи, часто изволилъ пить за столомъ вино Тенерифское. произнося ко мнѣ сіи слова: „Батюшка! за здоровье Божіей Матери“.—Въ бытность нашу на островѣ Св. Екатерины въ Бразиліи, всѣми мѣрами подъ видомъ угодливости ко мнѣ старался онъ поссорить и меня съ Его Превос-

ходительствомъ.—На пути отъ бурнаго мыса Горна къ острову Св. Пасхи, 25-го марта 1804-го года опять востала на меня убогаго старца грозная буря отъ капитана; хотѣлъ въ каютѣ забить, заколотить за то только, что я сидѣлъ на шканцахъ въ то время, когда онъ прохаживался по палубѣ; но любовь другихъ офицеровъ за меня вступилась и защитила.—На островахъ Маркизскихъ отдалъ командѣ приказъ не спускать меня съ корабля на берегъ за то, что я вечеромъ по пріѣздѣ моемъ съ корабля Надежды не пришелъ въ капитанскую каюту и не сказалъ ему лично о моемъ пріѣздѣ, хотя впротчемъ г. вахтинному офицеру то вѣдамо было.—Безъ терпѣнія не жизнь; по тому и я всѣ таковыя непріятности сносилъ великодушно; въ островахъ Сандвичевыхъ уже несходилъ на берегъ. Въ Кадьякѣ капитанъ не могъ дѣлать мнѣ подобныя первымъ насилія; но внушалъ въ должности Правителя Губернскому Секретарю то, что я сюда присланъ вмѣсто наказанія; — старался всѣми силами взять двухъ мальчиковъ пріуготовляемыхъ Духовною Миссіею для церкви, хотя и другихъ въ кадьякскомъ училищѣ очень довольно; по томъ склонилъ контору просить меня сообщеніемъ о присылкѣ тѣхъ мальчиковъ; — я по законной необходимости учинилъ отказъ, коего копія при семъ прилагается.—Изъ всѣхъ прежнихъ обстоятельствъ довольно была видна его ненависть къ Религіи и ко всей духовной части. Что самое онъ еще доказалъ тѣмъ, что во время своего выхода изъ здѣшней гавани увезъ одного изъ лучшихъ мальчиковъ такаго, который былъ обученъ и могъ уже отправлять дьячковскую должность.— Прилагается так же сообщеніе въ Духовную Миссію о препорученіи мнѣ храма Божія и всѣхъ дѣлъ Духовныхъ,—и еще копія съ данной мнѣ бумаги Его Превос-

ходительствомъ Николаемъ Петровичемъ Г. Резановымъ. Святѣйшій архипастырь! Отъ однаго источника текутъ горькія и сладкія воды. Азъ же крѣпко уповая на неизреченное милосердіе Твое паки и паки вопію: изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени Твоему.

Вашего Святѣйшества

и проч.

Копія.

Преподобный Отецъ Гедеонъ,

Милостивый Государь мой!

Отправляясь съ острова Св. Екатерины, хотя и надѣюсь я имѣть удовольствіе видѣться еще съ вами въ островахъ Сандвичевыхъ, гдѣ, какъ извѣстно вамъ, назначено послѣднее соединеніе судовъ нашихъ; но какъ легко случиться можетъ, что бурливыя кругъ мыса Горна погоды разлучатъ насъ такъ, что до самыхъ береговъ сѣверозападной Америки суда пойдутъ такими путями, какія предположенны будутъ встрѣтившимися обстоятельствами; то и поставляю я себѣ долгомъ сверхъ личныхъ моихъ съ вами обьясненій, къ лучшему усовершенствованію подвига отъ Государя Императора на насъ возложеннаго изьяснить вашему преподобію и на письмѣ мои мысли.

Съ особливымъ почтеніемъ обращаясь къ Апостольскому званію, вами столь ревностно на себя принятому, увѣренъ я, что по приходѣ въ Америку исполните вы наилучшимъ образомъ Высочайшую волю Всемилостивѣйшаго нашего Государя, пекущагося о распространеніи православныя христіанскія вѣры къ собственному

американскихъ жителей благополучію, что очистя отъ предразсудковъ умы ихъ, насадите вы въ сердцахъ ихъ правила истиннаго Богопочитанія, и что удаляя кроткимъ образомъ всякое суевѣріе, истинною Религіею нетерпимое, пріуготовите вы ихъ къ общежитію, покажите имъ обязанность ихъ въ отношеніи къ Государю и ближнему и содѣлаете добрыхъ сыновъ Россіи. Успѣхъ въ семъ важномъ преобразованіи, обѣщаетъ безсмертную славу, благоволеніе Государя и признательность позднаго потомства.

По прибытіи вашемъ въ Америку, старайтесь ласковымъ обхожденіемъ снискать любовь тамошняго начальства и всѣхъ жителей. содѣйствуйте первому всѣми мѣрами къ утвержденію между россіанами и американцами добраго согласія,—и внушите обоимъ племенамъ, что оба они составляютъ одинъ народъ Россійской, что оба они сыны однаго Государя, и что не могутъ они лучшимъ образомъ обратить на себя Высочайшее Его Императорскаго Величества вниманіе и милость, какъ сохраненіемъ повсюду взаимной пользы, уваженіемъ человѣчества и повиновеніемъ начальству.

Вы можете предварить ихъ о моемъ прибытіи, можете увѣрить ихъ, что Государь Императоръ, въ знакъ Всемилостивѣйшаго о отдаленныхъ сихъ областяхъ попеченія, Высочайше поручить мнѣ благоволилъ полезныхъ сыновъ отечества отличать наградами; что заключенія мои основываться будутъ на существенныхъ опытахъ трудолюбія и добрыхъ дѣлъ каждаго. что имѣю я долгъ о каждомъ изъ нихъ донести Государю, для котораго равны Его подданные, и въ такомъ случаѣ буде бы кто по свойственной людямъ слабости совратился съ пути истиннаго, имѣетъ до прибытія моего еще довольно

времени не только къ своему исправленію, но къ заслугамъ.

Вашему преподобію извѣстно, что въ щастливыхъ дняхъ нашихъ просвѣщеніе въ Россіи есть главнѣйшій предмѣтъ человѣколюбиваго Ея обладателя. Соотвѣтственно симъ великимъ намѣреніямъ, поручаю я вамъ принять въ особое ваше попеченіе Кадьякскую школу,— и образовать изъ оной правильное училище; къ чему по сдѣланнымъ отъ меня Кадьякскому начальству предписаніямъ, получите вы всѣ зависящія отъ него способы. Ежели юношество тамъ обучено уже грамотѣ; дайте имъ истинное понятіе о законѣ Божіемъ и Естественномъ, займитесь между тѣмъ показаніемъ имъ правилъ Правописанія, Ариѳметики, и положите первоначальныя основанія прочимъ наукамъ.

Хлѣбопашество, скотоводство и прочія хозяйственныя зеведенія хотя и не принадлежатъ къ предметамъ вашего преподобія, но я васъ какъ мужа просвѣщеннаго покорнѣйше прошу, ежели по которой либо части имѣете вы свѣденія, то не оставить начальство тамошнее вашими совѣтами и содѣйствовать къ общей пользѣ и благосостоянію края того.

На конецъ въ заключеніе сего, долженъ я сообщить предположеніе мое и въ разсужденіи васъ самихъ, полагая несомнѣнную надежду, что будете вы при исполненіи сихъ важныхъ предмѣтовъ первымъ мнѣ поборникомъ, я не нахожу нужнымъ возвращеніе ваше въ Россію, на суднѣ Г. Лисянскаго; и по тому благоволите вы дождаться меня въ Америкѣ и окончить путешествіе ваше уже со мною. О семъ предварительномъ распоряженіи моемъ всеподданнѣйше донесъ я Его Императорскому Величеству. И теперь остается намъ ожидать отъ

щедротъ Всевышняго, что благословитъ Онъ счасливымъ событіемъ добрыя наши намѣренія.

Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ

Вашего преподобія
Милостиваго Государя моего
Покорнѣйшій слуга Николай Резановъ.

Бразилія
Островъ Св. Екатерины.
Декабря 21-го дня 1803-го / Генваря 6-го дня 1804-го года.

№ 176.

Копія.

От Кадьякской Конторы
Въ Кадьякскую Духовную Миссію.

Его Превосходительство Г. Дѣйствительный Камергеръ и разныхъ орденовъ Кавалеръ Николай Петровичъ Резановъ отъ 23-го числа Декабря 1803-го года за № 175—Его Высокоблагородію Г. Коллежскому Совѣтнику и Правителю Россійско-Американскихъ областей, Александру Андреевичу Баранову предписать благоволилъ: въ разсужденіи непріятныхъ слуховъ о потерѣ Финикса, сколь не желательно, чтобъ были не справедливы; но подтверждаются уже неполученіемъ по сіе время о немъ свѣденія. По сему положенію испросилъ Его Превосходительство для распространенія Христіанскаго Православія Духовную Особу избраннаго въ сіе званіе Іеромонаха Гедеона, котораго по прибытіи сюда рекомендуетъ сего достойнаго мужа; есть ли къ сердечному прискорбію уже лишились мы Преосвященнаго Іоасафа, то препоручить храмъ Божій и всѣ дѣла духовныя Его

Преподобію. А посему Духовная Кадьякская Миссія благоволитъ о семъ быть извѣстна, и по соизволенію Его Превосходительства чинить непремѣнное исполненіе. Генваря 23-го дня 1805-го года. Въ должности Правителя Губернскій Секретарь Иванъ Банперъ. № 99.

Копія.

От Соборнаго Іеромонаха Гедеона
Въ Кадьякскую Контору.

Его Императорскаго Величества одинъ изъ великихъ предметовъ есть вѣра, церковь и проповѣдь въ здѣшнемъ мѣстѣ; о чемъ самой Компаніи не безъизвѣстно: По чему бывшій здѣсь Преосвященный Іоасафъ, по притчинѣ на и труднѣйшихъ доставленій въ сей отдаленный край Духовенства за самонужнѣйшее дѣло почелъ пріуготовлять для Священно и Церковно-служительскихъ должностей изъ здѣшнихъ малолѣтнихъ, коихъ и оставилъ при письменномъ своемъ наставленіи.

При томъ какъ здѣшняя церковь не имѣетъ по должностямъ дьячковской и пономарской служителей; то и я по долгу моему желая видѣть церковь оную въ приличномъ ей благоустроеніи къ большему христіанскому удовольствію и назиданію прихожанъ, необходимо-нужными нахожу для ней, какъ требуемыхъ незаконно оною Конторою мальчиковъ Куликалова и Прянишникова, равно и другихъ находящихся при Духовной Миссіи, кои уже пріучены къ церковнымъ чиноположеніямъ и прочимъ для Священныхъ службъ пособіямъ.

Кромѣ сего, извѣстно самой Конторѣ ожиданіе великой особы, Высочайшею Монаршею волею уполномочен-

наго Образователя здѣшнихъ странъ, Дѣйствительнаго Камер-Гера и Ковалера Николая Петровича Резанова, то до пріѣзду Его Превосходительства оставить все касающееся до Духовной части.

Того ради вышеозначенныхъ мальчиковъ къ Начальнику Компанейскаго судна Невы Г. Капитанъ-Лейтенанту и Ковалеру Лисянскому прислать не смѣю. Марта 11-го дня 1805-го года. Соборный Іеромонахъ Гедеонъ.

1805-го года Іюля 28-го дня Кадьякъ обрадованъ былъ пріѣздомъ Его Превосходительства Г. Резанова.

7-го Августа получена мною отъ Его Превосходительства бумага слѣдующаго содержанія:

Копія.

Преподобный Отецъ Гедеонъ,
Милостивый Государь мой!

Приводя въ устроеніе всѣ части Американскаго края, изъ первыхъ моихъ обязанностей поставляю вникнуть въ настоящее состояніе пребывающей здѣсь Духовной Миссіи и положить прочныя мѣры къ отвращенію нуждъ тѣхъ благочестивыхъ мужей, кои удалясь мірскихъ попеченій, грядутъ во имя Господне просвѣщать и образовать невѣжствующее человѣчество. Отдавая съ достодолжнымъ моимъ почтеніемъ всю принадлежащую ревностнымъ успѣхамъ ихъ справедливость, и вамъ яко Главному ихъ Путеводцу свидѣтельствуя искреннѣйшую мою признательность, покорнѣйше прошу ваше преподобіе увѣдомить меня, что ежегодно нужно для содержанія Духовенства и благолѣпія храма Божія, и доставить мнѣ удовольствіе преподать къ тому зависящіе отъ меня способы во удостовѣреніе того непреложнаго почтенія, съ

коимъ я всѣмъ почтеннымъ Отцамъ и вашему преподобію готовъ навсегда быть

Покорнѣйшимъ слугою
Николай Резановъ.

Авг. 7-го дня.
Павловская Гавань.

На что сперва отвѣтствовано симъ:

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Пріемля съ полною благодарностію ревностное вашаго Превосходительства попеченіе о содержаніи здѣшней Духовной Миссіи, необходимо-нужнымъ нахожу слѣдующее:

1) Строеніе домовъ и принадлежности къ онымъ, какъ-то: пилы, желѣзо на топоры, заступы, матыки, лопатки для земледѣлія, гвоздья, пенка, смола, парусина для лодокъ, стекла, деревянная и мѣдная посуда, кострюли, чайники, веревки и прядено для неводовъ и сѣтей, сальныя свѣчи и писщая бумага.

2-ое. Провизія должна быть получаема вещами въ натурѣ по примѣру морскаго пайка на каждаго человѣка со исключеніемъ мяса и пива, а съ прибавленіемъ чаю и сахара.

3-ье. По приличію сану платья и обуви по двѣ пары зимняго и лѣтняго, и по пяти рубашекъ съ портами въ каждый годъ на каждаго человѣка; такъ же крепы на клобуки и плису на камылавки и муфты.

4-ое. Въ пособіе домовыхъ работъ и необходимостей въ замѣну платы усердствующимъ Американцамъ, такъ же къ большимъ успѣхамъ образованія и просвѣщенія

для приласкиванія ихъ, потребно табаку, сукна, китайки, дабь, стамета, холста, бисера, иголокъ и крестовъ.

Все сіе отвергнуто съ негодованіемъ; по чему я принужденнымъ себя нашелъ отвѣтствовать Его Превосходительству такъ:

Копія.

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Пріемля съ полною благодарностію благодѣтельное Вашего Превосходительства расположеніе о ежегодно-нужномъ содержаніи Духовенства, Отцы здѣшней Духовной Миссіи, іеромонахъ Аоанасій, монахи Германъ и Іоасафъ обьявили мнѣ, что они совершенно предоставляютъ благоволенію вашему положить свои мѣры къ отвращенію каждогодныхъ ихъ нуждъ относительно пищи, одежды и всѣхъ домашнихъ надобностей; А относительно благолѣпія храма, имѣю честь сказать, что оно зависитъ отъ усердія благодѣтелей и Боголюбцовъ. Необходимы для церкви: мука на просвиры, вино, ладонъ, свѣчи и деревянное масло; необходимѣе же всего унять въ церкви течь. Съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего превосходительства и проч.

Авг. 9-го дня 1805-го года.

Тогожъ дня получилъ я еще отъ Его Превосходительства слѣдующую бумагу:

Копія.

Видѣвъ здѣсь отличные труды Духовной Миссіи Отцовъ въ земледѣліи упражняющихся, покорнѣйше

прошу ваше преподобіе доставить мнѣ свѣдѣніе, какому хлѣбу и когда дѣлаемы ими были опыты, и какія огородныя овощи и въ какомъ количествѣ у нихъ произрастаютъ, пріобща при томъ вкратцѣ практическія сихъ трудолюбцовъ примѣчанія, дабы при всеподданнѣйшемъ моемъ Его Императорскому Величеству донесеніи о сей столь нужной хозяйственной въ Америкѣ части, могъ я и симъ благочестивымъ мужамъ отдать всю достодолжную имъ справедливость.

Съ совершеннымъ почтеніемъ пребываю

Вашего Преподобія
Милостиваго Государя моего
Покорнѣйшій слуга
Николай Резановъ.

1805-го года 9-го Августа.
Павловская Гавань.

Копія.

Отвѣтъ:

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Отцы здѣшней миссіи начали производить опыты по части земледѣлія еще съ 1795-го года, сѣявъ морковь, лукъ, горчицу, макъ, рѣпу, табакъ, садивъ картофель, рѣдьку, свѣклу, брюкву, капусту, огурцы, арбузы, тыквы, дыни, горохъ огородній, бобы, кукурузу, которая въ Россіи называется огородняя пшеничка, подсолпечники и иные огородные цвѣты.—Изъ всѣхъ оныхъ овощей плодами обрадовали трудниковъ только картофель, рѣдька и рѣпа, а прочихъ хотя всходъ и появился; но вскорости все изчезло. Въ 1796-мъ году оставивъ прежніе огороды по неудобности земли къ урожаю, дѣлали опыты

на другихъ мѣстахъ, употребивъ при томъ стараніе о удобреніи земли навозомъ; кромѣ посредственнаго урожаю картофеля, рѣпы и рѣдки, была сѣрая капуста безъ вилковъ и брюква. Въ 1797-мъ году еще дѣлаемы были опыты на старомъ алеутскомъ жилѣ, гдѣ даже родилась свѣкла хотя небольшой величины; рѣпа была довольно крупна—самая большая до 10-ти фунтовъ; а картофеля и рѣдьки былъ самый лучшій урожай. Въ 1802-мъ году узнали самымъ опытомъ, что морская капуста очень способствуетъ къ удобренію земли; въ томъ же году садили чеснокъ, который по замѣчанію родиться можетъ. 1804-го года сѣяли на удобренной навозомъ землѣ 4 фунта ячменя; сняли полтора пуда. — Сего 1805-го года апрѣля 23-го дня посѣяли ячменя 10-ть фунтовъ, пшеницы 10-ть фунтовъ въ одно время на разныхъ земляхъ, т. е. на удобренной навозомъ, на простой, и на алеутскомъ старомъ жилѣ; соломою и колосомъ хорошъ тотъ хлѣбъ, который посѣянъ на навозной землѣ и на старомъ алеутскомъ жилѣ. Ячмень началъ колоситься ранѣе; и потому подаетъ надежду къ скорѣйшему созрѣнію, а пшеница гораздо позже, и потому къ вызрѣнію мало даетъ надежды. Время откроетъ, каковъ воспослѣдуетъ успѣхъ отъ сихъ начатковъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч.

Августа 10-го дня 1805-го года.
Павловская гавань.

15 августа Россійско-Американское Училище въ числѣ 50-ти учениковъ имѣло удовольствіе показать плоды свои на публичномъ экзаменѣ въ присудствіи попечительнаго образователя Россійско-Американскихъ областей Николая Петровича Г. Резанова, и любезныхъ посѣтителей,

какъ г. морскихъ оберъ-офицеровъ и нѣкоторой неизвѣстной Духовной Особы, равно Кадьякскаго ново-учреждаемаго Гражданства почетныхъ людей. Отличившіеся за прилѣжаніе, успѣхи въ наукахъ и благомѣрное поведеніе ученики лично награждены отъ щедрой Его Превосходительства десницы.

20-го августа Г. Резановъ отправился къ острову Баранова въ портъ Ново-Архангельскъ—(въ Ситку). Откуда и получилъ 29-го сентября отъ Его Превосходительства слѣдующее письмо:

Копія.

Преподобный Отецъ Гедеонъ,
Милостивый Государь мой!

Достигнувъ по благости Божіей Ново-Архангельскаго порта минувшаго августа 26-го по утру нашелъ я здѣсь съ сосѣдствомъ не весьма еще мирную жизнь. Партію ожидаемъ съ часу на часъ, но она не возвратилась еще. Мы живемъ на кекурѣ, имѣя всегда вооруженныхъ людей и заряженныя пушки; а потому почелъ нужнымъ предварить васъ, что въ разсужденіи присылки сюда для проповѣди Слова Божія, подвигъ сей для здѣшняго края не возможенъ, а когда можно будетъ, то Александръ Андрѣевичъ извѣститъ васъ. Я прошу васъ объявить Духовнымъ Отцамъ Миссіи, чтобь подвизались они во славу Триvпостастнаго Бога въ предѣлахъ кадьякскихъ, гдѣ уже начали внимать Святому Имени Его; впрочемъ помѣщеніе здѣсь крайне нужно, а кормы еще нужнѣе. Мы живемъ весьма скучно, дожжи всякой день проливныя, и какъ ни нужны работы, но отъ нихъ отбиваетъ. Между тѣмъ устроятся здѣсь верфь, эленги для двухъ

судовъ очищены, лесъ по маленьку валимъ, и въ скоромъ времени поставимъ съ Божіею помощію на стапели военный брикъ о 16 и тендеръ о 8-ми пушкахъ, которымъ чертежи и смѣты уже кончаны.

Я поручаю содѣйствію вашему успѣхи школы, которая столь же близка моему попеченію, прошу васъ такъ же внушать, чтобъ сохранялось повиновеніе къ начальству и американцы безропотно исполняли повинности ихъ, доколѣ не улучшимъ мы края сего, ибо иначе все можетъ разрушиться, и ежели не будетъ въ партовщики достаточнаго числа людей, то ножи, подъ которыми мы ведемъ здѣсь жизнь свою, употребятся ко вторичному Россіянъ истребленію. Удивительно, что за варварскіе здѣсь народы; страхъ теперь обуздалъ ихъ, но злоба осталась, и съ плѣнниками нашими, какъ слышимъ, производятъ неописанныя безчеловѣчія. Я располагаюсь здѣсь пробыть зиму, а думаю, что Александръ Андрѣевичь къ вамъ будетъ. За тѣмъ поручая себя въ продолженіе вашихъ ко мнѣ благорасположеній всегда съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашего Преподобія
Покорнѣйшій слуга
Николай Резановъ.

Сент. 11. 1805-го года.
О. Барановъ.
Портъ Ново-Архангельскъ.

24-го Октября получилъ я еще слѣдующее:

Копія.

Секретно.

Преподобный Отецъ Гедеонъ,

Милостивый Государь мой!

Изъявленное вами желаніе видѣть портъ Ново-Архангельскъ, пріятной въ бытность мою на Кадьякѣ вызовъ вашъ раздѣлять со мною труды на пользу Отечества и собственно мое лелестное къ достоинствамъ вашимъ почтеніе, все сіе совокупно обязываетъ меня, ежели письмо сіе найдетъ васъ въ прежнихъ расположеніяхъ, предложить вамъ участіе въ предполагаемой мною секретной сего же года экспедиціи. Купленной у бостонцовъ въ Компанію трехъ-мачтовой обшитой мѣдью корабль Юнона подъ начальствомъ Г. Лейтенанта Хвостова отправился въ Трехъ-Святительскую гавань за кормами, съ тѣмъ, чтобъ какъ можно поспѣшнѣе возвратился, а по тому какъ онъ ни часу мѣшкать не долженъ и не можетъ; то по корнѣйше прошу васъ, буде предложеніе мое будетъ вамъ угодно, поспѣшить немедлѣнно въ байдарѣ въ помянутую гавань, безъ малѣйшей кому-либо огласки и закрывъ надобностью моею въ васъ на Ситкѣ, доставить тогда скорѣе удовольствіе увидѣться съ вами пребывающему съ совершеннымъ почтеніемъ вамъ,

Милостивому Государю моему,

Покорнѣйшимъ слугою

№ 498. Николай Резановъ.

P. S. Въ походной церкви нѣтъ нужды, ибо въ сыромъ здѣшнемъ климатѣ, гдѣ строеніе еще безъ печей, она згніетъ безъ пользы, а возмите одинъ только образъ для корабля, чтобъ иногда совершить молебствіе. Впрот-

чемъ повторяю еще, что прибытіе ваше зависитъ совершенно отъ воли вашей.

Окт. 4-го дня 1805-го года.
Ос. Барановъ.
Портъ Ново-Архангельскъ.

На что Его Превосходительству 1806-го года апрѣля 14 дня отвѣтствовано симъ:

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Удостоясь быть очевидцемъ усердно-истинныхъ трудовъ и ревностныхъ вашего Превосходительства о благѣ Отечественномъ попеченій,—и сладостно воспоминая таковый образъ мыслей вашихъ, пріятнѣйшею почелъ обязанностію, съ полною моею благодарностію повинуясь лестному для меня вашему предложенію, сопутствовать вамъ на кораблѣ Юнонѣ въ Секретной вашей эспедиціи. Но, къ крайнему моему сожалѣнію, стеченіе обстоятельствъ положило преграду таковому исполненію.

По полученіи пріятнѣйшаго вашего начертанія 24-го октября минувшаго года, Иванъ Ивановичь Г. Баннеръ не согласился меня отправить въ старую гавань, и посланному отъ меня монаху Іоасафу съ гнѣвомъ сказалъ: „ѣхать ему туда нѣтъ ни байдары, ни людей, а здѣсь судно *Елисавета* готово къ выходу; то пусть на немъ и ѣдитъ".—Почему я принудилъ себя слѣдовать къ острову Баранова на означенномъ суднѣ *Елисаветы*.—Изъ гавани вышли 26-го числа тогожъ мѣсяца; но были встрѣчены жестокимъ противнымъ вѣтромъ, проходя лесный островъ, гдѣ остановились на якорѣ. 28-го вечеромъ совершенно уже вступили въ настоящій путь. Два удара

на лайдѣ Горбуновой понесенные нашимъ судномъ не воспрепятствовали продолженію нашего плаванія. 9-го ноября самымъ жестокимъ штормомъ принесены были въ ночное время къ земли близъ леденаго пролива входа креста, отъ коей едва отошли бывъ подвержены очевидной опасности; нѣсколько разъ видѣли Льтуйскія горы, кои поразительнымъ своимъ видомъ болѣе умножали горесть о неблагополучномъ нашемъ плаваніи. Перемѣнная погода, то стужа, то слякоть, то противные жестокіе вѣтры, то туманы томили насъ унылымъ чаяніемъ увидѣть портъ Ново-Архангельскъ. Опастность опастности преслѣдовала. 23-го ночью еще принесены были въ Окойску—краю горести; по пролитіи съ сокрушеннымъ сердцемъ моленія, помилованы всемогущимъ; тогожъ дня предъ вечеромъ видѣли краткое время Якутатскую бухту хотя и держались около трехъ сутокъ.

1-го декабря увидѣли гору Св. Лазаря и чрезъ цѣлую ночь въ недальнемъ разстояніи веселыми глазами взирали на нея; но утромъ съ крайнимъ прискорбіемъ оставили оный Ново-Архангельскій колоссъ по притчинѣ жестокаго противнаго вѣтра. Забывъ сіе, еще трижды питали себя томною надеждою быть на островѣ Баранова, т. е. 3-го, 6-го и 7-го чиселъ сколько близко подходили къ вышеупомянутой горѣ; столько удаляли насъ отъ оной противные вѣтры, кои по томъ очень усилились. Вотъ нещастіе! люди обносились; появились больные; отъ частой слякоти не успѣвали просушивать платья; вода приходила къ умаленію; по томъ наступила стужа, еще горестнѣе, замерзли паруса, кои разволачивали ганшпугами: а руки и зубы уже не помогали; отъ желаннаго берега очень удалены. Что начать? Итакъ 10-го декабря принуждены были спуститься къ Кадьяку. 18 съ полу-

ночи увидѣли Кадьякъ. Кажется, очень близко къ нему находились; начали отлавировиваться; по теченіемъ принесены были къ берегу *Тонкаго мыса* въ небольшемъ разстояніи отъ острова Угака, гдѣ послѣ сильнаго удара о камень въ 6-мъ часу утра положили два якоря. 19 вѣтръ съ половины дня усилился; якори не удержали; бѣдствіе преслѣдовало неизбѣжно; начали облегчать мачты; по томъ (слеза на глазахъ, охъ въ сердцѣ) срубили гротъ-мачту. Какой ужасъ! и теперь мятутся мои чувства! — на конецъ при толь жестокомъ волненіи, что пескомъ отъ клокочущей стихіи ослѣпляло насъ, выброшено судно на берегъ уже темно. Съ дрожащими членами отъ мокроты и холода, и съ теплыми слезами благодарности ко всевышнему, всѣ сошли съ судна благополучно;—и тѣмъ рѣшилась наша участь.

Все плаваніе наше было горестно. Поздое время, сильные противные вѣтры, перемѣнная погода, одинъ мореходъ безъ помощника, упорность или лучше сказать необузданность промышленныхъ, слабость здаровья морехода, который въ такомъ жалкомъ положеніи силясь выходить на верхъ, 23-го ноября въ прибавокъ къ нашему нещастію упалъ и расшибъ правую руку. Все сіе совокупно не малою было преградою къ достиженію желаемаго предмета. Что жъ принадлежитъ до хорошаго порядка, бережливости и попечительности въ сохраненіи груза и кормовыхъ припасовъ, чему я очевидный свидѣтель; то дѣлаетъ великую честь достоинствамъ Г. Карпинскаго. Жалко только то, что люди приказанія его исполняли съ понужденіемъ, а по разбитіи судна явные оказывали знаки непослушанія; и естьли бы каюры не были при семъ случаѣ, то большая бы часть Компанейскаго имущества погибла. Безъ его присутствія работа

не производилась отъ нравственной упругости промышленныхъ; по чему принужденъ онъ находиться во все время выгрузки неотступно, будучи самъ не здаровъ.

А меня принудилъ холодъ удалиться на третій день по разбитіи въ Игатскую Артель, въ которую, надѣвъ торбаса, пошелъ пешкомъ. Дорога была весьма безпокойна и затруднительна по причинѣ большаго снѣга, частыхъ высокихъ хребтовъ, и крупныхъ утесовъ. За противною погодою пробылъ я двѣ недѣли въ оной артели, и по совершеніи свящ. требъ, 6-го Генваря текущаго года отправился оттуда въ байдаркѣ, едвва-едва успѣлъ пристать къ разбитому судну. Настали сильные штормы, жестокіе морозы и необыкновенныя пурги, кои еще недѣлю удержали меня на семъ пустомъ берегу. 14 возвратился въ Павловскую гавань, гдѣ претерпѣлъ не менѣе прежняго безпокойства.

Желая умножить въ Училищѣ пользу и успѣхи соотвѣтствующіе ревностному Вашего Превосходительства попеченію положилъ въ намѣреніи назначить Учителя для обученія Ариометики, Географіи и Рисовальнаго искуства; который бы обучалъ симъ предмѣтамъ въ Училищѣ, по тому болѣе, что Іеродіаконъ Нектарій отказывался отъ преподаванія Ариометики, да и занятъ другими предмѣтами; что самое Его затрудняетъ и успѣхамъ отъ того выходитъ препятствіе. Г. Борисовъ съ великимъ усердіемъ и охотою вызвался принять на себя сей трудъ изъ любви къ пользѣ здѣшняго юношества. Способность его въ обученіи принятыхъ имъ двухъ мальчиковъ и надлежащій порядокъ были мнѣ къ тому поводомъ и порукою чаяныхъ успѣховъ. О таковомъ моемъ намѣреніи извѣстилъ я Контору, предоставляя Вашему Превосходительству опредѣленіе и утвержденіе онаго. Но

Контора весьма обидливо для меня отозвалась, не прилично напоминая мою должность, грубо предписывая свои правила и укоряя самовольствомъ выводила изъ таковаго моего благонамѣреннаго къ общей пользѣ избранія нелѣпыя мнѣнія о какихъ-то непріятностяхъ къ Начальству. При томъ отъ нѣкоторыхъ изъ конторскихъ проявляются слѣды разстройки Духов. Іеромонаха Аѳанасія и Іеродіакона Нектарія, кои мнѣ оказали послѣ нещастнаго разбитія судна, великія грубости; да и самые Начальствующіе подаютъ къ тому поводъ.—И потому нетерпѣливо желалъ бы увидѣться еще съ вами на Кадьякѣ, какъ вы мнѣ изволили прежде обѣщать, и увидѣть облегченіе моей участи. — А дотолѣ поручая себя подъ защиту вашу, съ истиннымъ и непремѣннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Вашего Превосходительства
и проч.

Апр. 14 дня.
1806-го года.
Павловская гавань.

1807-го года 21-го Апрѣля Россійско-Американское Училище имѣло пріятный случай дать вторый публичный экзаменъ въ присутствіи Г. Правителя Коллежскаго Совѣтника Баранова и Иностранныхъ морскихъ Г. Капитановъ и прочихъ посѣтителей. За успѣхи учениковъ Правитель благодарилъ меня слѣдующимъ письмомъ

Копія.

Ваше Преподобіе, Милостивый Государь!
Отецъ Гедеонъ!

Во изъявленіе моей признательности за положенныя начала образованія. здѣшнихъ областей собраннаго въ

Училищѣ Кадьякскомъ юношества, руководствомъ вашимъ впечатленныя, пріемля то съ чувствами сердечными тѣмъ наипаче, что въ продолженіе Начальства моего устрояются желаемое издавна къ общему благу во славу Отечества просвѣщеніе и благоустройство въ здѣшнихъ дикихъ отдаленныхъ, по единому всероссійскому скиптру принадлежащихъ предѣлахъ, честь имѣю служить отъ собственныхъ избытковъ моихъ, Вашему Преподобію пять сотъ рублей, и еще двѣстѣ рублей на тѣхъ первой статьи школьниковъ, кои болѣе имѣютъ способностей во изученіи преподаваемыхъ отъ васъ въ наукахъ правилъ, и могутъ другихъ обучать тому, поколику сами достигли въ свѣдѣніяхъ. Поручаю награду сію вамъ же соразмѣрно способностямъ раздѣлить тѣмъ вещами, какіе разсудите и есть въ наличности, отъ лавки на счетъ мой, о чемъ и прикащику сообщится; равно и къ Вашему Преподобію отпускать, ежели здѣсь заблагоразсудите получать вещами. Но буде не нужно и деньгами отъ Охотской или Иркутской конторъ, когда разсудите по предмѣтамъ вашимъ выбывать отсель; на счетъ же мой оный такъ же въ таковомъ случаѣ поручится открытое вамъ сообщеніе.—На таковый же предмѣтъ награды отличающимся въ наукахъ школьникамъ Господинъ Акціонеръ Василій Ивановичъ Малаховъ отъ лавки же асигнуетъ въ ваше распоряженіе сто рублей. Пребываю впрочемъ съ должнымъ почтеніемъ моимъ

Вашего Преподобія
Покорнымъ слугою Александръ Барановъ.

23-го Апр.
1807-го года.
Кадьяк. Павл. гавань.

12 Маія пришло изъ Ситки вновь построенное изъ душнаго дерева или Американскаго кипариса судно Ситка; а 15 увѣдомилъ я Правителя о возвращеніи моемъ въ Россію:

Копія.

Ваше высокоблагородіе!
Милостивый Государь!

По предмѣтамъ моимъ имѣю необходимость отправиться въ Охотскъ на суднѣ Ситкѣ; то покорно прошу васъ, Милостивый Государь, приказать изготовить для меня мѣсто, снабдить какъ меня на означенное путеслѣдованіе провизіею и прочими нужными потребами, такъ и будущихъ при мнѣ двухъ большихъ учениковъ Прокопія Лаврова и Парамона Чумовицкаго, да одного малолѣтнаго Алексѣя Котельникова; чему здѣсь прилагается реэстръ. Относительно жъ нужныхъ по духовной части дѣлъ сообщить вашему высокоблагородію не умедлю, пребывая съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

На другой день Правитель объясня мнѣ многія затрудненія и дорогое содержаніе въ доставленіи вышеупомянутыхъ учениковъ, между прочимъ просилъ открыть на то волю Его Превосходительства Николая Петровича Г. Резанова, обѣщавался при томъ здѣлать мнѣ удовлетвореніе. На таковое его объясненіе отвѣтствовалъ я слѣдующимъ:

Копія.

Ваше Высокоблагородіе,
Милостивый Государь мой!

Объясненіе Вашего Высокоблагородія я имѣлъ честь получить. Прописываемые въ ономъ совѣты, какъ плоды

долговременной опытности Вашей, тѣмъ болѣе пріятны и любезны моему сердцу, что острое и дальновидное ума Вашего зрѣніе ограждаетъ меня въ толь дальнемъ путеслѣдованіи осторожностію къ большему моему спокойствію. Почему я, пользуясь симъ важнымъ напутствіемъ, сознаю себя обязаннымъ ко всегдашнему Вамъ, Милостивый Государь мой, благодаренію.—Воля жъ Его Превосходительства попечительнаго образователя здѣшнихъ областей, Николая Петровича Г. Резанова въ части сей такова: — Онъ изволилъ въ сношеніи ко мнѣ прописывать, что по Высочайшей волѣ Его Императорскаго Величества былъ возложенъ, какъ него, такъ и на меня лестный подвигъ къ лучшему усовершенствованію края сего. Посему во многихъ совѣтахъ и письменныхъ и словесныхъ съ особливымъ почтеніемъ къ Духовному званію, признавалъ меня быть ревностнымъ при исполненіи важныхъ его въ томъ усовершенствованіи предпріятій поборникомъ. А я оправдывая толь великое Его Превосходительства обо мнѣ мнѣніе, съ моей стороны со всевозможнымъ усердіемъ старался распространить общія выгоды, между коими за нужное почиталъ, чтобъ чрезъ большее просвѣщеніе сихъ учениковъ въ С.-Петербургѣ оказать мою услугу Отечеству, сдѣлавъ ихъ полезными для края сего, а для большей чести Благодѣющей имъ Россійско-Американской Компаніи. Открывъ Вамъ и волю Его Превосходительства и образъ моихъ мыслей, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ

и проч.

Маія 16-го дня 1807-го года.

17 увѣдомилъ я Правителя о препорученіи Начальства Духовной Миссіи Преподобному Отцу Герману.

Копія.

Ваше Высокоблагородіе,
Милостивый Государь мой!

Небезъизвѣстно, думаю я, Вашему Высокоблагородію, что весьма прискорбно было слышать Попечительному Образователю Россійско-Американскихъ Областей, какъ онъ самъ изволитъ выражать въ своемъ ко мнѣ сношеніи: „что развратъ и буйство допущены на Кадьякѣ послабленіемъ Начальства, и что онъ къ строгимъ мѣрамъ приступить долженъ, чтобъ искоренить навсегда зло сіе; такъ же съ сожалѣніемъ увѣдомляетъ и почти невѣроятнымъ поставляетъ, что и между духовными посѣялись личныя неудовольствія“. Дошли до него вѣрные слухи, что іеродіаконъ Нектарій не повиновался моему Начальству, равно и іеромонахъ Аѳанасій. Безначаліе вездѣ вредно, да и Республика ни въ какой части Его Императорскому Величеству не угодна.—А какъ изъ прежде бывшихъ предписаній Епископа Кадьякскаго Іоасафа ясно видно, что іеромонахъ Аѳанасій, яко не имѣющій нужныхъ къ начальствованію способностей и по неосновательности своего разсудка и по малограмотству, былъ подчиненъ іеродіакону Нектарію такъ, что не велено ему даже „до островка отлучаться изъ гавани, развѣ прогуляться въ лѣсъ, кольми паче въ объѣзды ни подъ какимъ видомъ, а за ослушаніе и дерзость приказано наказывать разнообразно, какъ-то: поклонами, постомъ и другимъ образомъ, какъ разсудится; до буйствъ не допущать, какъ случалось многажды и здѣсь, то приказавъ на цѣпи до тѣхъ поръ держать, пока исправившись въ погрѣшности просить будетъ извиненія“.—Что самое іеромонахъ Аѳанасій под-

твердилъ своимъ упрямымъ, своенравнымъ, не основательнымъ и дерзкимъ поведеніемъ и въ мое здѣсь пребываніе. — Смотрѣнію жъ монаха Германа отъ бывшаго Епископа какъ ввѣрены были весь домъ, имущество и экономія; равно поручены были его попеченію и оставшіеся здѣсь Духовные, велѣно поступать съ ними по его разсужденію, рѣшительно отказывать въ ихъ прихотяхъ и располагать всемъ, особенно предоставлено его волѣ сообразно обстоятельствамъ, какія встрѣтиться могутъ. По таковымъ причинамъ и я при настоящемъ моемъ отъѣздѣ въ С.-Петербургъ съ особливымъ почтеніемъ обращая взоръ мой къ великимъ достоинствамъ и рѣдкимъ ума и сердца качествамъ сего просвѣщеннаго, опытнаго, трудолюбиваго и пречестнѣйшаго отца, въ полномъ увѣреніи, что отъ ревности, бдительности и проницательности ничего упущено не будетъ, съ вожделѣннымъ и совершеннымъ удовольствіемъ поручаю ему начальство Здѣшней Духовной Миссіи, къ коему да благоволите вы, Милостивый Государь, что только надлежать имѣетъ до духовной части, относиться и дѣлать ему всевозможное пособіе къ пресѣченію какихъ-либо могущихъ случиться неблагопристойностей. О таковомъ моемъ нелицепріемномъ избраніи не премину я по долгу моему донести Святѣйшаго Правительствующаго Синода первенствующему члену Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту и Ковалеру Амвросію; а болѣе, признаюсь Вамъ искренно, меня въономъ избраніи то утѣшаетъ и ободряетъ, что я о семъ кротости, тихости, и смиренномудрія преисполненномъ и миролюбномъ старцѣ весьма часто имѣлъ удовольствіе слышать великую похвалу и отъ Вашего высокоблагородія—какъ мужа опытнаго, достойнаго великой чести — мужа проведшаго вѣкъ свой

въ похвалѣ по притчинѣ многихъ трудовъ для пользы Отечества. Сія-то похвала важнѣе для него прочихъ похвалъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ
имѣю честь быть
и проч.

17-го Маія 1807-го года.

18 Маія нужная для путеслѣдованія моего провизія Правителемъ ко мнѣ прислана, а 19 просилъ я его о нижеслѣдующемъ:

Копія.

Ваше Высокоблагородіе,
Милостивый Государь мой!

Его Превосходительство въ сношеніи ко мнѣ упомянулъ, что онъ по Высочайшей волѣ Государя Императора приступая къ образованію Американскаго края, имѣлъ нужду знать: сколько въ которомъ мѣстѣ жителей? Но, какъ самъ изволилъ онъ выражать: „въ Конторѣ Кадьякской не нашелъ вѣрной переписи народа, кромѣ свѣденій въ 1800-мъ году полученныхъ“. Для того просилъ меня о числѣ родившихся, умершихъ и бракомъ сочетавшихся ежегодно сообщать вѣдомости въ Кадьякское Правленіе Компаніи.—Вашему жъ Высокоблагородію извѣстно, что Духовная Миссія не имѣетъ письмоводителей; въ таковомъ случаѣ при крещеніи и бракосочетаніи благоволите вы, Милостивый Государь мой, іеромонаху Аѳанасію отъ Конторы Вашей дѣлать вспоможеніе. Относительно бракосочетанія тѣхъ Россіянъ, кои здѣсь остаться пожелаютъ навсегда или имѣющихъ быть здѣшними гражданами отъ меня На

чальнику Америко-Кадьякскаго Духовенства Его Преподобію Отцу Герману предписано быть имѣетъ. Что жъ касается до умершихъ, то Духовной Миссіи свѣденія имѣть никакъ не возможно. Съ совершеннымъ почтеніемъ

имѣю честь быть

и проч.

— —

Копія.

Ваше Высокоблагородіе,

Милостивый Государь мой!

Волею Его Императорскаго Величества, по словамъ Его Превосходительства, возложенный на насъ съ нимъ купно, извѣстный вашему высокоблагородію подвигъ, равно и его на меня въ поборничествѣ моемъ упованіе, принуждаютъ меня напомянуть вамъ, Милостивый Государь мой, образъ попечительнаго образователя мыслей къ большему исполненію Высочайшей воли, что образованіе края сего занимало всѣ душевныя и тѣлесныя его силы, (чему я самъ очевидный свидѣтель), и множество частей въ составѣ семъ находящихся развлекали ихъ иногда такъ, что онъ самъ терялся въ способахъ. „Ибо въ жительствующихъ здѣсь Россіянахъ образъ мыслей, изволилъ онъ въ иномъ ко мнѣ сношеніи открыть, доселѣ на несовмѣстныхъ человѣчеству правилахъ существовалъ.—Развращенные умы, продолжалъ въ другомъ сношеніи, ѣздятъ нынѣ въ Америку обогащаться только для того, чтобъ возвратясь разсыпать какъ прахъ въ нѣсколько дней то, что многими годами на слезахъ чуждыхъ стяжали. Столь отчаянные люди уважатъ ли ближняго? Удалясь они навсегда сѣмейственной жизни, не

имѣютъ въ глазахъ добраго примѣра. По тому бѣдные американцы къ стыду Россіи приносятся въ жертву распутству ихъ. Промышленные суть такой народъ, котораго большая часть изъ нихъ по сіе время и для Отечества и для Америки, можно сказать, къ единому вреду существовала". Почему Его Превосходительство просилъ меня искренно въ отсудствіе его напрягать умы всѣхъ къ положеннымъ имъ въ основаніе тремъ началамъ: 1) Земледѣлію, 2) Просвѣщенію и 3) Размноженію народа, посредствомъ которыхъ мыслитъ онъ скорѣе облагодѣтельствовать край сей.

А хотя я поборникомъ названный, бывъ тѣми же чувствіями одушевленъ, и какъ волею человѣколюбивѣйшаго Монарха, такъ наиболѣе закономъ Царя Царствующихъ и имже сильніи пишутъ правду, къ человѣколюбію обязанный, имѣлъ по мѣрѣ силъ моихъ стараніе во всемъ ономъ тяжкомъ бремени подвига дѣлать вспоможеніе; однако Его Превосходительство, придавая еще большую къ общеполезнымъ трудамъ силу, не упустилъ въ одномъ ко мнѣ сношеніи просить и всѣхъ находящихся здѣсь Духовныхъ мужей такимъ же образомъ приложить ревностное ихъ стараніе поспѣшествовать великимъ симъ предметамъ; да и лично, а болѣе при своемъ отсюда отъѣздѣ къ острову вашего высокоблагородія, просилъ преподобнаго отца Германа по воли Государя Императора о краѣ семъ особенное имѣть попеченіе.

Уже я имѣлъ честь сообщить вамъ, Милостивый Государь мой, что по отъѣздѣ моемъ сему трудолюбивому старцу поручено начальство здѣшней Духовной Миссіи; а теперь во исполненіе тойже Высочайшей воли и благотворной о здѣшнихъ областяхъ Попечительнаго Образователя ревности, отъ меня предписано ему и въ разсуж-

денін трехъ вышеупомянутыхъ началъ, основаніе которыхъ еще до прибытія Его Превосходительства на Кадьякъ подъ бдительнымъ руководствомъ отца Германа съ желаемымъ успѣхомъ произведено. 1-ое. Касательно земледѣлія во многіе годы на различныхъ земляхъ дѣлаемы были разныхъ сѣмянъ опыты. 2-ое. Касательно просвѣщенія Его Превосходительство изволилъ признать необходимымъ водвореніе хотя нѣсколько сѣмействъ, которыя бы добрымъ примѣромъ благонравія и хозяйственной жизни смягчали дикость жителей,—и дали бъ тѣмъ первый шагъ къ просвѣщенію. Ласковымъ же отца Германа обращеніемъ по долгу проповѣдника въ диконравномъ народѣ, нѣкоторые изъ американцовъ къ трудолюбію. дружественной связи, и хозяйственной жизни пріучены, и за таковое ихъ къ нему послушаніе лично отъ уполномоченной Особы награждены.—На все то съ великимъ вниманіемъ взирая благосклоннымъ окомъ, Попечительный Образователь не только самъ изволилъ уважать не ожидаемое таковыхъ началъ основаніе, но и еще просилъ меня доставить ему о опытахъ, успѣхахъ и замѣчаніяхъ свѣденіе для того, дабы еще и при всеподданнѣйшемъ Его Императорскому Величеству донесеніи его о сей столь нужной хозяйственной въ Америкѣ части за отличные въ земледѣліи труды и упражненія отцовъ Духовной Миссіи, могъ отдать всю достодолжную имъ и главному ихъ путеводцу справедливость.

Къ сему второму началу такъ же принадлежитъ и образованное мною Россійско-Американское Училище. Мню, не безъизвѣстно вашему высокоблагородію, что оно по пріѣздѣ моемъ на Кадьякъ съ 1805-го года марта 20-го дня свое основаніе получило изъ остатка почти издыхающаго прежде бывшей кадьякской школы. Тогожъ

года къ 15 дню августа оно возрасло до 50-ти человѣкъ. съ каковымъ числомъ имѣло удовольствіе показать плоды свои на публичномъ экзаменѣ въ вожделѣнномъ присудствіи Попечительнаго Образователя Россійско-Американскихъ областей Николая Петровича Г. Резанова и любезныхъ посѣтителей какъ Г. морскихъ оберъ-офицеровъ, нѣкоторой неизвѣстной Духовной Особы, равно и Кадьякскаго Гражданства почетныхъ людей. Отличившіеся ученики за прилѣжаніе, успѣхи въ наукахъ, и благопримѣрное поведеніе удостоены личнаго награжденія отъ щедрой уполномоченной Его Превосходительства десницы. Вскорости по отбытіи Попечительнаго Образователя къ острову вашего высокоблагородія въ портъ Ново-Архангельскъ возрасло оно съ отрядомъ учениковъ школы практическаго земледѣлія до 80-ти человѣкъ разныхъ племянъ. По прибытіижъ вашемъ на Кадьякъ 1806-го года съ октября при благотворномъ о бѣдныхъ сиротахъ вашемъ попеченіи уже нечувствительно паки возрасло оно до 100 человѣкъ, въ числѣ коихъ даже обучались и колюжскихъ народовъ аманаты, пріявшіе охотно и добровольно нашу Греко-Россійскую православную вѣру 23-го ноября тогожъ 1806-го года; которыхъ аманатовъ имена суть сіи: 1) Никостратъ Лькайна 25-ти лѣтъ, 2) Никтополіонъ Тыгике 19-ти, 3) Нирсъ Шукка 19-ти, 4) Наркисъ Елькъ 18-ти и 5) Неонъ Кашкинатъ 17-ти лѣтъ. Въ таковомъ вышеупомянутомъ числѣ учениковъ Россійско-Американскаго Училища имѣлъ я пріятный случай произвести и вторый публичный экзаменъ 1807-го года 21-го апрѣля еще въ присудствіи какъ вашего высокоблагородія—яко главнаго Попечителя благотворительныхъ въ Америкѣ заведеній и вашего сотрудника почтеннаго отца Германа и прочихъ духовныхъ мужей. равно

иностранныхъ морскихъ капитановъ и почетныхъ Кадьякскаго Новоучрежденнаго Общества гражданъ. Въ полной мѣрѣ доказало мнѣ, какъ благодѣтельное ваше сообщеніе отъ 23-го апрѣля тѣ великія чувствія, коими преисполнена была ваша душа при обозрѣніи плодовъ сихъ, равно и благородное великому примѣру вашему подражаніе Г. акціонера Василія Ивановича Малахова къ пользѣ края сего.—Теперь (скажу вамъ откровенно) нѣжному Попечительнаго Образователя сердцу любезно будетъ принять сладкое увѣдомленіе, что изъ воспитанниковъ Россійско-Американскаго Училища заступили уже учительскія мѣста. Начатъ такъ же по особому Его Превосходительства предписанію быть собираемъ словарь алеутскаго языка подъ руководствомъ старшаго ученика Парамона Чумовицкаго, да и Грамматикѣ тогожъ языка основаніе положено; котораго ученика яко способнѣйшаго къ симъ предмѣтамъ по совѣту вашего высокоблагородія я оставляю здѣсь подъ особымъ надзираніемъ здѣшняго духовнаго начальника отца Германа. Вы же, Милостивый Государь мой, съ своей стороны, покорнѣйше о томъ прошу, не отлучайте его отъ Россійско-Американскаго Училища. Въ осеннее время, по малости здѣсь кормовыхъ припасовъ, можетъ онъ на цѣлую зиму для общей пользы отлучиться съ особымъ отрядомъ учениковъ въ алитатскую артель къ крестному своему отцу и благодѣтелю, почетному Байдарщику Тимоѳею Леонтьевичу Чумовицкому, а весною къ 1-му маію долженъ представить свой отрядъ къ публичному экзамену, и паки продолжать дѣло свое до осени въ С. Павловской гавани, т. е. исправлять словарь, заниматься переводами при начальникѣ Духовной Миссіи отцѣ Германѣ, каковые онъ изволитъ признать полезными по причинѣ встрѣтившихся обстоя-

тельствъ. Такъ же и малолѣтный ученикъ Грамматики Алексѣй Котельниковъ остается здѣсь при учителѣ Иванѣ Кадьякскомъ и при товарищѣ его Христофорѣ Пряничниковѣ; кои всѣ поручены отъ меня подъ непосредственный призоръ Благочестіемъ украшеннаго мужа—отца Германа для наученія страху Божію, яко началу премудрости истинной.

3) Относительно 3-го начала, т. е. разумноженія народа по той же Всевысочайшей воли благотворительная попечительнаго образователя воля Духовнымъ совѣтами своими о сбереженіи народа чинить вспоможеніе Кадьякскому Правленію Компаніи.

При окончаніи сего всепокорнѣйше прошу васъ, какъ особеннаго здѣшняго края любителя, Духовному Начальнику Отцу Герману по двумъ вышеписаннымъ началамъ для большей общей пользы дѣлать всевозможную помощь, а по третьему благоволите въ отсудствіе ваше предписать, кому отъ васъ поручено быть имѣть Свѣтское Начальство, дабы въ случаяхъ необходимыхъ совѣты во исполненіе вышеупомянутой образователя воли принимать не отрицаться.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
и проч.

Маія 26-го дня
1807-го года.

Копія.

Ваше Высокоблагородіе,
Милостивый Государь мой!

Его Превосходительство ревностный попечитель здѣшняго края, обращая благотворный свой взоръ во всѣ по-

дробности, изволилъ ко мнѣ писать тако: „приводя, говоритъ, во устроеніе всѣ части Американскаго края изъ первыхъ моихъ обязанностей поставляю вникнуть въ настоящее состояніе пребывающей здѣсь Духовной Миссіи и положить прочныя мѣры къ отвращенію нуждъ Отцовъ ея“. Осыпая многими лестными похвалами усердіе ихъ, продолжаетъ: „отдавая съ достодолжнымъ почтеніемъ всю принадлежащую ревностнымъ успѣхамъ ихъ справедливость и главному ихъ путеводцу свидѣтельствуя искреннѣйшую свою признательность“, просилъ меня увѣдомить о ежегодно-нужномъ содержаніи Духовенства и благолѣпія храма Божія, для того, чтобъ онъ могъ преподать къ тому зависящія отъ него способы; А по полученіи отъ меня отвѣта изволилъ увѣрять, что каждогодное содержаніе по ихъ требованію имѣетъ быть выполняемо отъ главнаго Правителя Россійско-Американскихъ областей, о чемъ и предпишется Кадьякскому Правленію Компаніи: того ради ваше высокоблагородіе всепокорнѣйше прошу симъ (какъ самъ высокоуполномоченный изволилъ назвать) „благочестивымъ мужамъ, кои удалясь мірскихъ попеченій, грядутъ во имя Господне просвѣщать и образовать невѣжествующее человѣчество“, относительно пищи, одежды и всѣхъ домашнихъ надобностей по обѣщанію Его Превосходительства отпускать, дабы могъ я со извѣстною въ ономъ надеждою по долгу моему донести Святѣйшаго Синода Первенствующему члену Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту и Ковалеру Амвросію. Относительножъ благолѣпія храма Божія я отвѣчалъ Его Превосходительству, что оно зависитъ отъ усердія Благодѣтелей и Боголюбимцовъ. Необходимы для церкви: мука на просвиры, вино, ладонъ,

свѣчи и деревянное масло; необходимѣе же всего унять въ церкви течь.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
и проч.

Маія 27-го дня
1807-го года.

Копія.

Ваше Высокоблагородіе,
Милостивый Государь мой!

Помощію Всевышняго по возвращеніи моемъ въ С.-Петербургъ необходимо нужно донести мнѣ по долгу моему Святѣйшаго Синода Первенствующему Члену Митрополиту и Ковалеру Амвросію, какъ о бѣдственныхъ приключеніяхъ бывшаго здѣсь Преосвященнаго Епископа Іоасафа, равно и о выкидахъ признаковъ судовыхъ и другихъ какихъ-либо изъ имуществъ: гдѣ, сколько, когда и какія имянно найдены были? То благоволите Ваше Высокоблагородіе дать мнѣ о семъ подробное свѣденіе. А я съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ имѣю честь быть,
и проч.

Маія 27-го дня
1807-го года.

На послѣднія два получилъ я 28-го дня отъ Правителя Г. Баранова объясненіе, (коего прилагаю здѣсь подлинникъ), гдѣ Его Высокоблагородіе, упомянувъ о бывшихъ приключеніяхъ и выкидахъ Компанейскаго судна Финикса, поставляетъ за удовольствіе подкрѣплять духовныхъ во всѣхъ ихъ надобностяхъ до рѣши-

тельнаго о Кадьякской Духовной Миссіи положенія; а между тѣмъ проситъ меня здѣлать разрѣшеніе: по требованіямъ ли только Начальствующаго Отца Германа производить отпуски, или каждаго изъ нихъ порознь? На что я отвѣтствовалъ ему симъ:

Копія.

Ваше Высокоблагородіе,
Милостивый Государь мой!

Желаете вы, Милостивый Государь, знать для повѣрки отчетовъ Старосты и Прикащика, на оставшихся здѣсь Духовныхъ производить отпуски по требованіямъ ли Начальствующаго или каждаго порознь? На сіе имѣю честь сказать вамъ кратко: конечно по правиламъ субординаціи должны быть чинимы отпуски на одно лицо Главно-Начальствующаго Отца Германа. А естьли нарушены будутъ правила порядка, то выдетъ извѣстная руская пословица: *Лыко за начало, а голова за мочало.*— Съ непремѣннымъ почтеніемъ во всю мою жизнь имѣю честь быть,

и проч.

29-го дня
1807-го года
Павловская гавань.

1-го Іюня поручено отъ меня Отцу Герману слѣдующее:

Копія.

Преподобный Отецъ Германъ!

По благодѣтельному ко мнѣ сообщенію Его Высокоблагородія Александра Андрѣевича Г. Баранова отъ

23-го Апрѣля сего года, поручаю вамъ получить для награды опредѣленную на воспитанниковъ Россійско-Американскаго Училища, отличившихся какъ примѣрными успѣхами въ наукахъ, такъ въ благоповеденіи примѣрномъ и показавшія довольныя способности въ обученіи другихъ учениковъ при бывшемъ экзаменѣ 21-го тогожъ мѣсяца сумму триста рублей, раздѣливъ имъ слѣдующимъ образомъ: Ивану Кадьякскому девяносто рублей, Парамону Чумовицкому девяносто рублей, Христофору Пряпишникову восемьдесятъ рублей и Алексѣю Котельникову сорокъ рублей.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,

и проч.

1-го Іюня
1807-го года.

11-го отдано Начальствующему Отцу Герману слѣдующіе наставленіе:

Копія.

Преподобный Отецъ Германъ!

Отправляясь теперь въ С.-Петербургъ по долгу моему непремѣнно-нужнымъ призналъ поручить вамъ Начальство Америко-Кадьякской Духовной Миссіи; о чемъ я уже увѣдомилъ Его высокоблагородіе Г. Коллежскаго Совѣтника и Главнаго Правителя здѣшнихъ областей Александра Андрѣевича Баранова; вамъ же сверхъ личныхъ моихъ съ вами обьясненій къ лучшему устроенію и на письмѣ обьявить мои мысли обязанностію поставляю:

1) Отдавая всю достодолжную вашимъ достоинствамъ и вашей благодѣтельной о пользѣ здѣшняго края рев-

ности мою признательность, лестною питаю себя надеждою, что не оставите вы опытными своими наставленіями вкоренить въ сердца Россіянъ и Американцовъ правила истиннаго Богопознанія, любовь къ Отечеству и дружественную между обоими племенами связь. — Извѣстно вамъ, что Духовныхъ есть первый долгъ показывать образъ Христіанской святости въ житіи своемъ, то я не сомнѣваюсь, что вы употребите должное въ томъ руководство. Особенно вашему Преподобію подлежитъ, да всякъ въ должности, въ какую онъ призванъ, пребываетъ радѣтельно, честно и благородно.

2) Во всей здѣшней церкви находится великая течь, о чемъ и прежде отъ меня была увѣдомлена Кадьякская Контора; то вашъ долгъ еще настоять теперь о перекрытіи ея.—Ризницу, утварь и книги для отправленія службы Божіей необходимыя отъ васъ зависитъ поручить смотрѣнію или іеромонаха Аѳанасія или монаха Іоасафа, и о тщательномъ всего того сбереженіи особое имѣйте попеченіе.

3) По пріѣздѣ моемъ изъ С.-Петербурга съ удовольствіемъ примѣтилъ я въ экономіи вашей рѣдкую умѣренность и примѣрное хозяйство,—какъ вѣрные способы къ сохраненію хлѣба, за который даже Его Превосходительство отдалъ вамъ истинную признательность, бывъ одолженъ сорокью сумами для подкрѣпленія его плаванія; то и оставляю уже излишнимъ напоминать вамъ о наблюденіи подобнаго прежнему хозяйства какъ въ оставшемся хлѣбѣ, равно и въ протчемъ имуществѣ, бывъ совершенно увѣренъ, что вы не опустите всего того, что только по сему предмету можетъ зависить отъ ревности вашей.

4) Его Превосходительство сообщилъ мнѣ, чтобъ

„впредь до воспослѣдованія Его Императорскаго Величества воли не сочетать бракомъ иныхъ, кромѣ тѣхъ, кои здѣсь остаться пожелаютъ, и въ такомъ случаѣ брать съ нихъ подписки, засвидѣтельствованныя Правителемъ и съ поручительствомъ трехъ человѣкъ изъ тѣхъ, которые обьявили себя навсегда здѣшними гражданами“. — О чемъ уже заведенный въ Конторѣ порядокъ и впредь продолжайте.—Относительно доставленія ежегодной народной переписи въ Контору о рожденіи, бракосочетаніи и умершихъ выполнить не возможно какъ по тому, что народъ Компаніею и мужескій и женскій полъ отъ своихъ жилъ разсылается въ разныя далечайшія стороны, не дая о томъ Духовной Миссіи никакаго свѣденія, такъ и потому, что Духовная Миссія имѣетъ только однаго іеромонаха, коему такъ же отъ Церкви и Гавани отлучаться далеко не возможно; оставшіяся же по жиламъ люди распоряжаются Компанейскими Байдарщиками, отъ коихъ такъ же Духовные никакого о рожденіи и умершихъ свѣденія не получаютъ. А поелику Духовная Миссія не имѣетъ у себя письмоводителей; то въ случаѣ крещенія и бракосочетанія для записки требовать вамъ отъ Конторы вспоможеніе. О чемъ отъ меня уже сообщено Его Высокоблагородію здѣшнему Правителю.

5) По прибытіи моемъ на Невѣ въ дико-образный и уделенный сей край, первое возрѣніе какъ на суровость климата, такъ на нагую грубость природы, сотрясало всѣ мои чувства ужасомъ; Но, когда увидѣлъ вожделѣнные плоды ревностныхъ вашихъ успѣховъ въ ласковомъ съ Американцами обращеніи и въ производимомъ чрезъ нихъ земледѣліи и хозяйственной экономіи; то таковая неожидаемая пріятность наполнила Духъ мой

сладкимъ спокойствіемъ. Да и Его Превосходительство по пріѣздѣ своемъ съ подобнымъ взирая удовольствіемъ на таковыя ваши въ дико-видной сей странѣ произведенія, къ большему еще поощренію лично при васъ наградилъ при ласканныхъ вами Американцовъ за ихъ къ вамъ послушаніе въ трудолюбіе. По томъ для образованія края сего призналъ за лучшіе во основаніе положить три начала: 1-ое Земледѣліе, 2-ое Просвѣщеніе, 3-ье разумноженіе народа, и просилъ меня напрягать къ тому всѣхъ умы, чтобы скорѣе можно было облагодѣтельствовать край сей. То и я съ своей стороны при отъѣздѣ моемъ вамъ, какъ оныя начала уже положившимъ, напоминаю имѣть еще наибольшее о томъ попеченіе, впротчемъ почитая излишнимъ о сихъ подробностяхъ обьяснять вамъ, какъ довольно въ томъ опытнымъ. Помощь же въономъ можете получать отъ Компаніи. О чемъ отъ Его Превосходительства уже Конторѣ предписано, и отъ меня сообщено Его Высокоблагородію Александру Андреевичу Г. Баранову.

6) Съ удовольствіемъ поручаю особенному Вашего Преподобія попеченію заведенное мною Россійско-Американское Училище. Установленный въономъ порядокъ долженъ быть и впредь охраняемъ. Наставленіе въ Училищѣ отъ меня оставлено. Учителемъ признанъ Иванъ Кадьякскій, Товарищемъ его Христофоръ Прянишниковъ и Помощникомъ при нихъ Алексѣй Котельниковъ. Парамону Чумовицкому при спомоществованіи другихъ вѣрено собраніе словаря Алеутскаго языка, такъ же и сокращенное начертаніе Грамматики тогожъ языка; онъ долженъ быть и переводчикомъ при васъ. Такъ же за отрядомъ Учениковъ земледѣлія имѣйте должное смотрѣніе и прилежаніе. Зависящіе къ тому способы Ком-

нанія долгъ имѣетъ доставлять вамъ. Болѣе всего потщитесь напоить юныя сердца ихъ правилами вѣры, страха Божія и всей нравственности; за преступленія наказывайте. Любовь ваша ко всему благому не дозволяетъ мнѣ сумнѣваться, что все сіе отъ васъ наилучшимъ образомъ исполнено быть имѣетъ.

7) Содержаніе ваше по увѣренію Его Превосходительства (какъ и вамъ извѣстно) предоставлено попеченію здѣшняго Правителя; о чемъ и я съ моей стороны просилъ его. Для лучшаго жъ порядка требованія ваши должны быть на одно ваше лице.

8) Паче всего старайтесь сохранить между братствующими миръ, тишину и согласіе. Я жъ съ моей стороны прошу и молю Всевышняго Даровъ-Дателя, да ниспошлетъ вамъ силу и крѣпость, во еже творити и дѣяти о благоволеніи Его.—Александро-Невской Лавры Соборный Іеромонахъ Гедеонъ. Іюня 11-го дня 1807-го года. На Кадьякѣ. Павловская гавань.

Точная копія собственноручнаго письма Александра Андреевича Баранова къ іеромонаху Гедеону.

Бывшему при кадьяцкой Духовной Миссіи, Александроневской лавры Соборному иеромонаху Отцу Гедеону
Правителя Баранова.

Милостивый Государь мой.

Насообщенія Ваши 27-го числа сего Маія мне доставленные честь имею объяснить.

на 1-е касательно разбитія компанейскаго фрегата Финикса, инаономъ потери бывшаго преосвященнаго иоасафа Совсею Его Свитою, и судовымъ экипажемъ.

Помянутое Судно отъ правилась изъ охоцка въ осень 1799 года пряма сюда накадьякъ, а Видели Ево 28 числа Октября тово году недалеко отъ уналашки, противъ острова умнака русскіе и алеуты тамошніе. ногде оное разбилосъ ипося поръ неполучено никакихъ Верныхъ сведеній, причиноюже нещастію сему полагаютъ бывшіе приотправленіи ихъ въ охоцке ту, што тамъ свирепствовало тогда смертаносное поветріе капля, кровавыхъ поносовъ и горячки, много народу помѣрло, аможетъ бытъ исъ следующихъ при сѣмъ транспортѣ болѣе 70-ть человекъ промышленныхъ некоторые заражены были теми же болѣзнями и распронили напрочихъ. истатся могло што имореходъ коллежской ассесоръ Господинъ шильцъ отъ той же скончался, а другова небыло. апотому исудно можетъ быть безуправлѣнія осталась въ беспрепядствее-

номъ дѣйствіи Стихіи Волнъ и Ветровъ. однакожъ Видимо было въ близи уналашки подпарусами присильной погоде къ кадьяку путь направляемъ.

Выкиды судовые показались здѣсь накадьяке ивъ окруженныхъ Вкощке маія и Вначале июня м-ца послѣдующаго уже 1800 года. искоихъ месяцовъ въ первомъ Во заратился исподситки по прозимовке тамъ. Выкидывало судовые доски, бисисы, бусприть и брашпилъ, натугидаке тунтай берестяной съ масломъ на шуяке укамоке ипоразнымъ мѣстамъ даже иоколо уналашки Восковые свечи и несколько порозжихъ, инапитками смешанными сросоломъ флягъ, каковую и около мыса Силіи нашли же партовщики, а наострове Сюкле въ чугацкой Губе 2 оболочки коженные съ большихъ кънигъ; итоже несколько Восковыхъ свечь среднихъ малыхъ кои сколько получено иотдаваны были въ церьковъ здешнюю.—Въ томъ же 800 году осенью найденъ подситкою тово судна руль, а далѣе недалѣко отъ острова румянцова въ бухте две товоже судна мачты около 56° северной широты; но болѣе никакихъ выкидовъ неизвесно и Верныхъ слуховъ омѣсте разбитія неперенято, сказывалъ только одинъ изъ американскихъ капитановъ иосифъ океинъ; якобы слышалъ отъ другихъ будто около бухты бокорело или бобровой, где приставалъ прежней беринговой экспедицыи капитанъ Чириковъ, Видели у тамошнихъ дикихъ народовъ въ 801 году платье целое и въ лоскутье подбитое лисьими мѣхами, каковаго народы те неимѣютъ ниторгующіе пришельцы недоставляютъ, то иполагаютъ быть россійскому. Но правда ли то Заверное утвердить неможно.

На 2-е Относящеѣся къ удовольственному содержанію остающихся примиссіи трехъ духовныхъ особъ.

Въ первобытное прошѣдшее посіе Время, духовной миссіи отъ цамъ поколику позволяли взбытки и обстоятельства, компанейскихъ продуктовъ ипрочаго ни Вчомъ отказывано небыло. Впреть заудовольствіе поставляю подкреплять Вовсехъ надобностяхъ, Вчомъ послѣдують недостатки ихъ авкомпаніи состоитъ то вналичности. Притомъ же исама компанія въ долгу еще состоитъ духовной миссіи, Взятыми Его Превосходительствомъ 40-ю сумами ржанаго провіанта, и на довольную сумму прежде полученныхъ заимообразно же таварныхъ вещей. И хотя таперь иненаходится въ наличности ни фунта перваго, нодовольно есть сорочинскаво пшена коимъ и замѣнить пудъ запудъ Есть Возможность, истоварнаго же какіе Есть и Впредь вступятъ также безпрепядственно отъпущатся будетъ поихъ требованіямъ. амежду тѣмъ по обнадеживанію Его Превосходительства ожидать должно ирешительнаго о духовной миссіи ограниченнаго штатомъ ипрочемъ въ извесность Введеннаго положенія. — Но прошу покорно зделать также иразрешеніе по требованіямъ ли только Начальствующаго Отца Германа производить отъ пуски или каждому изъ нихъ порознь? итакъ же для по Верки отъчотовъ старосты и прикащика нужно Вканторе имѣть исостороны духовной Вполучаемомъ свидетельство.

Пребываю съ должнымъ Почтеніемъ моимъ
Вашего Преподобія
Покорнымъ слугою.
Александръ Барановъ.

№ 32-й.
Маія 28 дня
807 года.
О. Кадьякъ.

